ISSN 2071-0968

СОЦИОЛОГИЯ

3

2011

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Данилов А.Н. Vivat universitas! Белорусскому государственному университету – 90 лет! ... 3

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ТРИБУНА

Стёпин В.С. Новые проблемы философии науки ... 5

Генри Тьюн. Глобализация и местная демократия: вызов демократическому управлению в урбанистическом мире ... 13

Ежи Вятр. Польша – Россия: национальные интересы или историческая память? ... 23

БИОГРАФИИ УЧЕНЫХ

Данилов А.Н. Слово о А.Н. Елсукове ... 36

А.Н. Елсуков: «…пришло время говорить о белорусской социологии как о самостоятельной научной школе…» (интервью доктора философских наук, профессора А.Н. Елсукова главному редактору журнала «Социология» профессору А.Н. Данилову) ... 37

Елсуков А.Н. Социология в тени теоретических предрассудков ... 43

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Титаренко Л.Г. Социальная теория после 1945 г.: немецкие версии ... 53

Липай Т.П., Мамедов А.К. Общество знания: парадоксы развития ... 65

Ластовский А.Л. Трансформация концепта «социальная мобильность» в (пост)советской социологии ... 72

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

Злотников А.Г. Достижения белорусской советской демографической науки ... 82

Антонина Островска. Польские женщины в возрасте 50 лет и старше: как мы стареем? 94

Шкурова Е.В., Карасева С.Г. Религия в образовании: к вопросу о введении в школьную программу курса о религии (религиях) ... 108

КОНСПЕКТ СОЦИОЛОГА

Шавель С.А., Данилов А.Н. Введение в дисциплину «Социология» ... 116

ГЛАВА ИЗ НОВОЙ КНИГИ

Алиса Селезнева. Час абсента ... 127

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Евгений Вячеславович Матусевич ... 144

СОЦИОЛОГИЯ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с сентября 1997 г.
Выходит четыре раза в год

Учредитель: Белорусский государственный университет

Главный редактор **А.Н. Данилов**

Редакционная коллегия:

И.Н. АНДРЕЕВА (зам. главного редактора), Д.К. БЕЗНЮК, С.Н. БУРОВА, В.В. БУЩИК, Ж.М. ГРИЩЕНКО (зам. главного редактора), Е.А. КЕЧИНА, В.Я. КОЧЕРГИН, Н.В. КУРИЛОВИЧ, Е.Е. КУЧКО, С.В. ЛАПИНА, Н.Е. ЛИХАЧЕВ, А.Б. МИСКЕВИЧ, Д.Г. РОТМАН (зам. главного редактора), В.Г. РУДЬ (зав. редакцией), В.А. СИМХОВИЧ, Л.А. СОГЛАЕВА, Л.В. ФИЛИНСКАЯ, Ю.Г. ЧЕРНЯК (отв. секретарь)

3

2011

МИНСК
БГУ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Данилов А.Н. (председатель),
Ротман Д.Г. (зам. председателя),
Бабосов Е.М. (Минск, Беларусь), Бакиров В.С. (Харьков, Украина), Гуцаленко Л.А. (Минск, Беларусь), Давидюк Г.П. (Минск, Беларусь), Елсуков А.Н. (Минск, Беларусь), Зиновский В.И. (Минск, Беларусь), Инглхарт Р. (США), Матулионис А. (Вильнюс, Литва), Рубанов А.В. (Минск, Беларусь), Соколова Г.Н. (Минск, Беларусь), Стёпин В.С. (Москва, Россия), Стражев В.И. (Минск, Беларусь), Титаренко Л.Г. (Минск, Беларусь), Тощенко Ж.Т. (Москва, Россия), Туманов С.В. (Москва, Россия), Украинец П.П. (Минск, Беларусь), Хельман Л. (Утрехт, Голландия), Херпфер Х. (Абердин, Шотландия), Чурилов Н.Н. (Киев, Украина), Шавель С.А. (Минск, Беларусь)

СОЦИОЛОГИЯ

№ 3, 2011

На русском и белорусском языках

Заведующий редакцией *В.Г. Рудь*

Редактор *И.А. Лешкевич*

Редактор стилистический *Л.А. Меркуль*

Технический редактор *В.П. Швед*

Компьютерный набор и верстка выполнены *В.П. Швед*

Подписано в печать 04.11.11. Формат 70×108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 15,24. Тираж 250. Заказ 668.

Цена: для индивидуальных подписчиков – 20 920 руб.;

для организаций – 48 463 руб.

Регистрационный № 1084

Почтовый адрес редакции: 220030, Минск, ул. Бобруйская, 7.
Адрес редакции: ул. Кальварийская, 9, каб. 101, 105. Тел. 259-70-74, 259-70-75,

факс 226-06-65.

E-mail: vestnikbsu@bsu.by

Отпечатано с оригинала-макета заказчика в РУП «Издательский центр БГУ».

220030, Минск, ул. Красноармейская, 6.

ЛП № 02330/0494178 от 03.04.09.

© Социология, 2011

VIVAT UNIVERSITAS!
БЕЛОРУССКОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ УНИВЕРСИТЕТУ – 90 ЛЕТ!

Возраст здесь ни при чем. Так сложилось, что историческая миссия Белорусского государственного университета – быть колыбелью университетского образования и фундаментальной науки в Беларуси. Университетом стала прорастать государственность, слава и могущество Земли белорусской. Со дня его создания в 1921 г. прошло 90 лет. Выдержав все испытания, выпавшие на долю нашей страны, университет сохранил в своих стенах традиции гуманизма, креативности и демократических свобод, уникальную интеллектуально насыщенную среду, в которой формируется творческая и научная элита Беларуси, ее настоящее и будущее.

В университетских аудиториях привычно видеть представителей естественных и гуманитарных наук, которые, несмотря на чины и звания, горячо спорят в поисках истины. И прав не тот, у кого больше прав, а тот, на чьей стороне более весомые аргументы. А с чем может сравниться университетское братство? На дворе уже XXI в., а студенты также ершисты, спорят, шутят, засиживаются в читальных залах общежитий за полночь, клянутся в вечной любви и мечтают об успехе. Так было и так будет всегда.

Университет открыл немало ярких личностей, обогативших науку и технику, образование и культуру своими выдающимися достижениями. Сегодня во всех уголках нашей родной Беларуси, во многих странах ближнего и дальнего зарубежья успешно трудятся выпускники БГУ. Целые отрасли науки, новые научные направления сформировались и окрепли в стенах университета, а затем воплотились в самостоятельные вузы и исследовательские центры. Именно наш университет открыл белорусам социологию. Уже в 1921 г. в нем читалась генетическая социология студентам факультета общественных наук. В «Трудах БГУ» за 1923 г. был опубликован первый курс лекций по социологии. И здесь же социологическая наука стала возрождаться в конце 1950-х гг., после почти двух десятилетий запрета на ее преподавание. В 1956/57 учебном году опальный академик АН СССР и профессор БГУ Г.Ф. Александров прочитал для студентов четвертого и пятого курсов исторического и юридического факультетов курс лекций «История социологических учений», а в 1958 г. вышла его книга «История социологии как наука».

В 1989 г. произошла окончательная институционализация социологической науки и образования: набрали первых студентов по новой специальности «Социология», открыли первую кафедру социологии, первый диссертационный совет по социологическим наукам, воссоздали исследовательский центр, начали выпуск первого научно-теоретического журнала «Социология», образовали общественное объединение «Социологическое общество», издали первые учебники, хрестоматии, энциклопедии, появились свои первые доктора и кандидаты социологических наук, магистры по социологии... Все это сделано преподавателями университета. Мы помним всех и искренне им благодарны: живым и ушедшим, работающим и не работающим, остепененным и не остепененным, известным и не очень, но главное – всегда не равнодушным, несмотря ни на что верящим и надеющимся, что социология – это уже навсегда.

Сколько воды утекло с тех пор, когда все только начиналось и когда каждый шаг вперед давался такой дорогой ценой. Однако и сегодня нет-нет да и проявляет себя бюрократический зуд реформаторства. И даже сейчас появляются желающие вновь выбросить социологию из учебных планов или объединить с другой наукой. А как бы было хорошо сегодня написать о том, что и первый социологический факультет также открыт в Белорусском государственном университете. Рано или поздно, но социологический факультет в Беларуси будет, но вот в нашем ли университете – на сегодня это вопрос открытый.

Социология – наука живая, о чем всегда говорил Питирим Сорокин. Мы живем как раз в такое время, когда Республика Беларусь активно развивается, идет непрерывный процесс государственного строительства, вырабатывается свое видение внутренней и внешней политики, идеологии суверенного белорусского государства. Сегодня, как никогда ранее, обществу просто объективно необходимы новые социальные идеи, теории, концепции. И именно в такой период социология становится максимально востребованной. Нельзя ничего получить в готовом виде извне, все должно сформироваться внутри национального социума.

Поэтому в сложившейся ситуации большую актуальность приобретают задачи по совершенствованию процесса подготовки, сохранения и дальнейшему развитию кадрового потенциала социологической науки. В силу своего особого научно-фундаментального и вместе с тем прикладного характера социология более, чем другие социальные, не говоря уже о гуманитарных дисциплинах, связана с преобразованием общества. Курс социологии не дублирует курсы по философии или политологии, а дает иные, крайне необходимые современному гражданину знания о мире и обществе – о природе социальной жизни, малых и больших группах, социальной структуре, социальных институтах, направлениях социального развития. В конечном счете знания по социологии оказывают колоссальное влияние на формирование научного мировоззрения студенчества, помогают молодым людям самостоятельно разобраться в сегодняшней действительности.

Вот почему среди проблем, связанных с социологическим образованием, на первое место по значимости выходит задача не только сохранения существующего учебного объема социологических дисциплин, но и существенного его расширения. Современный опыт преподавания отвечает потребностям вступления Беларуси в период формирования общества постиндустриального типа, способствует повышению как общегражданской подготовки специалистов, так и общей культуры их мышления.

Накануне юбилея университета больше говорится о достижениях, меньше – об упущенных возможностях. И это правильно. Университет – субстанция вечная, и девяностолетний фундамент – лишь основа для его будущего. Верится, что и наш кирпичик под названием «социология» будет надежным строительным материалом в этом фундаменте, способном выдержать любые испытания временем…

Мы искренне поздравляем университетское сообщество с юбилеем и в едином порыве со всеми, сердечно любящими свою Alma mater и искренне примкнувшими к ним, провозглашаем – Vivat universitas!

А.Н. Данилов,
член-корреспондент НАН Беларуси

От редакции

Университетскую трибуну юбилейного номера нашего журнала мы предоставили выдающимся мыслителям современности – философу В.С. Стёпину (Россия), политологу Генри Тьюну (США) и социологу Ежи Вятру (Польша). Для всемирно известного ученого академика Российской академии наук В.С. Стёпина БГУ – Alma mater. Здесь он получил философскую подготовку, закончив философское отделение исторического факультета, был признан как талантливый и перспективный ученый, возглавлял кафедру философии гуманитарных факультетов. Именно в этих стенах зародились и сформировались его философские идеи, которые послужили основой его восхождения на всесоюзный академический Олимп, а затем и мировой. Но начиналось все это с его университетских исследований, со статей и монографии, опубликованной в БГУ. Сегодня мы представляем нашему читателю заключительную главу его новой книги «Научное познание в социальном контексте. Избранные труды», выход которой запланирован в самом начале 2012 г. в БГУ.

Новая книга В.С. Стёпина – это не просто сборник опубликованных ранее работ известного автора. Большинство из публикуемых материалов заново отредактировано, и, главное, они выстроены таким образом, что реально демонстрируют этапы развития идей ученого, глубину погружения в проблему, логическое восхождение от первоначального замысла к четко сформулированной и обоснованной новой научной парадигме. Как выяснилось, эта парадигма оказалась чрезвычайно перспективной, откликаясь на запросы интеллектуальной среды научного поиска второй половины XX – первого десятилетия XXI в. Ее разработка потребовала переосмысления накопленного материала философии и методологии науки и глубокого анализа основных этапов истории науки.

В.С. СТЁПИН,
АКАДЕМИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК,
ПОЧЕТНЫЙ ПРОФЕССОР БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (МОСКВА)

НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

В реальном контексте социальной детерминированности научного познания на всех стадиях своего исторического развития рассматриваются изменения предмета философии науки. Основная характеристика современного этапа – интеграция философии науки и социологии знания. Обосновывается перспективность в конце XX – начале XXI в. программы синтеза философских, социологических и историко-научных исследований. Анализируются типы научной рациональности (классическая, неклассическая и постнеклассическая), смена которых формирует новое видение научной деятельности с утверждением в современной науке и технологии особого типа рациональности. Этот тип имманентно включает рефлексию над ценностями, резонирует с представлениями о связи истинности и нравственности, свойственной традиционным восточным культурам. Наука становится одним из важных факторов диалога культур Востока и Запада как одного из условий формирования новых ценностных ориентиров и новых стратегий цивилизационного развития.

The changes of the subject of philosophy of science are considered in the real context of social determination of scientific cognition at all stages of its historical development. The perspectives of the program of the syntheses of philosophic, sociological and historic-scientific studies in late XX – early XXI c. are given grounds for. The types of scientific rationality (classical, non-classical and post-non-classical ones) are given analysis to; their change forms a new vision of scientific activities with strengthening a special type of rationality in modern science and technology. This type immanently includes reflection of values, resounds with beliefs about relationship of truth and morality which are peculiar of traditional Eastern cultures. Science is becoming one of the most important factors of the dialogue between the cultures of the East and West, which is viewed as a condition to shape new value orientations and new strategies of civilized development.

Предмет философии науки изменяется по мере исторического развития самой науки. Смена типов рациональности каждый раз формирует новое видение научной деятельности. Соответственно возникает и новое поле проблем философии науки.

Характеристики разных типов рациональности были обозначены мною еще в работах середины 1980-х гг. Впоследствии я систематизировал и уточнил основные признаки типов научной рациональности (классическая, неклассическая и постнеклассическая рациональность). Они различаются, во-первых, системной организацией исследуемых объектов. Классическая рациональность обеспечивает освоение простых систем, неклассическая – сложных саморегулирующихся систем, постнеклассическая – сложных саморазвивающихся систем. Каждый из этих типов систем требует для понимания и познания особой категориальной сетки (особых смыслов категорий части и целого, вещи и процесса, причинности, пространства и времени).

Во-вторых, различие типов рациональности выражается в специфическом понимании идеалов и норм исследования. При сохранении инвариантного содержания этих норм, выражающих отличие науки от других форм человеческого познания, в каждом новом типе научной рациональности возникают особые, специфические смыслы в трактовке объяснения и описания, обоснования, строения и построения знания.

Например, классика условием объективности знания полагает элиминацию из процедур объяснения и описания всего, что относится к познающему субъекту, к средствам и операциям его деятельности. Неклассика, напротив, включает в процедуры объяснения и описания характеристику средств и операций деятельности, благодаря которым выявляются свойства и закономерности изучаемого объекта. И это интерпретируется не как отказ об объективности знания, а как условие ее достижения.

В постнеклассической рациональности возникает новое расширение смыслов научного объяснения и описания. В них в качестве условия реализации идеала объективности включаются процедуры соотнесения внутринаучных и вненаучных ценностей.

В-третьих, в каждом новом типе рациональности изменяются философские основания науки. Углубляется философская рефлексия над научной деятельностью. В классической рациональности эта деятельность предстает как познавательное отношение, в котором суверенный познающий разум (субъект) со стороны наблюдает и изучает объекты и в идеале не детерминирован ничем, кроме своих способностей постигать свойства и сущностные связи объектов.

В неклассической рациональности выясняется, что между разумом и объектом всегда есть посредник – средства и операции деятельности. Они исторически развиваются, и от уровня их исторического развития зависит то, что может выделить и изучить в мире познающий разум. Наконец, в постнеклассической рациональности принимается во внимание, что любая деятельность, в том числе и научное познание, социально детерминирована, определена базисными ценностями культуры, которые программируют деятельность, влияют на формирование ее ценностно-целевых установок.

Научное познание во все эпохи было социально обусловлено. Но не во все эпохи это осознавалось и закреплялось в философских основаниях науки[1].

Включение в предмет философии науки представлений о социальной детерминации научной деятельности поставило ряд проблем соотношения философского и социологического подходов к анализу процессов генерации нового научного знания. Эти проблемы были намечены еще в дискуссиях 1980-х гг. Сегодня они не только не утратили своей актуальности, но в определенных отношениях обрели новую остроту в связи с новым развитием социологии знания.

Социология знания с самого начала своего возникновения взаимодействовала с философией и историей науки. Применительно к исследованиям науки в ранний период социологии знания (Э. Дюркгейм, К. Мангейм, Р. Мертон и др.) были определены границы ее предметной области – изучение науки как социального института. Что же касается процессов порождения нового научного знания, то эта область исследований оставалась за эпистемологией и философией науки.

Возникновение новых направлений в социологии знания второй половины XX в. (сильная программа социологии знания Д. Блура, исследования К. Кнорр-Цетиной, М. Малкея, Б. Латура и др.) привело к расширению ранее обозначенных границ. Формулируя сильную программу социологии знания, Д. Блур отмечал, что «социология знания могла бы активнее вторгаться на территорию, занимаемую в настоящее время философами, которым было позволено взять на себя задачу определения природы знания. В самом деле, социологи слишком охотно ограничивают свой интерес к науке ее институциональной структурой и внешними факторами, определяющими темп ее развития или направление. Это оставляет в стороне вопрос о характере создаваемого таким образом знания»[2].

Такой подход в определенной мере улавливал особенности современной науки. В ней достаточно отчетливо прослеживается, что в процесс формирования и реализации исследовательских программ инкорпорированы социально-этическая экспертиза, оценки социальной эффективности программы, ее популяризация, формирующая позитивное общественное мнение по отношению к научному исследованию.

Все эти факторы, ранее рассматриваемые как внешние по отношению к науке, сегодня с очевидностью предстают как включенные в сам процесс порождения нового знания. Они выступают необходимым условием формирования этого знания. Строго говоря, наука на всех стадиях своего развития была социально детерминирована. Но то, что отчетливо проявилось в современных условиях, на предыдущих стадиях развития науки было завуалировано.

Социология знания целенаправленно исследует состояния науки под особым углом зрения, акцентируя роль социальных детерминант в самом процессе научного открытия. В работах Б. Латура эти особенности были продемонстрированы при анализе истории открытия Пастера, формирования Лайелем основ геологии, открытия Эдисоном лампочки накаливания и др.

Но расширение границ социологии знания не означает, что в рамках только социологического анализа можно раскрыть механизмы генерации нового знания в науке.

Сильная программа Д. Блура ориентирует на исследования процессов порождения научного знания в особом аспекте. Согласно этой программе любое знание, в том числе и научное, должно рассматриваться как продукт коллективного убеждения. Эта значит, что акцент сделан на субъект-субъектных отношениях научной деятельности, которые полагаются главным предметом анализа. Такой анализ необходим для понимания того, как принимается новое знание научным сообществом, как оно включается в поток культурной трансляции и используется в других областях деятельности. Но он еще недостаточен для раскрытия механизмов формирования новых научных знаний.

Как и любая человеческая деятельность, научное исследование включает две взаимосвязанные подструктуры этой деятельности: субъект-объектную, и субъект-субъектную. Деятельности не бывает вне отношения к объекту, который преобразуется в деятельности. Основная задача науки – познать законы, в соответствии с которыми происходят изменения и развитие объектов. И только благодаря решению этой задачи научные знания имеют технологическое применение в различных сферах социальной жизни (от промышленных до социальных технологий).

Процессы познавательного освоения исследуемых объектов традиционно изучали гносеология и философия науки. Выработанные ими концептуальные средства и методы столь же необходимы для понимания процессов формирования знания, как и методы социологии науки. Стремление противопоставлять эти подходы малопродуктивно.

В философии науки такое противопоставление было связано с позитивистской традицией, история которой показала, что решить две главные методологические проблемы науки (выяснить механизмы научного открытия и найти принципы, обеспечивающие интеграцию дисциплинарно организованной науки) невозможно, не принимая во внимание ее социокультурную детерминацию.

Но и в социологии знания есть примеры, когда стремление минимизировать привлечение современных концептуальных средств философии науки приводит к весьма сомнительным и неприемлемым выводам. К ним можно отнести выводы К. Кнорр-Цетиной о том, что в естественнонаучной лаборатории мы имеем дело не с природой, а только с продуктами нашей деятельности, что структурирование продуктов науки (знаний) не зависит «от их внешнего структурирования соответствием или несоответствием реальности»[3], что понятия «истина» и «природа» столь же не нужны для описания процессов формирования фактов, как и понятие «теория» и т. п.

Но если полностью абстрагироваться от анализа объектного содержания знания и свести его только к форме коммуникации между познающими субъектами, если интерпретировать процедуры формирования научных фактов только с точки зрения согласия и несогласия ученых, выбора результатов с целью сформировать коллективные убеждения, то тогда невозможно отличить научную деятельность от ее псевдонаучной имитации.

Представим себе сообщество псевдоученых, которые, получив финансирование, устраивают диспуты, обсуждения, конференции, поощряют друг друга, присваивают различные почетные титулы, но никакого нового результата не дают (сюжет, не так уж далеко отстоящий от реалий современной жизни). Микросоциолог в этом случае обнаружит все признаки отношений между исследователями, которые он полагает достаточными для генерации нового знания. Но такового знания не производится.

Абстрагируясь от содержательных аспектов научной деятельности, ориентированной на познание исследуемых объектов, невозможно выявить механизмы роста научного знания. Крайние версии как интернализма, так и экстернализма гипертрофированно выделяют только один из аспектов исследовательской деятельности. Более продуктивны промежуточные (слабые) варианты. Они открывают путь к синтезу разных подходов.

В рамках неклассической социологии знания к ним можно отнести исследования Б. Латура. Они меньше тяготеют к «жесткому» варианту «сильной программы», нежели работы К. Кнорр-Цетиной. Б. Латур при анализе процесса формирования факта постоянно отмечает, что сопротивление объекта внешнему воздействию, следы этого сопротивления в данных наблюдениях выступают исходным базисом последующих коллективных убеждений сначала научного сообщества, а затем и более широкой сети поддержки нового научного знания (продолжение сети за счет практического внедрения финансовой, политической, общественной поддержки). Уместно подчеркнуть, что при исследовании экспериментальной деятельности и операций формирования факта Б. Латур активно использовал идеи философа и методолога науки Людвига Флека[4].

Такого рода инкорпорация в социологию знания идей философии науки, разработанных в ней методологических приемов и концепций не случайна. Эти две области исследования с разных сторон изучают одну и ту же реальность – знание как феномен культуры. И использование концептуальных средств, заимствованных из соседней области, часто выступает как необ-

ходимое условие решения проблем и задач в другой области. Даже в наиболее жестких версиях сильной программы социологии знания можно обнаружить обоснования, относящиеся к области гносеологии и философии науки. К. Кнорр-Цетина, обосновывая свой подход к анализу научной деятельности, использует ряд идей С. Тулмина, модернизируя их с учетом концепции самоорганизации.

Примеры использования философских идей нетрудно установить и в текстах Д. Блура. Сформулированные им принципы социологии знания представляют результат философской рефлексии, выявившей в различных исторически меняющихся и методологических установках различных наук устойчивое, общенаучное содержание. Принципы каузальности, беспристрастности, рефлексивности были обнаружены и обсуждены в философии науки задолго до Д. Блура и его программы. Но и при исследовании конкретных ситуаций формирования знаний Д. Блур часто апеллирует к результатам, полученным в работах по философии науки (в частности, использует идеи Т. Куна и П. Фейерабенда).

Как философия, так и социология, изучая закономерности человеческого познания в социокультурном контексте, привлекают материал, относящийся к различным сферам истории знания. Применительно к социологии и философии науки – это результаты историко-научных исследований. Описания различных ситуаций истории знаний, используемые в качестве материала для дальнейшего анализа, могут касаться как современности, так и прошлых эпох.

В социологии знания часть этого материала может быть получена в процессе полевых исследований социальными антропологами и социологами деятельности научных лабораторий. (Д. Блур, К. Кнорр-Цетина, Б. Латур солидарны в подходе, согласно которому изучение социологами деятельности ученых в лабораториях аналогично изучению культуры некоторого племени социальным антропологом.) Но все же большая часть материала, необходимого для анализа процедур формирования знаний, заимствуется из уже осуществленных историко-научных исследований. Показательно в этом отношении, что, говоря об эффективности сильной программы социологии знания, Д. Блур ссылается на ряд историко-научных исследований – на анализ роли технологий в развитии термодинамики и последствий критики Лордом Кельвином теории эволюции, на работы Формана, посвященные влиянию социокультурного климата Веймарской республики (20-е годы XX в.) на формирование квантовой механики[5].

Во всех этих ситуациях речь идет не о наборе исторических фактов-событий, а об исторических реконструкциях, учитывающих роль социокультурных факторов и их влияние на развитие науки.

Исторические реконструкции являются особым типом теоретических моделей. Этот тип теоретического знания возникает тогда, когда изучаемый объект является исторически развивающейся системой. Все социальные объекты, рассмотренные с учетом их исторической эволюции, в том числе культура и ее подсистемы, принадлежат к типу исторически развивающихся систем. Исторические реконструкции призваны раскрыть логику развития системы.

Применительно к научному знанию историческими реконструкциями могут быть как исследования изменений науки в качестве социального института, так и анализ процессов возникновения и развития научных идей. В классической философии и классической социологии знания эти два аспекта выступали как дополнительные, каждый из которых дает свой срез сложного процесса исторического развития науки, но для полноты описания нужно учитывать оба.

В неклассической философии и социологии знания открываются пути синтеза этих подходов, в определенной мере противоположных, но дополняющих друг друга. Этот синтез определен принципом социокультурной де-

терминации науки. Как реализация этого принципа возникают историко-научные реконструкции, в которых прослеживается эвристическая роль социальных факторов в генерации новых научных идей. Эти реконструкции могут быть результатом работы в сфере социологии знания. Примером тому может служить предложенная Бруно Латуром реконструкция открытия Пастера, его принятия культурой и внедрения в социальные практики. Но они могут быть и продуктом исследований философии науки, выполненных на историко-научном материале. Примером могут служить исследования философами науки процессов формирования естествознания в новоевропейской культуре, когда метод эксперимента, который в греческой науке рассматривался только как «технэ», относящийся к сфере искусственного, становится методом изучения природы и соединяется с идеалом ее математического описания[6].

Между социологическим, философским подходом и историко-научными исследованиями нет непроходимых барьеров, приватизированных территорий, огражденных крепкими заборами. Социологи способны реконструировать исторические процессы развития знания, не утрачивая логики развития научных идей, философы способны, прослеживая эту логику, выяснить, как на нее воздействуют состояния культуры и ее глубинные изменения, каковы условия включения новых научных открытий в поток культурной трансляции.

Программа синтеза социологических, философских и историко-научных исследований при изучении сложных процессов функционирования и развития научных знаний представляется сегодня наиболее перспективной.

В конце XX – начале XXI в. эта программа получила новые импульсы и обрела новые, неожиданные измерения. В современных ситуациях анализ научной деятельности и ее социальных последствий включает жизненно важные для всего человечества контексты – проблематику глобальных кризисов. Эти кризисы имеют глубокие основания в системе базисных ценностей современной цивилизации. В западной литературе ее часто именуют цивилизацией «проекта Модерн». Я называю эту цивилизацию техногенной, учитывая, что определяющим фактором ее эволюции является ускоряющийся научно-технический прогресс. Она разительно контрастирует с предшествующими ей традиционными обществами, где инновации допускались только в рамках традиции и не воспринимались как приоритетная ценность, где виды деятельности, цели и средства менялись чрезвычайно медленно, часто воспроизводясь на протяжении жизни многих поколений. Что же касается техногенной цивилизации, то в ней инновации становятся приоритетной ценностью. Здесь новые научные достижения, воплощенные в технологических инновациях, порождают новые виды деятельности, которые меняют окружающий человека предметный мир (вторую природу), структуры социальных связей, виды человеческих коммуникаций.

Я не буду останавливаться на характеристике других базисных ценностей техногенной цивилизации, которые составляют ее культурно-генетический код. Об этом подробно сказано в моих работах[7].

После возникновения техногенная цивилизация начала активно воздействовать на традиционные общества, вызывая модернизационные процессы, переводящие эти общества на рельсы техногенного развития.

Еще сравнительно недавно (по историческим меркам) казалось, что техногенная цивилизация является магистральным путем развития будущего человечества. Но уже в середине прошлого столетия стало выясняться, что она подошла к критическим рубежам, породив обостряющиеся глобальные кризисы (экологический, антропологический и др.).

В человеческой истории не было таких этапов, когда возникала реальная опасность деградации и гибели не отдельных народов, империй и культур, а всего человечества. Поэтому необходима радикальная смена стратегий цивилизационного развития, что, в свою очередь, ставит вопрос о новых цен-

ностях и новых мировоззренческих ориентирах. Необходимы пересмотр прежнего отношения к природе, идеалов господства, ориентированных на силовое преобразование природного и социального мира, а также выработка новых идеалов человеческой деятельности, нового понимания перспектив человека.

Столь радикальный пересмотр базисных ценностей современной цивилизации означает переход к новому типу цивилизационного развития, третьему по отношению к традиционалистскому и техногенному. И важно установить, возникают ли в современном развитии внутренние предпосылки формирования новых мировоззренческих ориентиров, точки роста новых ценностей, т. е. такие состояния культуры, в которых зарождаются новые мировоззренческие смыслы, могущие быть воспринятыми различными культурами, в том числе и сохранившими стереотипы традиционалистских ментальностей.

Принципиально важно обнаружить эти точки роста в различных сферах техногенной культуры – в политическом и правовом сознании, искусстве, религии, нравственности и, главное, в характере научной и технологической рациональности. Главное потому, что научно-технологическое развитие выступает сердцевиной техногенной цивилизации, основой ее изменения и формирования новых состояний социальной жизни. Именно в научно-технологическом развитии переплетены связи фундаментальных ценностей техногенной культуры – креативной деятельности, научной рациональности, отношения к природе как ресурсу для преобразующей деятельности, понимания власти как контроля над природными и социальными объектами.

Включая эти проблемы в сферу анализа, философия науки обретает новое измерение – как и любая область философского познания, она обращается в конечном итоге к мировоззренческим универсалиям культуры, к рассмотрению фундаментальных основ человеческого бытия.

В последние годы я неоднократно анализировал под этим углом зрения изменения, происходящие в научно-техническом развитии конца XX – начала XXI в. Решающим в плане возникновения точек роста новых ценностей является здесь формирование постнеклассического типа научной рациональности. В нем наука сохраняет свои основные установки: исследовать объекты, выявляя закономерности их функционирования и развития, открывать новые предметные миры, которые выходят за рамки наличных форм деятельности своей исторической эпохи и могут быть практически освоены лишь на будущих этапах развития цивилизации. Сохраняются и основные принципы научного этоса, обеспечивающие реализацию этих фундаментальных установок: запрет на умышленное искажение истины и на плагиат как на действие, тормозящее рост истинного знания. Но специфика исследуемых объектов (сложных саморазвивающихся систем) такова, что она формирует особые конкретизации основных установок науки.

Большинство саморазвивающихся систем, которые осваиваются в современном научно-технологическом развитии, человекоразмерны. Примерами таких человекоразмерных комплексов могут служить медико-биологические объекты, объекты экологии, включая биосферу в целом, объекты биотехнологии (в первую очередь генетической инженерии), системы «человек – машина» (включая сложные информационные комплексы и системы искусственного интеллекта), все социальные объекты, рассмотренные с учетом их исторической эволюции.

При изучении человекоразмерных объектов поиск истины оказывается связанным с определением стратегии и возможных направлений преобразования такого объекта, что непосредственно затрагивает гуманистические ценности. С системами такого типа нельзя свободно экспериментировать. В процессе их исследования и практического освоения особую роль начинает играть знание запретов на некоторые стратегии взаимодействия, потенциально содержащие в себе катастрофические последствия для человека.

В этой связи трансформируется идеал ценностно нейтрального исследования. Объективно истинное объяснение и описание применительно к человекоразмерным объектам не только допускает, но и предполагает включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений. Возникает необходимость экспликации связей фундаментальных внутринаучных ценностей (поиск истины, рост знаний) с вненаучными ценностями общесоциального характера. В современных программно-ориентированных исследованиях эта экспликация осуществляется при социальной экспертизе программ. Вместе с тем в ходе самой исследовательской деятельности с человекоразмерными объектами приходится решать ряд проблем этического характера, определяя границы возможного вмешательства в объект. Внутренняя этика науки, стимулирующая поиск истины и ориентацию на приращение нового знания, постоянно соотносится в этих условиях с общегуманистическими принципами и ценностями.

Здесь возникает существенная корректировка идеала самоценности научно-технологических инноваций как выражения одной из базисных ценностей техногенной культуры. Наука остается наукой. Ее фундаментальные установки поиска истины и роста истинного знания сохраняются. И социально-этическая экспертиза вовсе их не отменяет. Наоборот, она предстает как условие реализации этих установок. Это – точка роста новых ценностей, возникающих в науке в рамках современной культуры. Не отказ от науки, а ее новое гуманистическое измерение предстает одним из важных аспектов поиска новых стратегий цивилизационного развития.

В этих изменениях научной рациональности открываются также новые возможности диалога культур. Многое из того, что новоевропейская наука ранее отбрасывала как ненаучные заблуждения традиционалистских культур, неожиданно начинает резонировать с новыми идеями переднего края науки.

Я обычно выделяю здесь три основных момента[8]. Во-первых, восточные культуры (как и большинство традиционалистских культур) всегда исходили из того, что природный мир, в котором живет человек, это – живой организм, а не обезличенное неорганическое поле, которое можно перепахивать и переделывать. Долгое время новоевропейская наука относилась к этим идеям как к пережиткам мифа и мистики. Но после развития современных представлений о биосфере как глобальной экосистеме выяснилось, что непосредственно окружающая нас среда действительно представляет собой целостный организм, в который включен человек. Эти представления уже начинают в определенном смысле резонировать с организмическими образами природы, свойственными и древним культурам.

Во-вторых, объекты, которые представляют собой развивающиеся человекоразмерные системы, требуют особых стратегий деятельности. Эти системы наделены синергетическими характеристиками, в них существенную роль начинают играть несиловые взаимодействия, основанные на кооперативных эффектах. В точках бифуркации незначительное воздействие может радикально изменить состояние системы, порождая новые возможные траектории ее развития.

Установка на активное силовое преобразование объектов при действии с такими системами не всегда является эффективной. При простом увеличении внешнего силового давления система может воспроизводить один и тот же набор структур и не порождает новых структур и уровней организации. Но в состоянии неустойчивости в точках бифуркации часто небольшое воздействие – укол в определенном пространственно-временном локусе – способно порождать (в силу кооперативных эффектов) новые структуры и уровни организации[9]. Этот способ воздействия напоминает стратегии ненасилия, которые были развиты в индийской культурной традиции, а также действия в соответствии с древнекитайским принципом «у-вэй», который полагал идеалом минимальное воздействие, осуществляемое в соответствии с пониманием и чувством ритмов мира.

В-третьих, в стратегиях деятельности со сложными, человекоразмерными системами возникает новый тип интеграции истины и нравственности,

целерационального и ценностно-рационального действия. В западной культурной традиции рациональное обоснование полагалось основой этики. Когда Сократа спрашивали, как жить добродетельно, он отвечал, что сначала надо понять, что такое добродетель. Иначе говоря, истинное знание о добродетели задает ориентиры нравственного поведения.

Принципиально иной подход характерен для восточной культурной традиции. Напомню, что там истина не отделялась от нравственности и нравственное совершенствование полагалось условием и основанием для постижения истины. Один и тот же иероглиф «дао» обозначал в древнекитайской культуре закон, истину и нравственный жизненный путь. Когда ученики Конфуция спрашивали у него, как понимать «дао», то он каждому давал разные ответы, поскольку каждый из его учеников прошел разный путь нравственного совершенствования.

Новый тип рациональности, который в настоящее время утверждается в науке и технологической деятельности и который имманентно включает рефлексию над ценностями, резонирует с представлениями о связи истинности и нравственности, свойственной традиционным восточным культурам. Наука становится одним из важных факторов диалога культур Востока и Запада. А этот диалог выступает сегодня одним из условий формирования новых ценностных ориентиров и новых стратегий цивилизационного развития.

[1] Более детальный системный анализ критериев научной рациональности, рассмотрение процессов их формирования в истории естествознания и социальных наук см.: Стёпин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб., 2009; Стёпин В.С. Цивилизация и культура. СПб., 2011. Гл. 4.

[2] Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Парадигмы социологии знания: Хрестоматия / Под общ. ред. В.Л. Шульца. М., 2007. С. 193.

[3] Кнорр-Цетина К. Фабрикация фактов: к микросоциологии // Парадигмы в социологии. М., 2007. С. 118.

[4] См.: Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. Предисловие О.В. Хархордина. СПб., 2006. С. 27.

[5] См.: Блур Д. Указ. соч. С. 196.

[6] Из отечественных исследований можно указать на следующие работы: Ахутин А.В. Понятие «природа» в Античности и в Новое время. М., 1988; Гайденко П.П. Эволюция развития науки (XVII–XVIII вв.). М., 1987; Косарева Л.М. Рождение науки Нового времени из духа культуры. М., 1997; Стёпин В.С. Теоретическое знание. М., 2000. Гл. 1. Разд. Зарождение опытных наук.

[7] См., например: Стёпин В.С. Философская антропология и философия науки. М., 1992. С. 48–53; Стёпин В.С. Теоретическое знание. М., 2003. С. 18–29.

[8] Подробнее см.: Стёпин В.С. История и философия науки. М., 2011. С. 394–414; Stepin V. Theoretical Knowledge. Springer verlad. Dordrecht, 2005. P. 357–369.

[9] См: Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М., 1990. С. 6–7.

Поступила в редакцию 01.07.11.

ГЕНРИ ТЬЮН,
УНИВЕРСИТЕТ ПЕНСИЛЬВАНИИ (США)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И МЕСТНАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ВЫЗОВ ДЕМОКРАТИЧЕСКОМУ УПРАВЛЕНИЮ В УРБАНИСТИЧЕСКОМ МИРЕ

Подготовлено для XVII Всемирного конгресса
Международной социологической ассоциации

Рабочая группа 01. Социология местных и глобальных отношений
Гетеборг, 11–17 июля 2010 г.

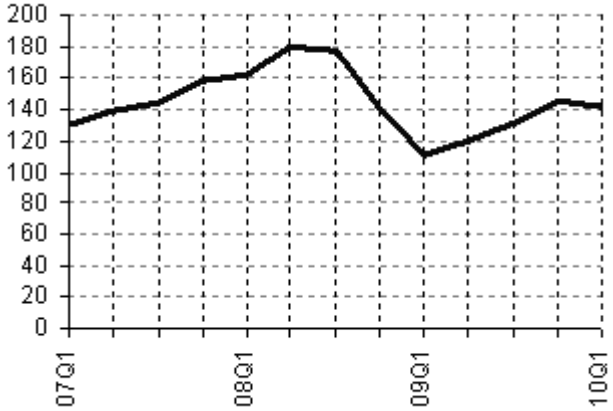
Рассматривается роль процессов глобализации и урбанизации как факторов, опосредующих развитие стабильного демократического самоуправления.

The role of globalization and urbanization processes are considered as the factors mediating the development of stable democratic local governance.

Проблема поиска теоретических взаимосвязей между глобализацией и демократизацией последнего десятилетия XX в. все еще на стадии разра-

ботки. Вполне закономерно, что за мировым финансовым, а затем и распределительным рынком последовали производственные системы, набравшие силу в 1970-е гг. и ускорившие развитие глобальной политической экономики, которая впоследствии взорвалась в 1990-е гг., известная во всем мире как Вторая демократическая революция*. В середине 1990-х гг. отношения между глобализацией и демократией изменились, последняя получила статус «независимой» переменной, не только приводящей в движение глобальный экономический рост и социальные изменения, но и создавшей условия, способствовавшие экономическим кризисам 2008–2009 гг. Отношения между глобализацией и демократией, которые взаимодействуют и зависят друг от друга, находятся в процессе изменения.

Мировая торговля пошла на спад после 2008 г. в результате экономического кризиса, но выросла в первые месяцы 2010 г. в связи с ожиданием развития преимущественно не по линейному пути (рисунок).



Мировой товарный экспорт: с первого квартала 2007 г. по первый квартал 2010 г.
(индекс первого квартала 2005 г. = 100)

Доступные статистические данные Всемирной торговой организации за месяц по почти 70 странам, составляющим примерно 90 % мировой торговли, показывают, что продажа товаров сократилась в январе и феврале 2010 г., а затем резко возросла в марте.

Повторятся ли примеры, известные в период с 1990 по 2007 г., когда рост мировой торговли в мире опережал рост общего валового экономического продукта, еще предстоит выяснить. Падение уровня мировой торговли в 2008–2009 гг. скорее отклонение, нежели тенденция. В любом случае мировая торговля является только одним из многих показателей глобализации.

Чего только не случается во время глобального экономического кризиса. В конце первого десятилетия XXI в. таким событием стало прекращение национальных и международных конфликтов, в широком смысле относящееся к «поствестфальскому миру». Это связано с глобальными институтами, в том числе Европейским Союзом и организациями Американских штатов, обеспечившими выполнение многих политических обязательств по установлению мирового порядка и процветанию. И хотя некоторые страны выступили в защиту своих местных интересов от глобальных нарушений 2009 г.,

* Под Первой демократической революцией я имею в виду демократические революции во Франции, США и других странах. Она охватила в основном первые два государства, а затем распространилась в Европу. Вторая демократическая революция носит глобальный характер, охватывая весь мир, включая страны Латинской Америки и южной Европы в 1970-х гг. Я признаю, что общая волна демократизации (хотя первая была отмечена в XIX в.) преимущественно затронула западноевропейское население. Демократизационные процессы после 1989 г. были глобальными не только в плане размаха, но и в плане международной политической поддержки.

большинство из них не имели значительного влияния. Оценить воздействие экономического кризиса на снижение национальных инициатив относительно глобализации сложно вследствие распространения по всему миру бинациональных торговых соглашений в поддержку переговоров о снижении тарифов через Всемирную торговую организацию, а также соглашений в области прав человека и иммиграции.

Следствием глобализации, продолжившимся в период экономического кризиса, была урбанизация, когда к 2008 г. более половины мирового населения было «официально» причислено к широкой категории городского. Этот урбанистический мир охарактеризовался появлением независимых мегаполисов, причем некоторые города были оттеснены волной урбанизации к городским агломерациям, в то время как другие объединили значительное количество городского населения в идентифицируемые городские районы. Этот процесс вызвал значительный рост городов по всему миру, причем некоторые формировались посредством уже известных моделей развития через центры и периферии, а другие – моделей развития массовых городских агломераций, которые еще не описаны[1].

Главный результат экономического кризиса 2008–2009 гг. выражается в том, что в этот период не наблюдалось падения престижа национальных демократий, за исключением некоторых стран Латинской Америки и, возможно, стран Центральной Азии. Есть лишь несколько свидетельств недемократических преобразований в некоторых регионах мира, произошедших до кризиса[2]. Некоторые голоса в поддержку свертывания демократии во имя национальной независимости и социальной справедливости слышны и на глобальном уровне, но количество этих голосов незначительно. Идея национального самодержавия была использована для антидемократических действий в первые десятилетия XX в., но весьма ограничена в применении в эпоху глобализации.

Далее следует обсуждение проблем глобализации, спровоцировавшей процесс урбанизации в местных демократиях, и представление о том, как рост крупных городов может способствовать установлению и поддержанию в системах местного управления демократических ценностей человеческого развития, а также содействовать моровому глобальному порядку, обеспечивающему устойчивое благосостояние. Данные шаги в направлении местного демократического управления требуют осознания того факта, что глобальные города представляют собой новый уровень политической автономии, перемещения центров городов в новые районы, а также превращения новых городских форм социальной и политической жизни в жилые ассоциации и кондоминиумы. Некоторые из этих демократических структур могут способствовать формированию новой концепции организации городской жизни и рабочих мест. Здесь можно привести впечатляющий пример: Гонконг как местное «дочернее предприятие» в авторитарной системе характеризуется местным экономическим успехом и развитием демократического управления.

Вызовы глобализации и демократии

Основной опасностью со стороны глобализации для демократии во всем мире является дестабилизация традиционных социальных структур вследствие вторжения глобальных институтов, ценностей и практик. Демократия зависит от социальных возможностей, которые позволяют практически всем сделать частные предположения о последствиях коллективных решений. Демократия предполагает наличие принципов включения в противовес закрытости, а также имеет всеобъемлющий и вездесущий характер, проникая повсюду, и несет угрозу местным элементам иерархического управления. Реакцией на эти угрозы часто становятся демонстрации и теракты. Эти источники дестабилизации общества как результат глобализации рассматриваются в том числе как проблемы правоприменения и образования. Тем не

менее глобализация, хотя и вызывает различные физические и биологические «угрозы», при этом остается менее опасной и более управляемой.

Серьезными проблемами мирового порядка, которым содействует глобализация, являются эпидемии, терроризм и экономические коллапсы. Рассмотрение этих проблем посредством глобальных инициатив увеличило степень доверия к уровню глобального организационного потенциала в прогнозировании таких проблем с целью предотвращения их негативных последствий. Такие эпидемии, как атипичная пневмония в первом десятилетии XXI в., птичий грипп, свиной грипп в 2009 г., сдерживались совместными усилиями различных стран, Всемирной организации здравоохранения и неправительственных организаций. Терроризм в настоящее время контролируется посредством сети силовых структур, обеспечивающих наблюдение и контроль за распространением средств массового уничтожения. Угроза экономического коллапса все еще реальна после кризисов 2008–2009 гг., но создание «Большой двадцатки» является стабилизирующей силой. В целом глобальные институты заслужили авторитет в преодолении основных угроз глобальному мировому порядку, хотя их успехи в профилактике терроризма редко освещаются вследствие необходимости сокрытия информации.

В современном мире вероятность таких масштабных катастроф, как падение астероидов на Землю, массовое извержение вулканов, наводнения и землетрясения, является достаточно низкой. Глобализация делает эти процессы управляемыми, поскольку позволяет предсказывать, где и когда произойдут конкретные события, а в случае необходимости позволяет распределять помощь между пострадавшими районами. Глобальные ответы на эти «стихийные бедствия» увеличили степень доверия к «глобальному сообществу» по вопросам прогнозирования и предотвращения местных потерь от подобных угроз.

Сказанное, однако, не дает никакой гарантии, что глобализация не будет представлять угрозу для местных социальных структур, следствием чего становится их закрытость на национальном уровне. Основной вопрос в том, предпочтут ли данные страны изолироваться от глобализации и, как следствие, от демократии. Последствия закрытости очевидны: снижение возможностей экономического роста, уменьшение поддержки для преодоления локальных кризисов, потеря «гражданства» в международном сообществе и демократическом обществе.

Вероятно, глобализация – национально необратимый процесс. Также и урбанизацию невозможно остановить на государственном уровне. Основной вопрос в том, можно ли сдержать глобализирующуюся урбанизацию. А если нет, то как должны управляться городские конгломераты, чтобы обеспечивать порядок и общественное развитие. 2008 г. – дата рождения глобального городского мира – обеспечил конец образа жизни, основанного на сельском хозяйстве, как и превратил его в товарное производство. И если глобализация связана с демократией, то как демократия может выжить и развиваться в больших городах?

Глобальный урбанизирующийся мир

Национальные «демократические революции» после 1989 г. добавили еще два компонента к тройке демократических преобразований, введенных после Первой мировой войны в 1918 г. Тремя институтами демократии в первой половине XX в. стали представительная демократия, расширение франшизы голосования и создание политических партий. Двумя добавочными компонентами демократии после 1989 г. стали независимая судебная власть (или верховенство права) и местное «самоуправление» (или локальная демократия). В это же время в ряде новых демократических государств были введены элементы рыночной экономики, которые не только обеспечили открытость национальных экономик, но и возможность относительно свободной миграции в города.

Глобальные беспорядки в начале XXI в. поначалу уравновешивались процессами быстрого роста и глобальных организационных инициатив. В мире насчитывается около 200 больших городов с населением более 2 миллионов жителей[3]. В 2005 г. из примерно 100 городов с населением свыше 3 миллионов человек большинство характеризовалось наличием эффективного правительства и жизнеспособной системы городского управления. «Гигантские мировые города» – города с миллионным населением, причем их число будет увеличиваться с учетом прогнозируемого значительного увеличения популяции как за счет рождаемости, так и за счет роста продолжительности жизни в особенности в бедных районах города вследствие улучшения санитарных условий и медицинского обслуживания. Рост городов в перспективе будет обеспечиваться также в результате односторонней сельско-городской миграции.

«Топ-30» больших городов с населением 9 миллионов и более (15 % крупных городов имеют население более 2 миллионов) демонстрирует, что 16 из них находятся в Азии, причем 3 – в Японии, 5 – в Южной Азии и 5 – в Китае. Эти мегаполисы, как правило, имеющие свыше 10 миллионов населения и характеризующиеся достаточно слабой городской инфраструктурой и относительно неразвитой национальной политической системой, часто сталкиваются с такими глобальными «городскими проблемами», как наличие трущоб и маргинализация населения. Эти проблемы характерны для Джакарты, Манилы, Каира, Карачи, Дакки, Лагоса и Киншасы. В зависимости от оценки эффективности государственных и региональных правительств к этому списку можно добавить Мумбаи, Дели и Калькутту. Несмотря на то что все мегаполисы сталкиваются с проблемой демократического управления, перечисленные в большей степени демонстрируют негативные последствия глобализации. Они часто становятся источником страхов и нарастания недовольства вследствие распространения насилия и отсутствия минимальных гарантий защиты человеческих прав.

Проблемы городского управления варьируются в различных странах и должны оцениваться с точки зрения перспектив развития той страны, где они возникают. Из 200 городов с 2 миллионами и более жителей 36 находятся в материковом Китае, который быстро урбанизировался, 14 – в Индии, которая значительно реформировалась и открылась мировому сообществу в 1990-е гг. В Африке 3 таких мегаполиса размещаются в государствах с относительно слабым правительством и неразвитой городской инфраструктурой. И Китай, и Индия требуют решения глобальных проблем мегаполисов.

При этом половина мирового населения остается сельским. Данный показатель, как ожидается, должен уменьшиться в ближайшие четыре десятилетия, однако сделать точный прогноз сложно, поскольку вследствие экономического кризиса 2008–2009 гг. будут возникать различные формы «глобализационного развития». Очевидно, произошло улучшение условий жизни городской бедноты в период новой эры глобализации мегаполисов. Вероятно, этот процесс продолжится во второй и третьей четверти XXI в., за исключением африканских городов, развитие которых трудно прогнозировать[4].

Глобализация и местная демократия

Вторая демократическая революция распространилась по всему миру. Она затронула ряд проблем, которые на сегодняшний день характеризуются не меньшей интенсивностью: насколько глубоко проникла демократия, какие страны преуспеют в демократических преобразованиях, а какие потерпят фиаско, как будут развиваться отношения между «рынком» и демократией, сможет ли демократия обеспечить международный мир и благополучие? Можно сказать, что идеологически демократия принята во всем мире в том смысле, что ее необходимость редко выступает предметом дискуссий в различных странах. А рыночная экономика, наоборот, является

предметом многочисленных политических дебатов. Важное значение для демократии имеют те средства, которые используются для обеспечения социальной справедливости. Несомненно, что основополагающие политические дебаты идут по поводу демократического развития ряда стран. Количество «глобальных войн» с целью избежать глобализации, если оценивать их с точки зрения вовлеченных в борьбу участников (комбатантов), значительно снизилось с 1990 г. в период установления глобальной демократии. Некоторые страны мира увеличили уровень своего благосостояния в 1990 г., в особенности такие масштабные, как Бразилия, Китай, Индия, каждая из которых прилагает усилия для развития по пути демократизации.

Вероятно, будущие исследования подтвердят данную в 1989 г. оценку движения демократической революции сверху вниз в противовес установкам, распространяющимся снизу по требованиям большинства, примером чему может служить движение «Солидарность» в Польше. Проблема демократии остается спорной в Восточной Европе, странах Азии, некоторых регионах Латинской Америки и крупных районах Африки. Исламские страны демонстрируют отрыв от демократии в Северной Африке и Азии. Осталось несколько государств – Египет, Северная Корея, Куба, отвергающих демократические основы и выступающих под флагом «национального социализма». Однако успехи глобальных инициатив Европейского Союза и других «глобальных» институтов в большинстве стран мира отодвинули местные дебаты по поводу демократии на задний план.

Два основных препятствия, которые могут стать на пути местной демократии, – проблемы окружающей среды, в частности ядерная угроза, и отсутствие безопасной городской инфраструктуры в мегаполисах. Местная демократия может рассматриваться в качестве основы как для демократического общества, так и для местного самоуправления, которое способно решать экологические проблемы и проблемы городской инфраструктуры. Местная демократия также может рассматриваться на трех уровнях: сельское население, население средних и малых городов, а также уровень мегаполисов с акцентом на их содействие развитию демократического управления.

Во-первых, возможности демократии в сельской местности всегда были ограничены. Данные проблемы хорошо иллюстрируются на примере рыбацких поселков. Образ сельской жизни определяет пределы индивидуального и коллективного выбора. Участие в символических ритуалах в большей мере способствовало распространению страхов, нежели утверждению коллективного выбора. Даже если оставить в стороне Африку, наиболее проблемными для развития демократии являются сельские общества Китая и Индии. В них уже почти два миллиарда сельских жителей. В Индии демократия долгое время преследовалась на уровне местного сельского самоуправления (панчаятов). В Китае демократия получает большую поддержку со стороны политических «кадров» Коммунистической партии, нежели со стороны крестьян. Попытки внедрения демократии характеризуются весьма неоднозначными результатами[5].

Во-вторых, местное демократическое управление в малых и средних городах с населением менее 50 тысяч человек внешне определяется и внутренне обусловлено процессами политического развития. С 1989 г. в ряде исследовательских проектов была сделана попытка оценить характер воздействия глобальной демократической революции на местное управление, в особенности в бывших коммунистических странах, где местное управление подавлялось в пользу национального контроля, призванного обеспечить прогресс общества без конфликтов между слоями и группами. Одним из таких исследований стала Программа изучения демократии и местного самоуправления. Основная гипотеза данного исследования указывала, что те системы местного управления, которые в большей степени подверглись влиянию глобализации, рождали политических лидеров, которые придер-

живались демократических ценностей, следовали по пути демократической практики, обеспечивающей привлечение людей к принятию решений на местном уровне, и в большей степени были готовы к решению широкого круга проблем. Эти отношения контекстуально варьировались во всем мире, однако общая тенденция сохранялась в первые годы XXI в.[6]

Развитие местных демократий в таких странах по всему миру – процесс взлетов и падений. В большинстве стран уровень местной демократии зависит от национального демократического развития. Некоторые страны, исследовавшиеся по Программе изучения демократии и местного самоуправления, например Украина, демонстрируют определенный регресс. Другие стабилизировались, третьи показали значительное улучшение, например Республика Корея, уже спустя почти два десятилетия с момента завершения первой волны исследования в 1991–1995 гг. Наиболее общей тенденцией в демократическом мире является урбанизация около 60 % населения и его перемещение в города и населенные пункты с количеством населения более 500 тысяч человек. Эта пропорция будет меняться по мере того, как границы городов будут сливаться, но большая часть городского населения разместится в населенных пунктах такой величины, которая обеспечивает подотчетность и возможность демократического участия, реализуя тем самым принцип транспарентности гражданского общества.

В-третьих, огромные городские агломерации стали глобальной проблемой в 1990-х гг. До этого они рассматривались с точки зрения национальных проблем экономики и необходимости развития деревни до уровня городских центров. Очевидно, что некоторые страны ориентировались на политическую поддержку со стороны городской элиты, в то время как другие ориентировались на сельское население, мотивируя это тем, что использование национальных субсидий в сельской местности дешевле, а значит, проще получить политическую поддержку и решить проблемы сельской бедноты. Действительно, термин «глобальный» стал использоваться в категориальном аппарате социальных наук после 1989 г., став наиболее употребимым к концу века. Следствием появления мегаполисов стал поиск путей решений новых проблем и альтернатив моделям местного демократического самоуправления.

Различные группы населения выразили обеспокоенность по поводу условий человеческого существования в мегаполисах, начиная с деградации окружающей среды в последние годы и заканчивая традиционной проблемой перенаселенности. Концепции, которые были направлены на решение этих проблем с начала века, перешли от изучения местного самоуправления посредством представительных исполнительных институтов к изучению местной демократии, в которой правительственные институты взаимодействуют с частным сектором, гражданским обществом и социальными институтами для решения местных проблем. Кроме того, предстоит еще решить, принадлежит ли идея «правления», координирующего различных субъектов для решения задач, преимущественно технократам. В основном дискуссии связаны с программами Всемирного банка по решению проблем глобального развития[7].

В этом случае основной вопрос заключается в том, совместим ли переход от местного управления к системе «правления» с принципами демократии, охватывающей группы местного населения. Не будет ли переход к «правлению» схож с тем антидемократическим политическим сдвигом, который основывался на идеологии разделения политики и администрирования, когда демократия была ограничена в первом случае и сводилась к реализации решений во втором. Несомненно, урегулирование проблем человеческих агломераций беспрецедентного масштаба будет осуществляться властью различных уровней: локального, регионального, национального и глобального. Причем некоторые решения могут оказаться как непрозрач-

ными, так и безответственными. Безусловно, координация таких проблем, как загрязнение окружающей среды, транспорт, поиск источников чистой воды и утилизация городского мусора, не говоря уже о борьбе с преступностью, проблемах семьи и социальной адаптации, потребует масштабных операций, выходящих за пределы демократического управления развитых стран.

В долгосрочной перспективе глобализация предстает как процесс полной урбанизации мира. В этой связи демократия требует развития мегаполисов и коллективных императивов. Можно предположить, что глобализация обеспечит для индивида возможность реализации себя как человека и как гражданина демократического общества, чего трудно достичь в густонаселенных сельских районах с дефицитным и непредсказуемым сельским хозяйством. Ускорившаяся в 1990-е гг. глобализация обеспечила формирование мирового управления на шести уровнях: Объединенных наций, транснациональном, на уровне государств, провинциальном и местном, подразделяемом на городской и сельский сектора. Гигантские мегаполисы возникли и должны рассматриваться как новая урбанистическая форма, требующая политического развития в системе глобализирующихся «государств-наций». Они и представляют многослойно-многоуровневый мир XXI в. В начале XXI в. глобализация охватила семь уровней: общемировой, региональный (ЕС, ОАГ и т. д.), государственный, мегаполисов, провинций, городов и сельских поселений. Государства сохранили свое первенство в нормативной системе даже перед лицом демократических революций конца XX в., которые на первое место в международных договорах и соглашениях выдвинули признание индивидуальной свободы и человеческих прав, а также необходимость местного самоуправления.

Децентрализация глобальных городов в целях демократического управления

Большинство из тех городов, которые сегодня считаются мегаполисами, ранее были торговыми и коммерческими центрами, развившимися в процессе экономического роста и политической консолидации. Это в большинстве случаев произошло там, где процесс индустриализации сопровождался урбанизацией и повышением уровня среднего образования. Собственно, это и есть триада модернизации.

Нью-Йорк, так же как и другие бывшие крупные промышленные города, включает значительное количество районов с сильной системой централизованного управления. Процессы политической консолидации этих городов являются скорее стихийными, нежели систематическими. В конце Второй мировой войны ряд стран пришли к осознанию нового общественного порядка, обеспечив ускорение реформ по созданию «столичных правительств», распространившихся от Токио до городских конгломератов в Северной Америке. Эти усилия охарактеризовались неоднозначными и спорными результатами. Они были оправданы с точки зрения развития политических институтов по решению «городских проблем». Однако они мало помогли развитию демократии, в определенной мере создав оппозицию и сосредоточив в руках экспертов принятие мер по решению действительно серьезных городских проблем: канализация, обеспечение чистой водой, транспорт, оказание услуг.

Городская глобализация в конце XX в., охватив как промышленно развитые в результате глобализации 1970-х гг. страны, так и беднейшие регионы мира, дала зеленый свет на 10 тысяч лет, отказавшись от сельскохозяйственного образа жизни. Осознание проблем урбанизации произошло к концу XX в. К этому времени страны обеспечили создание и развитие демократических институтов путем принятия меньшинств и защиты человеческих прав, а также укрепления судебной системы не только на национальном, но и на региональном уровнях в Европе, Америке и даже в Африке. К концу столетия был создан Международный уголовный суд с целью преследования «преступлений против человечества».

Большинство мегаполисов «работают», но не демократическим путем. Задача состоит в том, чтобы выявить такие институты и процессы, которые позволят городам существовать не только в качестве урбанистических центров, но и в качестве политических сообществ для развития демократии и человеческого потенциала. Такие процессы хотя и с трудом, но уже идут, сопровождаясь успехами, неудачами и сменой ожиданий.

Специальный политический статус «глобального города». Многие страны обеспечивают специальный статус и устав «самоуправления» для своих мегаполисов*. Среди них Лондон и Токио. Некоторые придают «глобальным городам» статус национального региона или провинции. Это сложнее сделать в федеративных государствах, но такие меры могут быть приняты в более широких национальных рамках.

Длительное использование модели придания глобальным городам особого статуса привело к тому, что Гонконг как часть Китая рассматривается в качестве одной из двух политических систем. Частично этот процесс предполагает наличие автономии в национальных рамках, частично – автономию местного демократического управления. Для Китая вопрос «автономии» не имеет определяющего значения, поскольку 7 миллионов населения Гонконга составляют лишь небольшой процент жителей Китая. Проблема здесь в том, что, когда другие города начинают претендовать на подобный статус, увеличивается риск внутренних конфликтов.

Значительное число новых городов, которые, в отличие от Лондона, Нью-Йорка и Токио, занимают видное место в экономике около 20 лет, в одиночку столкнулись не только с проблемами перенаселения, но и с проблемой управления. Следствием глобальной городской жизни являются проблемы больших аэропортов, портового оборудования, необходимость специальных соглашений о «чужих» группах населения с привлечением местной полиции, специальных соглашений для объединения определенных видов глобальных производственных систем, таких как электроника и научные центры.

Политическая децентрализация внутри глобального «мегаполиса». Токио представляет собой регион с населением 30 миллионов и включает 39 городов и 23 административных района. Подобный комплекс взаимоотношений в США называется «бюджетным федерализмом» с соответствующей системой налоговых трансферов. Ни один из них не является «особенно» демократическим, но все имеют выборных должностных лиц. Многие крупные города создают «округа» с избираемыми представителями. Например, Варшава и Гонконг имеют по 18 районов с избираемыми представителями, которые выполняют обязанности в каждой части системы управления: в Варшавских губерниях (воеводствах) и в Гонконге как автономном регионе.

Децентрализация городского управления содействует не только формированию «правильного» правительства, но и его демократизации. Перспективы функционирования «неправильных» систем, похоже, не создавали трудностей для ряда мегаполисов, более того, многие рассматривали их как вполне приемлемые с точки зрения решения определенных городских проблем. Децентрализация громадных проблемных городов в Африке, Азии, Латинской Америке представляется рискованной, поскольку требует немедленной координации. Однако децентрализация в данном случае не вызовет негативных последствий и при условии поощрения сотрудничества на местном уровне ситуация в них может улучшиться[8].

Приватизация (по договору) местных структур управления. Она была осуществлена в наиболее перспективных городских районах развитых стран в виде частного правительства, функционирующего между органами местного самоуправления и непосредственно населением. Двумя основны-

* Главным правилом уставов «самоуправления» является идея, возникшая в США в 1920-е гг., когда число городов стремительно росло. Централизованные государства, такие как Япония, Польша, предоставляют городам особый статус. Примером тому служит крупнейший «глобальный город» в мире – Токио, имеющий правительство столицы.

ми формами таких правительств являются кондоминиумы и районные ассоциации, представленные в ряде стран, в том числе в США. Однако вызывает озабоченность их антидемократическая практика исключения (закрытые общины), ограничения в передвижении населения и управления местными «боссами». Так или иначе, они являются формами квазиместного самоуправления, подчиняются государственной власти, местному государственному контролю и законам, которые позволяют судить о стандартах открытости и демократического управления[9].

Подобные структуры органов власти и публичного контроля за их деятельностью, требующего открытой выборной системы, должны улучшать потенциал местного управления и могут стимулировать формы демократического участия. Когда обеспечение «безопасности» и «услуг» на местах осуществляется самозваными «контролирующими» бандами, создаваемыми для защиты, местное управление с государственным контролем является лучшей альтернативой.

Таким образом, проблема продолжения и развития стабильного демократического местного самоуправления выступает главным следствием непростого опыта экономических преобразований. Похоже, что местные и национальные демократические институты пережили глобальный экономический кризис 2008–2009 гг. и, вероятнее всего, система местного демократического управления, хотя и с небольшими потерями, сохранилась во всем мире.

Важнейшим достижением исследований демократии в 1990-х гг. считается признание приоритета местной демократии и верховенства закона. О демократии на местном уровне известно немного, хотя начиная с 2005 г. Дом свободы в дополнение к учету национальной свободы и демократии начал учитывать и страны с «местным демократическим управлением». Определить показатели и индикаторы измерения демократии сложно, хотя данный процесс является очевидным и вести учет изменений желательно.

Влияние глобализации на местную демократию, безусловно, значительно, но скорее в плане поддержания, нежели формирования. Массовые последствия глобализации и урбанизации нельзя было предвидеть в 1980-х гг. Основной проблемой 1990-х гг. стало городское демократическое управление. Возможно, XXI в. покажет, что именно глобальная урбанизация является необходимым условием демократизации общества, нежели болезнью, разрушающей его.

[1] Большинство городов в быстро урбанизирующемся Китае появились известным способом – распространились от центра наружу (см.: Shanzi Ke, Yan Song, Ming He. Determinants of Urban Spatial Scale: Chinese Cities in Transition // Urban Studies. 2009. 46. P. 2795–2813).

[2] Для изучения на уровне страны см.: Ethan B. Kapstein, Nathan Converse. Why Democracies Fail // Journal of Democracy. 2008. Vol. 19. P. 57–68. Вероятность свержения демократии в последнее десятилетие XX в., вероятно, уменьшилась.

[3] Данные основываются на: Demographia World Urban Areas: Population & Projections: 6th Annual Edition: 2010. Существует много способов определения и оценки показателей городов, городских территорий и городского населения. Основные конфигурации этих показателей относительно схожи, однако прогнозы до 2050 г. различаются.

[4] См.: Chandrasekhar and Abhiroop Mukhopadhyay. Poverty and Well-Being in Indian Cities During the Reforms Era // Poverty & Public Policy. 2010. Vol. 2. № 2. Статистика по Индии демонстрирует некоторое улучшение положения городов, при этом они продолжают привлекать население. В то время как сельские районы на протяжении всего рассматриваемого периода получают гораздо больше субсидий.

[5] См., например: Jon R. Taylor, Carolina E. Calvillo. Crossing the River by Feeling the Stones: Grassroots Democracy with Chinese Characteristics // Journal of Chinese Political Science. 2010. Vol. 15. P. 135–151; Samuel J. Eldersveld and Mingming Shen // Support for Economic and Political Change in the China Countryside. New York, 2001. Последняя работа основывается на исследованиях населения и проблем управления.

[6] См.: Henry Teune. Local Responses to the Globalizations of Our Era / Guy Lachapelle and Stephane Paquin (Eds.) // Mastering Globalization: New Sub-states' Governance and Strategies. New York, 2005. P. 38–48; Henry Teune. The Dynamics of Local-Global Relations: Conflict and Development (2010) / Ann Dennis and Devorah Kalekin-Fishman (Eds.) // The ISA Handbook in Contemporary Sociology. Los Angeles, 2009. P. 400–415.

[7] Примеры таких концепций см.: Robin Hambleton, Jill Simone Gross (Eds.). Governing Cities in a Global Era: Urban Innovation, Competition, and Democratic Reform. New York, 2007; См. также: United Cities and Local Governments & The World Bank // Decentralization and Local Democracy in the World: 2008 First Global Report. Barcelona, 2009 / A. Leautier (Ed.) // Cities in a Globalizing World: Governance, Performance & Stability. Washington, 2006.

[8] Этот вариант инициирован Всемирным банком для содействия развитию местного демократического управления. См.: Jennie Litvack, Junaid Ahmad, Richard Bird. Rethinking Decentralization in Developing Countries. Washington, 1998.

[9] См.: Robert H. Nelson. Private Neighborhoods and the Transformation of Local Government. Washington, 2008.

Поступила в редакцию 07.06.11.

Информация об авторе. Генри Тьюн – известный американский политолог, профессор политических наук Пенсильванского университета. На протяжении ряда лет являлся Президентом ассоциации Международных сравнительных исследований, членом исполкома Международной социологической ассоциации (ISA), вице-председателем исследовательского комитета «Глобально-локальные отношения» в Международной политологической ассоциации (IPSA). Научные интересы связаны с методологическими проблемами сравнительных кросснациональных исследований, а также изучением демократии в глобальном и локальном измерении. Являлся директором исследовательского проекта «Демократия и местная власть», охватившего 30 стран Европы и Азии и пролонгированного более чем на 40 лет. Одновременно по инициативе и под руководством Г. Тьюна успешно стартовал международный проект по исследованию проблем демократизации вузовской системы образования «Роль вузовского образования в построении демократической культуры».

Г. Тьюн в научном мире известен как активный сторонник развития международных связей, сыграл важную роль в укреплении академического сотрудничества между США и Европой, включая страны постсоветского пространства. Его преподавательская деятельность не ограничивалась рамками Пенсильванского университета. Он читал курсы лекций в Корнельском университете, Нидерландском институте повышения квалификации, университетах Японии, трижды был удостоен гранта Фулбрайта. В 1994 г. Г. Тьюн посетил Беларусь в рамках научного сотрудничества с университетскими социологами в проекте «Демократия и местная власть».

Г. Тьюн ушел из жизни на 75-м году, в апреле 2011 г. Международная научная общественность, отдавая должное активной творческой деятельности ученого, выражает уверенность в том, что «знамя, поднятое Генри, останется стоять, даже если он упал!».

Мы получили возможность напечатать на страницах нашего журнала последний доклад Г. Тьюна, прочитанный им на Международном социологическом конгрессе в Гетебурге (Швеция) осенью 2010 г.

Международный редсовет

ЕЖИ ВЯТР,
ПРОФЕССОР ВАРШАВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА,
РЕКТОР ЕВРОПЕЙСКОЙ ШКОЛЫ ПРАВА И АДМИНИСТРИРОВАНИЯ (ВАРШАВА, ПОЛЬША)

ПОЛЬША – РОССИЯ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ ИЛИ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ?

Представлен авторский подход к причинам возникновения современных явлений в области нынешних и будущих польско-российских отношений, которые, принципиально не изменяя их характер, вносят новое измерение в дискуссию на тему направленности политики Польши по отношению к Российской Федерации. Польско-российские отношения рассматриваются в историческом контексте с выделением и соответствующей характеристикой этапов их развития, обозначением периодов в соответствии с формированием российской государственности после распада СССР. Реалистический анализ ситуации базируется на данных исследований в 2007 и 2010 гг. общественного мнения и демонстрирует наличие позитивной динамики восприятия России и россиян в польском общественном сознании.

The author presents his approach to the causes that arose modern phenomena in the field of present and future Polish-Russian relations, which not changing their nature in principal contribute a new measurement to the debate of Poland's policy direction to Russian Federation. Polish-Russian relations are considered in the historical context with fixing the stages of their development followed by proper definition, indicating the periods in accordance with forming Russian statehood after the USSR collapse. The real analysis of the situation is based on the data of the public opinion obtained in the 2007 and 2010 researchers and demonstrates positive dynamics of Russia and Russians' perceptions in Polish public consciousness.

В изданной шесть лет назад книге, посвященной польским национальным интересам, я представил свой взгляд на то, как должна строиться

польская политика в отношении России. В ней я исходил из тезиса о том, что «сейчас, впервые за четыреста лет, не существует между нашими государствами принципиального конфликта интересов». Аргументировалось это тем, что «сильная, но проводящая политику сотрудничества с Западом Россия соответствует польским национальным интересам», и в то же время указывалось, что «проблема состоит в том, что с обеих сторон остается напряженность, затрудняющая улучшение польско-российских отношений»[1].

После появления книги не произошло ничего, что заставило бы меня принципиально изменить позицию по этому вопросу. Это не означает, однако, что в рамках международных отношений и во внутренней политике Польши не появились новые явления, которые следует проанализировать в контексте нынешних и будущих польско-российских отношений. Среди этих явлений следует указать:

1) ослабление гегемонии США в мировой политике, являющееся прежде всего результатом неудачной войны в Ираке, начавшейся в 2003 г., и финансового кризиса 2008 г.;

2) рост имперских притязаний Российской Федерации в результате укрепления центральной власти в стране в период правления Владимира Путина (с 2008 г. – совместного правления премьера Путина и президента Дмитрия Медведева), а также удачной для России конъюнктуры на мировом рынке энергоресурсов;

3) возникновение разногласий между США и Европейским Союзом в подходах по отношению к России, что наиболее ярко проявилось в последние годы президентства Джорджа В. Буша;

4) разрушение межпартийного консенсуса по вопросам внешней политики в Польше, которое началось с победы партии «Право и Справедливость» на выборах 2005 г., обострилось в результате выборов 2007 г. и приобрело драматический характер после смоленской катастрофы 10 апреля 2010 г.

Эти обстоятельства ничем принципиально не изменяют характер польско-российских отношений, однако вносят новое измерение в дискуссию на тему направленности политики Польши по отношению к Российской Федерации.

Взгляд на историю

В истории польско-российских отношений можно выделить пять этапов: 1) соперничество в борьбе за главенство в Восточной Европе (до конца XVII в.); 2) российское господство на значительной части польских земель, начиная с Великой Северной войны (1700–1709) вплоть до восстановления независимости Польши в 1918 г.; 3) борьба Польши в период между мировыми войнами против угрозы Германии, с одной стороны, СССР – с другой, завершившаяся крахом усилий польского правительства в изгнании, направленных на сохранение довоенной восточной границы и недопустимость навязывания Польше зависимости от СССР; 4) ограниченный суверенитет послевоенной Польши, находившейся вплоть до конца 80-х гг. XX в. в сфере влияния СССР; 5) период полной самостоятельности Польши после распада СССР по окончании «холодной войны». Последний этап является исключительным в истории Польши. Страна сейчас не только полностью независима, но и обладает гарантиями собственной безопасности благодаря членству в Североатлантическом альянсе и Евросоюзе. Вместе с тем этот пятый этап принес с собой крупнейшее за последние почти четыре столетия ослабление международных позиций России. Перестала существовать империя, которая была создана Петром Великим и его наследниками, а затем восстановлена большевиками в форме Советского Союза[*]. Российская Федерация не обладает потенциалом, достаточным для воссозда-

[*] Обстоятельный анализ упадка советской империи представлен в работе Влодзимежа Марциняка *Rozgrabione imperium: upadek Związku Sowieckiego i powstanie Federacji Rosyjskiej* (Kraków, 2001). Автор, однако, недооценил возможность относительно быстрого восстановления России как крупной региональной державы.

ния империи. Хотя при этом ее власти стремятся играть значительную роль в мировой политике и объединить вокруг себя большую часть бывших советских республик.

В период российского влияния в XVIII в., а затем разделов Речи Посполитой в польской политике существовало пророссийское направление, ставившее своей целью спасение польской государственности (в XVIII в.) или ее возрождение (в XIX в.) в союзе с Россией либо под ее властью. Политика рода Чарторыских и короля Станислава Августа Понятовского в последние десятилетия накануне падения Польши, позднее политика Адама Чарторыского и других реалистов в Конгрессе Королевства, еще позднее попытки Александра Велепольского создать на польских землях некую форму автономии и, наконец, политика Романа Дмовского, ориентированная на сотрудничество с Россией (против Германии), – все это, в сущности, основные этапы названной политической линии. В то же время основные усилия повстанческого лагеря шли в обратном направлении. Его представители видели в России главного врага Польши и борьбу с ней рассматривали как синоним борьбы за независимость. От Барской конфедерации и восстания Костюшки в последние годы существования Речи Посполитой через ряд восстаний XIX в. вплоть до деятельности легионов Юзефа Пилсудского борьба за независимость была направлена именно против России. Это оставило значительный след в польской исторической памяти. Этот след – память не только о борьбе, но и о страданиях, символом которых стала Сибирь.

После российской революции ситуация изменилась в том смысле, что к национально-государственному добавился идеологический конфликт. Советская Россия представлялась большинству поляков не только преемницей старой, царской России, но и центром революционного коммунизма, отвергнутого преобладающим большинством польского общества.

Над польско-российскими отношениями на всем этапе 1918–1989 гг. тяготела идеология. Советское государство, возникшее в результате революции 1917 г., было идеологическим государством в том смысле, что правящая в нем партия рассматривала его как опору для реализации стратегии, которая должна привести к победе коммунистической революции в мировом масштабе. Справедливости ради нужно отметить, что война 1919–1920 гг. имела и другие причины (например, польские планы помощи Украине в ее стремлении к независимости). Это, однако, не дает повода оспорить тот факт, что в кульминационный период войны – летом 1920 г. – она приобрела форму «революции на штыках», целью которой было достичь Западной Европы и поднять там революционный пожар. Источником напряженных польско-советских отношений в 1921–1939 гг. был прежде всего идеологический, а уже потом территориальный конфликт по поводу «восточных кресов», присоединенных к Польше в результате польско-советской войны, а затем занятых СССР в 1939 г. в рамках раздела Восточной Европы совместно с гитлеровской Германией. Зависимость ПНР от СССР также имела в первую очередь идеологическое измерение, так как для советской стороны важно было не только обеспечение советских государственных интересов, но и переустройство обществ Центральной и Восточной Европы в соответствии с коммунистическими идеологическими образцами.

Нападение Германии на СССР в июне 1941 г. стало трудным вызовом для польских политиков, тем более трудным, что почти двухгодичный период советского правления в восточной части довоенной Польши был отмечен массовыми репрессиями против гражданского населения и военными преступлениями, жертвами которых стали почти 20 тыс. польских офицеров, находившихся в советском плену. Часть польских политиков, главным образом из числа представителей правившей до войны группировки, заняли по отношению к СССР непримиримо враждебную позицию, отрицавшую какое-либо сотрудничество до тех пор, пока Советский Союз не откажется от

территориальных захватов 1939 г. и планов установления своего влияния в Польше. Другие политики, группировавшиеся вокруг генерала Владислава Сикорского, попытались осуществить польско-советский союз. Эта попытка была неудачной, поскольку в сталинских планах относительно послевоенной Европы не было места для независимой Польши. Военные успехи Советской Армии на заключительном этапе войны, а также позиция США и Великобритании привели к тому, что Польша почти на полстолетия оказалась под влиянием СССР. В польской политике как в рамках правящей партии, так и в рамках укреплявшейся демократической оппозиции опять появилось реалистическое направление. Это привело к тому, что главный политический водораздел в Польше проходил между «реализмом и идеализмом», как отметил еще в эмигрантский период своей деятельности Адам Бромке[2]. Постепенно названному направлению удалось достичь ослабления советского контроля и расширения рамок ограниченного суверенитета. В 1956 г. Польша смогла существенным образом ограничить и изменить характер советского доминирования и вместе с тем перейти от не полностью реализованного тоталитаризма к особой форме авторитаризма[3]. Спустя много лет в изменившейся международной ситуации поляки путем национального примирения преодолели российское доминирование и вышли на путь демократических перемен.

Новым в польско-российских отношениях после 1989 г. стало то, что они полностью освободились от идеологических элементов. Россия не является в идеологическом смысле преемником СССР, так как не руководствуется марксизмом-ленинизмом и не стремится к идеологической унификации мира. Ее политика опирается на российские национальные интересы, причем эти интересы по-разному понимались в периоды правления Бориса Ельцина и Владимира Путина. Во второй период вместо прежней политики признания американского доминирования пришла политика возрождения имперских позиций России и стремление к более равноправным отношениям с крупнейшей мировой державой. Тем не менее это является политикой национальных интересов, а не идеологическим крестовым походом[4].

Польские политики отдают себе отчет относительно различий между современной Россией и бывшим СССР, но не всегда готовы сделать из этого надлежащие выводы. Стремление к возрождению могущества России напоминает им период политической гегемонии СССР. Вместе с тем многие польские политики полагают, что обязанностью демократической Польши является поддержка демократических оппозиционных движений в России, что вносит в межгосударственные отношения идеологический элемент – только на этот раз с польской, а не с российской стороны. В то же время среди российских политиков неоднократно стала проявляться тенденция пренебрежительного отношения к Польше и даже попыток воздействия на ее внутреннюю политику[*].

На все эти противоречия накладывается историческая память о преступлениях СССР против Польши и поляков. Кроме того, до сих пор еще живы воспоминания о российских репрессиях, особенно после январского восстания. Все это создает сильный антироссийский комплекс среди значительной части польского общества и многих политиков. В Польше, в отличие от Запада, определение самого себя как «русофоба» не считается компрометирующим, по крайней мере в глазах крайне правого крыла политиков[5].

Польско-российские отношения после 1989 г. эволюционируют. Важнейшими факторами их эволюции являются изменение внутренней политиче-

[*] Такой попыткой спровоцировать политический кризис в Польше стал вброс российскими спецслужбами (в 1995 г.) информации о якобы шпионской деятельности бывшего в то время премьера Юзефа Олексы, что охотно использовал министр внутренних дел Анджей Мильчановски. Предполагается, что данная интрига имела целью похоронить планы вхождения Польши в НАТО.

ской ситуации в России и ее международной позиции, с одной стороны, и расстановка политических сил в Польше – с другой. Поляки и россияне не обречены на вечную неприязнь из-за воспоминаний о трагическом прошлом. Вместе с тем путь к примирению проходит через реалистическое понимание характера нынешних отношений и их корней.

В отношениях Польши и России на протяжении последних двадцати лет можно выделить два периода, соответствующие двум этапам развития российской государственности, после развала СССР. Разделительной чертой между ними выступает начало 2000 г., когда во главе Российской Федерации встал Владимир Путин. Хотя понять сложные проблемы межгосударственных отношений, исходя из роли выдающихся личностей, нельзя, в то же время никакой политический анализ не может от этого полностью абстрагироваться. Как я писал ранее, «руководитель не является лишь этикеткой неизбежных событий, но он также не может быть полностью свободен от тех ограничений, которые на его действия накладывают специфика общества, а также расстановка сил в мировом масштабе, с которыми он вынужден считаться»[6]. Это с полным правом относится и к людям, которые находились или находятся во главе Российской Федерации.

Политический кризис в России и польская политика

Распад Советского Союза поставил российских политиков во главе с Борисом Ельциным перед двойным вызовом. Они, с одной стороны, должны были стабилизировать государство и вести борьбу с тяжелейшим экономическим кризисом, с другой – заново определить отношение России к зарубежным странам. В рамках последнего аспекта можно выделить, как минимум, три варианта отношений: к другим странам, возникшим после распада СССР; к государствам, освободившимся в конце «холодной войны» из-под советской гегемонии; к западным державам, в особенности к Соединенным Штатам.

Команда Бориса Ельцина старалась – с очень скромными результатами – сохранить доминирующие позиции России в бывших советских республиках, за исключением тех, которые решительно порвали с Россией (Эстония, Литва, Латвия, Молдова, первоначально Грузия). Что касается государств Центральной и Восточной Европы, в том числе Польши, то Россия стремилась предотвратить их сближение с США, прежде всего это касалось вступления в НАТО. В 1999 г. такая политика потерпела полное поражение – членами альянса стали Польша, Чехия и Венгрия. В отношениях с Западом президент Ельцин ориентировался на Соединенные Штаты; при этом он в значительной мере игнорировал Европейский Союз и рассчитывал на то, что американская помощь обеспечит ему необходимый зонт, под которым он сможет стабилизировать и реформировать Россию[*].

С польской стороны главной проблемой являлись российские попытки блокирования нашего членства в НАТО. Россия, правда, не имела голоса в решении этого вопроса, но польская сторона должна была считаться с тем, что российское давление может склонить некоторых членов НАТО к сдержанной политике. Данная проблема довлела над польско-российскими отношениями почти целое десятилетие[**].

Другие вопросы оставались в тени по причине слабости России того времени. Во время августовских событий 1991 г., когда президент Ельцин

[*] В своих мемуарах президент Клинтон подчеркивает то, насколько сильно Борис Ельцин надеялся на экономическую помощь США для России (Clinton Bill. *Moje życie.* Warszawa, 2004. S. 466–471), а также его готовность на проведение политики, созвучной с направленностью американской политики, в особенности на Балканах (S. 788).

[**] То, что аргументы России оказывали воздействие на некоторые влиятельные фигуры на Западе, свидетельствует интервью Ричарда Пайпса, в котором он решительно высказался против расширения НАТО на восток, чтобы не создать у России чувство изолированности (*Rosja u progu XXI wieku* // Rzeczpospolita. Plus-Minus, 18–19 marca 1995).

во главе демократических сил успешно противостоял путчу, симпатии польского общества и польской политической элиты были на его стороне. Не так однозначно было воспринято в Польше подавление Ельциным (при очевидном нарушении конституции) сопротивления Верховного Совета в октябре 1993 г., а первая чеченская война, в развязывании которой почти единодушно обвинялись российские власти, встретила решительное осуждение. Вместе с тем преобладала точка зрения, что Россия еще долгие годы не сможет вырваться из кризиса и поэтому в перспективе не является уже серьезной угрозой для Польши.

В польской публицистике девяностых годов было популярным мнение о слабости России, из чего делался вывод о необходимости такой политики для Польши, которая принимала эту слабость как устойчивую политическую аксиому. Норманн Дэвис доказывал, что «Российская Федерация, так же как и СССР, – это искусственная амальгама», и утверждал, что чем скорее от России отделятся ее автономные республики, тем лучше для всех, кого касается эта проблема»[7]. Подобным образом прогнозировал распад России Рышард Малик[8]. Марта Кульчыцка с тревогой писала об угрожающей России волне фашизма[9]. Голоса умеренного оптимизма были в то время редкими. Их примером может считаться комментарий Веслава Дэнбского, полагавшего, что «российская экономика уже достигла дна и постепенно начинает от него отталкиваться» и что «у президента Ельцина есть определенные политические успехи», к числу которых этот левый публицист относил (как оказалось, поспешно) «сдерживание расширения НАТО»[10].

Характерной для того времени была позиция Стефана Братковского, пессимистически оценивавшего социальную и политическую ситуацию в России, которую польский публицист сравнивал с временами «великой смуты». Братковский из этого делал вывод о необходимости активной поддержки Польшей демократических тенденций в России, особенно развития местного самоуправления[11].

В тот период относительно мало акцентировалось внимание на мартирологических элементах в польско-российских отношениях. Борис Ельцин, так же как до этого Михаил Горбачев, признал ответственность советских властей за преступления в Катыни, что было с одобрением воспринято польской стороной. Казалось, что историческая память не будет помехой для польско-российского примирения. В этом направлении предпринимался ряд действий, например, инициативы ревизии школьных учебников для устранения из них всего, что могло бы помешать сближению обоих народов.

Это не значит, что в данный период не было спорных вопросов. Наиболее значительный среди них – война в Чечне, которая однозначно негативно оценивалась в рамках польского общественного мнения, а также среди польских политических элит независимо от партийной принадлежности. Со временем эта оценка изменялась под влиянием использования чеченскими партизанами террористических методов, однако в период первой чеченской войны настроения в Польше были однозначно критичными по отношению к России.

Тем не менее преобладающей была убежденность в значительном ослаблении России, что создавало своего рода пренебрежительное отношение к польско-российским контактам. Теперь можно говорить о том, насколько поверхностными были в то время взгляды большинства польских политиков и комментаторов на политическое будущее России и тем самым на польско-российские отношения.

Возрождение России и польско-российские отношения после 2000 г.

В основе восстановления позиций России как крупной державы находятся как внутренние факторы, так и изменения в международно-политической обстановке.

Во внутренней политике России последнее десятилетие ознаменовалось укреплением центральной власти, появлением лидера, обладающего ог-

ромным личным авторитетом, созданием сильной партии власти, а также значительным улучшением финансового положения государства и жизненного уровня населения. Россия не является либеральной демократией; ее политическая система скорее соответствует тому, что Гильермо О'Доннелл определил как «делегирующую демократию»[12]. Я далек от идеализации этой системы, но нужно признать ее роль в стабилизации политической обстановки в России. Также следует помнить, что в лице Владимира Путина Россия имеет лидера с огромным личным авторитетом. «Исследования "Левада-Центра" в феврале 2007 г., – пишет Михал Словиковски, – показали, что целых 60 % россиян согласны с тем, чтобы Путин баллотировался на выборах президента России на третий срок, благодаря возможности снять ограничения на количество президентских сроков, занимаемых одним человеком. Не сложно понять позитивное отношение россиян к подобным изменениям, учитывая то, как высоко ими оцениваются действия Путина на посту президента. В 2004–2008 гг., т. е. на протяжении его второго президентского срока, уровень общественной поддержки Путина – на основе исследований "Левада-Центра" – ни разу не опускался ниже 65 %, а с 2007 г. только раз его рейтинг упал ниже 80 %»[13].

После 2000 г. Россия, используя новую конъюнктуру в мировой политике, созданную американской реакцией на террористический акт 11 сентября 2001 г., существенно усилила свои международные позиции. Ею проводится политика сотрудничества с Соединенными Штатами в борьбе с международным терроризмом, но в то же время не признается американская гегемония в мире и подчеркивается собственное право на проведение самостоятельной политики. Россия выстраивает близкие отношения с Европейским Союзом, делая особый акцент на сближении с Германией и Францией. Развивается трехстороннее сотрудничество с Китаем и Индией в надежде на то, что оно станет источником новой архитектуры международных отношений в Азии. Активизируется политика России в Латинской Америке. «Россия, – пишет Френсис Фукуяма, – заявляет о своих целях во внешней политике более откровенно, чем Китай. Ее политическая элита с сожалением вспоминает 90-е годы. Правление Ельцина рассматривается как период унижения, а не расцвета демократии. Россияне уверены, что США и их партнеры по НАТО руководствовались в то время задачами не поддержки демократии, а ослабления России <…> Сейчас, когда Россия опять почувствовала себя сильной, она убеждена, что может защитить себя только путем конфронтации»[14].

Бывшие союзники из стран Центральной и Восточной Европы первоначально мало интересовали Россию Путина. Она спокойно восприняла очередное расширение НАТО, несмотря на то, что вхождение в него Эстонии, Литвы и Латвии приблизило восточные рубежи НАТО к Петербургу. Не было особых протестов со стороны России по поводу участия Польши в нападении на Ирак, несмотря на осуждение войны. После визита в Польшу в 2001 г. президент Путин «высоко оценил культурные достижения обеих стран и назвал их фундаментом для новых польско-российских отношений»[15]. Так писал прохладно относящийся к Путину немецкий журналист Борис Райчуштер. В первый период президентства Путина возникли предпосылки для более тесных взаимоотношений, чем во времена Ельцина, поскольку новый хозяин Кремля более дружелюбно относился к Польше, а спорная проблема членства в НАТО была урегулирована. Польские власти со своей стороны также стремились к улучшению взаимоотношений.

Ситуация изменилась в конце 2004 г. в связи с политическим кризисом в Украине. Так называемая «оранжевая революция» была воспринята в России как направленная против ее интересов, для обеспечения которых оказывалась поддержка кандидатуре Виктора Януковича. Поддержка со стороны Польши компромиссного решения конфликта путем проведения второго

тура президентских выборов, на которых победил Виктор Ющенко, получила негативную оценку в России. Президент Путин обвинил лично президента Квасьневского во вмешательстве в чужие дела. Тем самым проявилось особое отношение к так называемому «ближнему зарубежью», которое российский президент рассматривал как сферу влияния России.

С польской стороны заинтересованность процессами, происходящими в Украине, объяснялась принятием той политической линии, которую за тридцать лет до того на страницах издания «Культура» сформулировали Ежи Гедройц и Юлиуш Мерошевски. «Газета выборча» в номере от 4–5 декабря 2004 г. перепечатала известную статью Юлиуша Мерошевского 1974 г., в которой он выступил с требованием, чтобы независимая Польша отказалась от претензий на утерянные в 1939 г. «восточные кресы» и перестала рассматривать Украину, Литву и Беларусь в качестве «пешек в исторической польско-российской игре».

После распада СССР именно на таких принципах Польша стала строить свои отношения с восточными соседями. Надежда была на то, что они изберут путь интеграции с Западом, что привело бы их вместе с Польшей в структуры НАТО и Европейского Союза. Как известно, именно так стало в случае с Литвой, но совершенно иначе в случае с Беларусью.

Украина представляет собой нечто среднее между ними. Успех «оранжевой революции», казалось, должен был открыть путь этому государству к интеграции в западные структуры, в чем его поддерживала Польша. Вскоре, однако, оказалось, что президент Ющенко стал терять политическую поддержку в стране. Чтобы вернуть былую популярность, он сделал ставку на украинский национализм, направленный в том числе и против Польши. Присвоение звания героя Украины закоренелому врагу Польши Степану Бандере и восхваление УПА были прямой провокацией по отношению к тем полякам, которые связывали свои надежды с декларированным Ющенко курсом на сближение с Польшей. Позорное поражение Ющенко на президентских выборах 2010 г. закрыло эту страницу во взаимоотношениях двух стран. Украина сделала свой выбор. Во главе ее находится пророссийский политик, позитивно воспринимаемый в России, – Виктор Янукович. С ним и с возглавляемым им политическим лагерем Польше необходимо будет выстраивать взаимоотношения в ближайшем будущем. Это устраняет один из наиболее сложных моментов в недавних польско-российских отношениях.

Вскоре после украинской «оранжевой революции» в Польше произошла смена правительства. Победа партии «Право и Справедливость» на парламентских и президентских выборах привела к принципиальным изменениям в отношениях между Польшей и Россией – изменениям в худшую сторону. Виноваты в этом обе стороны. Новые польские власти вернулись к так называемой «исторической политике», существенным элементом которой было постоянное обращение к памяти о советских преступлениях, в частности о расстреле в Катыни. Со своей стороны Россия использовала экономические санкции, введя эмбарго на поставки польского продовольствия. Ответом на это стал срыв Польшей переговоров между Россией и Европейским Союзом по вопросу заключения договора о партнерстве. К существующим проблемам в двусторонних отношениях добавилась проблема балтийского газопровода, который должен обеспечить транспортировку российского газа в Германию, минуя польскую территорию. Реакция польских властей была чрезвычайно острой; при ее принятии не учитывался тот факт, что наши соседи имеют право самостоятельно заключать выгодные для них экономические соглашения.

Проблема балтийского газопровода демонстрирует характерную особенность польского понимания национальных интересов. Те люди, которые осуждают Россию и Германию за принятие решения в соответствии с их собственными интересами, не видят ничего плохого в том, чтобы своими

национальными интересами руководствовались Польша или дружественные ей Соединенные Штаты. В этой ситуации парадоксально ждать от государств, которые не воспринимаются как дружественные, альтруистических действий, заботы о польских интересах больше, чем о собственных. Сложно назвать это рациональным.

В России позиция польских властей была воспринята либо пренебрежительно, либо с открытой неприязнью. «Польша, – пишет близкий Путину политолог Сергей Караганов, – опять стала больным человеком в Европе, в которого тыкают пальцем почти все на континенте: французы, немцы и даже литовцы. В лучшем случае она может быть воспринята как троянский конь Соединенных Штатов в Европе, в худшем – считаться примером страны, ставшей непредсказуемой, поскольку его многочисленная интеллектуальная элита не оказывает ни малейшего влияния на политику управления страной»[16].

Смена правительства в Польше в результате парламентских выборов 2007 г. не привела к мгновенным изменениям в отношениях с Россией. Польская внешняя политика стала ареной борьбы между президентом Лехом Качиньским и премьером Дональдом Туском. Правительство стремилось разрешить конфликт с Россией, но при этом столкнулось с трудностями, связанными со стойкой приверженностью президентской власти так называемой «исторической политике» по отношению к России, что на практике означало ухудшение и без того плохих отношений. Выражением различного понимания «исторической политики» стало создание в рамках межправительственных соглашений польско-российской группы по спорным вопросам под руководством Адама Даниэля Ротфельда и Анатолия Торкунова. Опубликованный в конце 2010 г. огромный труд этого коллектива показывает, как можно смотреть на непростую историю двух народов без эмоций и идеологических штампов[17]. В ноябре 2010 г. названная группа получила медаль «За толерантность», присужденную Экуменическим фондом «Толерантность». Вручение этой медали было большой честью для меня.

Разногласия по вопросу российской политики особенно остро проявились во время вооруженного конфликта между Россией и Грузией в августе 2008 г. Правда, и президент и правительство выступили с поддержкой Грузии, однако позиция президента Качиньского была куда более радикальной, а его выступление в Тбилиси звучало как призыв к вооруженной помощи Грузии. Правительство проявило в этой ситуации большую умеренность и поддержала переговоры, начатые Европейским Союзом через посредничество президента Франции*. Общественное мнение по этому вопросу в большой степени поддерживало правительство. Согласно исследованиям центра общественного мнения «OBOP» 13 августа 2008 г. 46 % опрошенных считали, что Польша должна следовать «мягкой» политике правительства Туска, 30 % выступали за «твердую» политику президента Качиньского, а 24 % не высказали собственного мнения[18]. В то же время исследование службы общественного вещания «PBS» в тот же день показало, что 62 % респондентов считают, что вмешательство президента ухудшит отношения с Россией, а 35 % высказали мнение, что визит президента в Грузию стал «ненужным стремлением подразнить Россию» (как «важную поддержку Грузии» его определили 27 % опрошенных, как «попытку улучшения имиджа президента» – 20 %, как «его личный успех» – 10 %, как «успех Польши» – 7 %)[19].

Грузинский конфликт показал, что Россия является сильной региональной державой, способной к успешным действиям вблизи своих границ. Соединенные Штаты и Европейский Союз не в состоянии повлиять на реше-

* Анализ грузинско-российского конфликта выходит за рамки данной статьи. Вместе с тем стоит отметить, что ряд авторитетных американских аналитиков признали то, что конфликт был спровоцирован грузинской стороной. Так считают, между прочим, Генри Киссинджер (Dziennik. 17 wrzesnia 2008) и Стивен Ларраби (Gazeta Wyborcza. 14–15 sierpnia 2008).

ние об отделении Абхазии и Южной Осетии от Грузии, поскольку оба эти непризнанных государства имеют поддержку со стороны России.

После президентских выборов в США произошла существенная ревизия отношения к России с американской стороны. Президент Барак Обама и госсекретарь Хилари Клинтон направили усилия на их улучшение и достигли в этом успеха. Этот успех важен тем более, что унаследованные от прежней администрации войны в Ираке и Афганистане, а также финансовый кризис существенно ослабили позиции США в мире. В этом контексте напряженность между Польшей и Россией угрожает полякам изоляцией.

Также следует помнить о том, что в России происходит политическая эволюция. В ряде выступлений президента Медведева указывается на необходимость модернизации страны. Осуществление этого процесса было бы значительно более эффективным в условиях сотрудничества с развитыми странами Запада. Все это порождает новые надежды[20].

Для Польши эти изменения давали шанс на улучшение отношений с Россией. Подтверждением этому стали речи премьера Путина на Вестерплятте (по случаю семидесятилетия начала войны) и на совместных с премьером Туском мероприятиях в Катыни 7 апреля 2010 г. В них было однозначно указано на ответственность сталинского руководства СССР за преступление в Катыни и отдана дань памяти жертвам репрессий. Тем самым российский лидер создал психологические предпосылки для перелома во взаимоотношениях государств. Подходы обоих премьеров к истории не означают перечеркивания исторической политики, но придают ей принципиально иное направление. Вместо обвинений в адрес России за преступления сталинского режима оба лидера говорили о страданиях обоих народов. Символический смысл имело совместное возложение венков на могилы польских и советских жертв НКВД в Катыни.

Это стало важной предпосылкой для нового взгляда на трагическое прошлое. Поляки должны помнить о том, что жертвами сталинского режима были миллионы россиян и других граждан СССР. Этим сталинские преступления отличаются от гитлеровских, которые были направлены главным образом против завоеванных народов, а не против немецкого народа. Если в основу отношений между поляками и русскими положить историческую память, то это должна быть память о совместных страданиях, вина за которые лежит не на российском народе, а на тоталитарном политическом режиме.

Процесс польско-российского примирения оказался в качественно новой ситуации после смоленской катастрофы, которая обусловила два противоположных процесса. С одной стороны, подавляющее большинство польского общества должным образом оценило сочувственное поведение не только российских властей, но и простых граждан. В этом они справедливо видят психологический перелом, которого давно ждали. Присутствие президента Медведева на похоронах президентской четы в Вавеле, а затем присутствие Бронислава Комаровского и Войцеха Ярузельского на московском параде в День Победы стали важными символическими знаками нового политического климата. Участие польских солдат в параде отчетливо напомнило о боевом братстве в период Второй мировой войны.

Однако, с другой стороны, имеет место переход в контрнаступление сил, заинтересованных в поддержании и даже обострении конфликта с Россией. Партия «Право и Справедливость» после временного прекращения антироссийской риторики в период избирательной кампании вернулась к пропаганде, использующей русофобию как политическое оружие. Депутат от ПиС Антони Мацеревич, возглавляющий группу, которая занимается «выяснением» причин смоленской катастрофы, назвал ее преступлением; бывший министр иностранных дел Анна Фотыга обвиняет премьера Туска в проведении «ужасной игры» с Путиным с целью «выбить» Леха Качиньского из политики; а Ярослав Качиньский заявляет об ответственности Дональда

Туска, Бронислава Комаровского и других политиков из «Гражданской платформы» за смерть президента Леха Качиньского. Продолжается кампания ненависти, нагнетаемая голословными обвинениями в адрес России.

Эта кампания имеет две цели. Первая – дискредитация «Гражданской платформы» как партии, якобы лишенной патриотизма и ответственной за превращение Польши, по словам Ярослава Качиньского, в «немецко-российский кондоминиум». Второй целью является дальнейшее ухудшение отношений с Россией, поскольку только плохими отношениями с этим государством можно обосновать тон националистической истерии в польской политике. Здесь не суть важно, являются ли Ярослав Качиньский, Анна Фотыга и Антони Мацеревич действительно русофобами или только разыгрывают из себя русофобов для сиюминутной политической выгоды. Важно, что они внесли опасную ноту в польско-российские отношения. Как может быть воспринято государство, в котором крупнейшая оппозиционная партия во главе с бывшим премьером открыто проводит кампанию нагнетания ненависти против России? Эта кампания не вредит России, где ею особо не обеспокоены. Она прежде всего вредит позиции Польши в мире, а в особенности в Европейском Союзе, который выстраивает все более прочные и близкие отношения с Россией, а также в Соединенных Штатах, которые понимают роль американо-российского партнерства для стабилизации международной обстановки. Можно прямо сказать, что это политика не столько антироссийская, сколько антипольская, поскольку наносит наибольший ущерб польским национальным интересам.

Общественное мнение в Польше о перспективах примирения

Насколько сильно массированная антироссийская кампания отразилась на политическом сознании поляков? Как изменилось отношение к России и россиянам в последние годы?

Павел Боски обращает внимание на явление, над которым стоит задуматься. Исследования общественного мнения, проводившиеся до и после изменения строя, показывают, что в польском общественном сознании восприятия России и россиян были более позитивными до 1989 г., чем позднее. На протяжении 1975–1989 гг. преобладала явная симпатия к россиянам. Причем пик этой симпатии приходится на 1975 г., после чего она постепенно уменьшалась, однако вплоть до 1989 г. преобладала над неприязнью. Изменения произошли в следующем десятилетии. В исследовании CBOS (август 1996 и октябрь 1997 г.) россияне оказались среди народов, которые воспринимались с неприязнью. Худшим было только восприятие украинцев, сербов, румын и цыган[21]. Автор объясняет это гипотезой, в соответствии с которой личные контакты с многочисленными приезжими (в значительной степени для торговли) россиянами вызвали такое ухудшение отношения к ним. Вместе с тем он показал, что в восприятии российской политики глазами поляков было сильным убеждение, что Россия стремится восстановить свое влияние в Польше. Так считали 60–70 % лиц, охваченных шестью исследованиями CBOS в период с января 1994 г. по июнь 1997 г.[22]

Это не означает, что поляки не желали примирения с Россией. В исследованиях CBOS, проведенных 12–15 мая 2006 г., 69 % опрошенных утвердительно ответили на вопрос, возможны ли дружественные и партнерские отношения между Польшей и Россией (с Германией – 80 %, с Украиной – 77 %). Вместе с тем 59 % респондентов опасались России и только 23 % – Германии[23].

Польско-российским отношениям были посвящены два исследования Института социальных и международных исследований Фонда им. Казимира Келлес-Крауза в сотрудничестве с исследовательским центром изучения общественного мнения и рынка «Mareco Polska – Gallup International» в 2007 и 2010 гг. Эти исследования использовали один и тот же инструментарий, что дает возможность для сравнения.

В более раннем исследовании[24] преобладал пессимизм. Как плохие или очень плохие оценивали взаимоотношения 61,6 % опрошенных, при этом наиболее сильно данная точка зрения выявилась среди избирателей левых сил (87,5 %). Респонденты преимущественно считали виновными в подобной ситуации власти России (40,6 %), 30,4 % обвиняли в равной мере российские и польские власти и только 6,1 % считали, что главная вина лежит на польских властях. 53,4 % опрошенных оценивали политику России как антипольскую и лишь 34,3 % считали антироссийской политику польских властей (в том числе среди избирателей левых сил – целых 47,1 %). В целом это было пессимистическое восприятие. С учетом времени проведения исследования (завершающий этап правления партии «Право и Справедливость») представляется обоснованным предположение о том, что пессимизм в оценке польско-российских отношений отражал сложившуюся тогда политическую ситуацию в Польше.

В январе 2010 г. исследовательский центр Mareco Polska повторил исследования и выявил интересные изменения[25]. По всем существенным параметрам отношение опрошенных к России и оценка ими польско-российских отношений значительно улучшились, хотя по-прежнему сохранялось преимущественно пессимистическое восприятие ситуации.

В 2010 г. взаимоотношения между Польшей и Россией считали хорошими или очень хорошими 40,6 % опрошенных (в 2007 г. – 16,1 %), а плохими или очень плохими – 29,2 % (в 2007 г. – 61,6 %). При этом различия лиц с левыми, правыми или центристскими взглядами были незначительными. Увеличился процент опрошенных, по мнению которых власти Польши и России имеют одинаковое влияние на характер взаимоотношений (35,2 % в 2010 г. и 30,4 % в 2007 г.). В то же время сократился процент тех, кто считает, что наибольшее влияние оказывают российские власти (25,6 % в 2010 г. и 40,6 % в 2007 г.). Увеличился процент полагающих, что наиболее влиятельной силой в этих взаимоотношениях выступают польские власти (11,2 % в 2010 г. и 6,1 % в 2007 г.). Думаю, что это стало следствием заметных изменений во взаимоотношениях, произошедших после отстранения «Права и Справедливости» от власти.

Сократился процент тех, кто оценивает политику России как антипольскую (с 53,4 % в 2007 г. до 42,0 % в 2010 г.), в то же время увеличилась доля отрицающих эту точку зрения (с 20,3 % в 2007 г. до 35,1 % в 2010 г.). Также уменьшилось количество опрошенных, считающих польскую политику антироссийской (с 33,4 % в 2007 г. до 25,5 % в 2010 г.), а процент тех, кто отрицает эту точку зрения, напротив, увеличился (с 38,3 % в 2007 г. до 50,9 % в 2010 г.). В обоих случаях не было существенных различий между представителями левых, правых или центристских взглядов.

Оба исследования (но в большей мере проведенное в 2010 г.) выявили преобладающее мнение о том, что российское общество с симпатией относится к полякам (34,6 % в 2007 г. и 46,9 % в 2010 г.). Противоположного мнения придерживались 5,3 % опрошенных в 2007 г. и 26,6 % в 2010 г. Похожими были и ответы на вопрос о симпатии к россиянам в польском обществе. В 2007 г. положительно ответили на него 36,3 %, а в 2010 г. – 47,5 % (противоположного мнения придерживались 34,8 % в 2007 г. и 28,2 % в 2010 г.).

В 2010 г. респондентам был задан вопрос, угрожает ли, по их мнению, Польше опасность со стороны России. Отрицательно ответили на этот вопрос 32,7 % (из них 4,3 % «решительно»), а утвердительно – 38,6 % (из них 12,2 % «решительно»); 28,8 % не имели мнения по этому вопросу.

Так весьма неоднозначно формировались мнения польского общества по вопросу об отношениях с Россией. В них заметно отражение конфликтов последних десятилетий, но также видно и улучшение отношений, которое почти наверняка связано с новым политическим курсом правительства Дональда Туска.

Первая реакция польского общества на смоленскую катастрофу показала, что наступило позитивное изменение образа России и ее лидеров. Усиливающаяся русофобская кампания партии «Право и Справедливость» не прошла бесследно для общественного сознания. Тем более важно сейчас противопоставить ей реалистический анализ ситуации и рассказать правду о современной России. Она изменяется в позитивном для польско-российских отношений направлении. Стабильная, сильная и дружественная Польше Россия соответствует польским национальным интересам. Чем быстрее польское общество, а в особенности его политические и создающие общественное мнение элиты примут данную стратегию мышления, тем лучше для Польши и для стабилизации политических взаимоотношений в Европе. По этому вопросу левые силы могут и должны сотрудничать с теми политическими силами, которые понимают значение польско-российского примирения и готовы работать в данном направлении.

[1] Wiatr Jerzy J. Refleksje o polskim interesie narodowym. Warszawa, 2004. S. 180–181.

[2] Bromke A. Poland's Politics: Idealism vs. Realism. Cambridge, 1967.

[3] На переломное значение 1956 г. обращали внимание Збигнев А. Пельчыньски (Polska droga od komunizmu. Refleksje nad historią i polityką 1956–2006. Warszawa, 2007. S. 152) и Анджей Валицки (Idee i ludzie. Próba autobiografii. Warszawa, 2010. S. 60).

[4] Эту черту российской «международной идентичности» сильно подчеркивает в своей работе Станислав Белень (Tożsamość międzynarodowa Federacji Rosyjskiej. Warszawa, 2006. S. 33–41).

[5] Например, появление работы известного правого публициста Бартоломея Сенкевича «Wyznania rusofoba» («Исповедание русофоба») (Newsweek. 25 czerwca 2006).

[6] Wiatr Jerzy J. Przywództwo polityczne: studium politologiczne. Łódź, 2008. S. 18–19.

[7] Davis N. Kłamstwa, z których zbudowano Rosję // Rzeczpospolita. 24–25 kwietnia 1993.

[8] См.: Malik R. Krucha jedność Federacji // Rzeczpospolita. 19 stycznia 1995.

[9] См.: Kulczycka M. Siła czy mit? // Nowa Europa. 30 czerwca 1995.

[10] Dębski Wiesław S. Stabilizacja – pozory czy realia? // Trybuna. 3 października 1994.

[11] См.: Bratkowski S. Rosja i my // Rzeczpospolita. Plus-minus. 22–23 kwietnia 1995.

[12] O'Donnell G. Delegative Democracy. Chicago, 1991. P. 21.

[13] Słowikowski M. Rozważania nad naturą reżimu politycznego współczesnej Rosji // Rosja: refleksje o transformacji. Warszawa, 2010. S. 47.

[14] Fukuyama F. Rosyjskie odrodzenie // Europa. 11 sierpnia 2007. № 32 (175).

[15] Reitschuster B. Putin: dokąd prowadzi Rosję? Warszawa, 2005. S. 296.

[16] Интервью с Сергеем Карагановым (Rosja odegra ważną rolę w 'koncercie narodów // Dziennik, 16 czerwca 2006). В другом интервью (Bez szans na porozumienie // Dziennik, 2 lipca 2007) Караганов выразил свою убежденность в том, что поддерживаемая польским правительством программа так называемого «противоракетного щита» не сможет реализоваться в Польше. Как известно, он не ошибся.

[17] См.: Rotfeld Daniel A., Torkunow A. // Białe plamy – czarne plamy. Warszawa, 2010.

[18] См.: Dziennik. 14–15 sierpnia 2008.

[19] См.: Gazeta Wyborcza. 14–15 sierpnia 2008.

[20] См.: В этой связи характерно выступление Збигнева Бжезиньского (Rosja nostalgii, Rosja nadziei // Gazeta Wyborcza. 12–13 grudnia 2009).

[21] См.: Boski P. Rosjanie i stosunki z nimi w ocenie Polaków // Stosunki polsko-rosyjskie: stereotypy, realia, nadzieje. Toruń, 2008. S. 94–95.

[22] Ibid. S. 98.

[23] См.: Gazeta Wyborcza. 13 czerwca 2006.

[24] См.: Sławomir W. W oczekiwaniu na zmiany // Przegląd. 19 sierpnia 2007.

[25] См.: Polska M. Opinie społeczne na temat stosunków polsko-rosyjskich. Warszawa: kwiecień 2010; неопубликованный отчет исследований.

Поступила в редакцию 24.05.11.

Перевод с польского кандидата философских наук И.А. Бортника

P.S. 17 сентября 2011 г. наш польский коллега отметил свой 80-летний юбилей. Белорусские социологи искренне поздравляют профессора Ежи Вятра с юбилеем и желают ему здоровья и новых творческих успехов.

СЛОВО О А.Н. ЕЛСУКОВЕ

Раздел «Биографии ученых» мы посвящаем постоянному автору нашего журнала, известному белорусскому ученому философу и социологу Альберту Николаевичу Елсукову. В декабре он празднует свой юбилей – 75 лет со дня рождения. Можно безо всяких натяжек констатировать, что судьба к нашему юбиляру благоволила, но создал себя – он сам. Человек трудолюбивый, доброжелательный, как модно сейчас говорить, толерантный и целеустремленный, он в принципе всегда добивался реализации своих целей.

За плечами профессора А.Н. Елсукова колоссальный опыт педагогической и научной деятельности, среди его достижений главным, с нашей точки зрения, является открытие первого в Беларуси социологического отделения и кафедры социологии на новом, также созданном под его руководством философско-экономическом факультете БГУ.

Дорога Альберта Николаевича к своему Олимпу была долгой и тернистой. Военное лихолетье, потери близких, постоянный недостаток и неустроенность, трудное послевоенное время в разрушенной белорусской столице, когда приходилось много работать и одновременно учиться. После окончания философского отделения истфака БГУ А.Н. Елсуков учительствовал на Браславщине в Витебской области.

Альберт Николаевич – оптимист по натуре и, как сам иногда в шутку о себе говорит, склонен к самоиронии и немножко к авантюризму (в хорошем смысле этого слова). Его возвращение в столицу было впечатляющим: в 1966 г. молодой учитель сельской школы поступил в аспирантуру философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и после защиты кандидатской диссертации (1969) вернулся в Минск. До 1973 г. работал на кафедре философии БПИ преподавателем, доцентом. Затем вся дальнейшая жизнь А.Н. Елсукова связана с БГУ: здесь он защитил докторскую диссертацию (1985), реализовался как руководитель. Профессор А.Н. Елсуков – отличник образования Республики Беларусь (2006), лауреат премии им. В.И. Пичеты БГУ (2009).

Альберт Николаевич всегда в работе, аккуратен, по-спортивному подтянут и, как правило, куда-то спешит, всегда галантный и невозмутимый. Верим, что научный и творческий потенциал основателя нашей кафедры профессора А.Н. Елсукова с годами будет только увеличиваться. Желаем юбиляру крепкого здоровья и успехов во всех его начинаниях.

А.Н. Данилов,
главный редактор

А.Н. ЕЛСУКОВ: «…ПРИШЛО ВРЕМЯ ГОВОРИТЬ О БЕЛОРУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ КАК О САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЕ…»

(интервью доктора философских наук, профессора А.Н. Елсукова главному редактору журнала «Социология» профессору А.Н. Данилову)

Уважаемый Альберт Николаевич, мы давно с Вами знакомы. Мне вспоминаются те времена, когда я принес Вам свою кандидатскую диссертацию как заведующему кафедрой социологии. Вы тогда достаточно благосклонно отнеслись к моей работе и поддержали ее, а затем пригласили меня поработать на кафедре в качестве совместителя. С тех пор мы работаем с Вами бок о бок вот уже более двадцати лет. В преддверии Вашего 75-летия хотелось бы больше узнать о Вас – о родных, близких, детстве, мечтах и планах на будущее.

Я родился 9 декабря. Мой знак зодиака – Стрелец. Хотя я не верю в астрологические предсказания, гадания и приметы, но зодиакальные типажи людей вполне убедительны. Стрелец – такой тип человека, которому свойственны элементы самостоятельности, стремление к риску и авантюре, среди них много путешественников, моряков, артистов, ученых и философов. Всего этого понемножку хватает и у меня. Я родился в Архангельске – в городе мореплавателей. Мой дедушка преподавал Закон Божий в женской гимназии, после революции служил священником в небольшом сельском приходе и испытал на себе гонения за веру. После его гибели бабушка с пятью детьми вынуждена была покинуть город и переселиться в деревню, где легче было прокормить семью.

Когда я родился (в 1936 г.), мой отец работал в мостостроительной организации, а мама, закончив начальные курсы, работала счетоводом. В 1940 г. организацию, в которой работал отец, перевели в Киев, где нас и застала война. Организацию эвакуировали в тыл (в Челябинск), куда перебралась и наша семья. Отца мобилизовали в армию, и мы с матерью и младшим братом остались одни. В 1944 г. часть, в которой служил отец, перебросили на переформирование в Ташкент, туда переехали и мы. В Ташкенте мы встретили победу, а вскоре переехали в Брест. Здесь отца демобилизовали, и мы в 1947 г. оказались в Минске. Так что вся моя сознательная жизнь связана с этим городом.

Каким Вы помните Белорусский государственный университет, студенческую среду, кого из Ваших преподавателей вспоминаете до сих пор? Как у простого рабочего парня, умеющего многое делать своими руками и имеющего солидный трудовой стаж, вдруг возник такой интерес к философии?

После седьмого класса я со своим другом поступал в автомеханический техникум. Друг мой прошел и был принят, а у меня не хватило баллов. Пришлось продолжить учебу в школе. Однако материальные трудности не позволяли учиться дальше. Поступил в Минскую профессионально-техническую школу столяров-краснодеревщиков. Окончив ее, работал столяром на мебельной фабрике им. Димитрова. Среднее образование получил в вечерней школе (которая размещалась в помещении дневной школы № 42 по улице Комсомольской). В 1958 г. (со второй попытки) стал студентом исторического факультета БГУ. Выбор факультета определялся тем, что я чувствовал тягу к творческо-писательской деятельности (опять-таки – либо астрология, либо гены). В частности, я пробовал писать небольшие заметки о производственной деятельности и направлял их в местные газеты (некоторые из них были напечатаны). Ну, и я предполагал, что исторический факультет в наибольшей степени соответствует моим творческим склонностям. Набор наш был уникальным. Эта уникальность состояла в том, что

из 45 человек только трое были выпускниками средней школы, а остальные – с трудовым стажем или отслужившие в армии, то есть люди взрослые и с определенным жизненным опытом, что и определяло сплоченность нашего студенческого коллектива. Никогда не было никаких недоразумений и конфликтов по поводу выезда студентов на сельхозработы и участия в других общественных делах. Работали с нами великолепные преподаватели, чьи лекции вспоминаются до сих пор и книги которых хранятся в моей личной библиотеке. Всех, конечно, не перечислишь, но особая память сохранилась о Л.С. Абецедарском, И.М. Игнатенко, Г.М. Лившице, Р.А. Никольской, Т.И. Притыцкой, В.М. Сикорском, Л.М. Шнеерсоне. Ну и, конечно, не забывается наш декан П.З. Савочкин.

Будучи студентом, я быстро понял, что все то, что дается на лекциях и семинарах, слишком мало для будущей профессиональной деятельности, что нужно расширять сферу своего образования, приобщаясь к иным источникам информации, в том числе и литературного характера. Интересовали меня и книги по философии. Этот интерес также имеет какой-то подспудный, возможно, генетический характер. Так, еще работая на фабрике, где нас (комсомольцев) обязывали подписываться на различного рода политические периодические издания, я, ко всеобщему удивлению, выписывал журнал «Вопросы философии» и даже пробовал его читать, с удивлением обнаруживая, что я ничего не понимаю из прочитанного. Особенно меня удручал какой-то ускользающий смысл термина «гносеология». Но, так или иначе, интерес к философии у меня сохранялся и в вузе. Особенно увлекали лекции по истории философии, которые читал профессор И.М. Лущицкий, и лекции П.Ф. Протасени по диалектическому материализму. Моя дипломная работа также была посвящена философской теме.

Кроме этого, я все годы учебы был участником академического хора Дворца культуры профсоюзов, активно занимался спортом (был членом сборной команды БГУ по фехтованию, имел первый спортивный разряд), все каникулы работал в пионерских лагерях вожатым и старшим пионервожатым, был участником студенческих строительных отрядов. На старших курсах выполнял на общественных началах роль руководителя лекторской группы горкома комсомола. Так что, окончив университет, я был вполне подготовлен к самостоятельной жизни.

После университета Вы были распределены на работу в среднюю школу Браславского района Витебской области. Как Вы осваивались на новом месте, что дала Вам работа с детьми?

К работе с детьми я был подготовлен, наверно, лучше других, так как работал вожатым в пионерских лагерях. Более того, эта работа мне нравилась, у меня никогда не возникала мысль оставить профессию учителя и заняться какой-нибудь другой деятельностью. Деревенские будни скрашивались общением с друзьями и коллегами. В этот год в школе оказалось много выпускников вузов, так что у нас сложился весьма дружный и деловой коллектив молодых педагогов. Здесь же в школе я познакомился со своей будущей женой, которая также приехала в эту школу после окончания филологического факультета БГУ по распределению. Здесь работал Владимир Каризна, ставший затем известным белорусским поэтом-песенником. Так что скучать нам не приходилось, мы были молоды и полной грудью вдыхали прелести самостоятельной жизни.

Однако останавливаться на достигнутом не хотелось. Зрела мысль о продолжении учебы, а мечта об аспирантуре начала складываться еще в студенческие годы. Книг в школьной библиотеке явно не хватало. Набив два больших чемодана книгами, которых к концу учебы в университете у меня накопилось достаточно большое количество, я привез их в деревню и таким образом имел возможность расширять свой профессиональный кру-

гозор при свете керосиновой лампы, так как электричества в то время в деревне Опса еще не было. Но время «отработок» быстро прошло, и мы снова оказались в Минске.

Расскажите, пожалуйста, подробнее об этом периоде.

Все изменения в работе имели для меня определенный судьбоносный характер, так как резко прямым образом отражались на моем социальном статусе. Так случилось и на этот раз. Я из сельского учителя как-то сразу стал преподавателем вуза, так как был принят на работу на кафедру марксистско-ленинской философии Белорусского политехнического института. В то время кафедрой заведовал П.Ф. Протасеня, с которым у нас установились хорошие деловые связи еще в БГУ и которому в это время понадобились работники младшего звена. Срочно пришлось осваивать новую профессию. На кафедре работали в основном молодые преподаватели, здесь начинал свою научно-преподавательскую карьеру и В.С. Стёпин. Пришлось столкнуться и со стандартной конфликтной ситуацией, которая часто возникает в творческих коллективах между молодыми и дерзкими исполнителями и пожилым руководителем. Так что с социальными конфликтами я знакомился не по книгам Дарендорфа и Козера, а в их реальном воплощении. Конфликт этот имел достаточно тяжелые последствия для всех конфликтующих сторон, потребовалось вмешательство административных органов, но это особая история.

Проработав в БПИ два года и сдав кандидатские экзамены, я дерзнул поступать в аспирантуру философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова по кафедре диалектического материализма. Таким образом, мое философское образование и работа приобретали все более отчетливый профессиональный характер. Закончив аспирантуру и защитив диссертацию на тему «Проблема объяснения в социально-историческом исследовании» (научным руководителем был доцент В.И. Швырев, оппонентами – Г.М. Андреева и В.И. Столяров, имевшие уже в то время непосредственное отношение к социологии, – это я намекаю на то, что мой интерес к философии не заглушил мой первичный интерес, связанный с социальной проблематикой), вернулся на кафедру философии БПИ, где проработал до 1973 г. С этого момента начинается новый период моей жизни, тесно связанный с БГУ.

Кафедра философии, на которой Вы работали в БГУ, славилась и своими достижениями, и своими конфликтами. Помните, в советское время вышла нашумевшая книга И. Грековой «Кафедра» – это случайно не о Вашей кафедре? Расскажите о кафедральной жизни того времени, о людях, работавших вместе с Вами, увлечениях, достижениях, как сложились их судьбы?

Кафедра, на которую я перешел работать, называлась в то время кафедрой марксистско-ленинской философии гуманитарных факультетов. Она образовалась в 1973 г. в результате деления общей философской кафедры (довольно большой по количественному составу) на две – естественных и гуманитарных факультетов. В это время университетом руководил «чистый» гуманитарий профессор В.М. Сикорский, который особое внимание уделял совершенствованию гуманитарного образования. В состав исторического факультета входили отделения истории, политической экономии и философии. Если первые два имели выпускающие кафедры, то философы оказались как бы без специального руководства. Поэтому и было принято решение создать специальную кафедру, которая и курировала бы это отделение. В качестве руководителя был приглашен работник академического Института философии и права профессор Г.П. Давидюк. Нужно отметить, что как деление сложившихся в вузе коллективов, так и образование новых всегда вызывает определенные напряжения и некоторое недовольство работников. Не обошлось без этого и на вновь созданных кафедрах.

Г.П. Давидюк, активно занимавшийся в Академии наук БССР исследованиями социологического плана, перенес это увлечение и на кафедру. Он стал формировать группы студентов и преподавателей, интересующихся прикладными социологическими исследованиями. Вскоре это имело свои положительные результаты: на историческом факультете была учреждена специализация по прикладной социологии, на кафедре сформировалась хоздоговорная группа социологов-прикладников. Втянут в эту работу был и я. Одним словом, кафедра взяла резкий крен в сторону социологии. Но оставалась и другая задача – готовить профессиональных философов. Приверженцы этого направления укрепили свои позиции особенно после прихода на кафедру В.С. Стёпина. Так на кафедре образовалось два центра влияния и разных творческих интересов, что не могло не привести к конфликту, в котором в очередной раз пришлось поучаствовать и мне. Мое положение было особенно сложным, так как я был в одинаково хороших отношениях со всеми противоборствующими сторонами. В итоге Г.П. Давидюку пришлось уйти с кафедры, а заведующим был назначен В.С. Стёпин. История, описанная И. Грековой, в какой-то мере напоминает ту, что происходила у нас. Разница в том, что в книге описывается конфликт карьерного плана, а здесь столкнулись интересы двух лидеров, по-разному оценивающих престиж своих научных интересов, научные и философские приоритеты. Разрешение конфликта не обошлось без вмешательства вышестоящих административных организаций, отнюдь не по правилам теоретиков конфликта.

С утверждением В.С. Стёпина в должности заведующего кафедра резко начала набирать очки в качестве нового философского центра БГУ и страны в целом. Стали появляться серьезные научные публикации, подготовленные совместно с ведущими специалистами Москвы и Ленинграда, было защищено большое количество кандидатских и докторских диссертаций. Именно в этот период (1985) я защитил докторскую диссертацию на тему «Методологические проблемы формирования научного факта» (консультантом был назначен В.С. Стёпин, оппонентами – профессора А.Ф. Зотов, М.В. Попович и В.Ф. Берков).

Эти достижения имели как положительные, так и отрицательные последствия. Положительным было то, что успехи кафедры были замечены и соответственно отмечены. Заведующий кафедрой был награжден орденом «Дружба народов». Однако потом, приняв предложение возглавить Институт истории естествознания и техники АН СССР, В.С. Стёпин переехал в Москву, а затем стал директором Института философии РАН. Происходили изменения и в БГУ. Бывшие члены кафедры распределились по другим университетским структурам: А.А. Михайлов возглавил кафедру истории философии и логики, меня назначили заведующим кафедрой марксистско-ленинской философии естественных факультетов, а кафедру философии гуманитарных факультетов возглавил А.И. Зеленков. Так и распался мощный центр философского образования. Но перестройка набирала силы, внося новые коррективы в организацию общественной жизни, в том числе и в реорганизацию системы высшего образования.

Итогом всех этих преобразований стало открытие в университете нового факультета (философско-экономического) и кафедры социологии, которые Вы возглавили. Как это в университете быть руководителем? С кого Вы брали пример в своей деятельности? Были ли у Вас ошибки, и если «да», то как Вы их преодолевали?

Особенностью первого этапа перестройки явилось то, что давление вертикали административного управления было несколько ослаблено, решения принимались быстро и на местах безо всякой волокиты, без вмешательства вышестоящих органов. После того как было принято решение об открытии нового факультета и кафедры социологии, меня просто вызвали в ректорат,

а затем в партком, и через несколько дней был отдан приказ о моем назначении на должность декана и заведующего кафедрой. Полагаю, что это решение не обошлось без рекомендаций В.С. Стёпина и А.А. Михайлова, мнение которых весьма высоко ценилось в университете, но я об этом могу только догадываться.

Не скрою, что это назначение для меня было несколько неожиданным и приятным, хотя я и понимал, что создание нового факультета и совершенно новой для университета кафедры – дело не простое. Никакой материальной базы под это не отводилось, нам просто выделили одну небольшую аудиторию в корпусе химического факультета, которую мне вместе с моим заместителем А.М. Бобром пришлось переоборудовать под помещение деканата и кафедры. Но, так или иначе, летом 1989 г. был проведен набор на новый факультет, куда входили три отделения: философии, политэкономии и социологии, и с сентября факультет начал отсчет своей истории, претерпев за это время и ряд преобразований.

Откровенно говоря, я не боялся ответственных поручений, так как вся моя сознательная жизнь (от школы до кафедры) была связана с выполнением тех или иных руководящих функций. Передо мной был хорошо усвоенный пример предшествующих руководителей, умение хорошо разбираться в конфликтных ситуациях, природное чувство «мягкого» решения административных вопросов, умение подбирать кадры не по принципу знакомства и угодничества, а по деловой значимости. Все это, как я полагаю, позволило в короткий срок создать хорошо работающий коллектив преподавателей и студентов, который с успехом продолжает эту работу и в настоящее время. Конечно, я не могу не упомянуть и то положительное воздействие, которое оказал на меня В.С. Стёпин, с которым меня связывали долгие годы дружбы и совместной работы.

Что касается ошибок, то в микросоциальном процессе, как мне кажется, я их не допускал. В более отдаленной перспективе я их не всегда просчитывал, поэтому не всегда удачно выстраивал свои отношения с теми людьми, которые спустя некоторое время становились моими начальниками.

Вы были активным участником институционализации социологии в Беларуси, стояли у истоков создания отделения социологии и первой в Беларуси кафедры социологии, которую возглавляли 14 лет. Расскажите, как происходил этот процесс, как все это было в действительности? И все же философия или социология, насколько для Вас актуален этот вопрос? Как Вы проводите свое свободное время, что Вас интересует и увлекает сегодня?

По вопросу об институционализации социологии в Беларуси уже создана соответствующая научная литература, поэтому хотелось бы остановиться лишь на том, как этот процесс преломлялся в моей личной деятельности, в сущности, ответить на вопрос о том, как я оказался втянутым в сферу научной социологии. Здесь опять же сказываются судьбоносные повороты в моей жизни. Как я уже отмечал, интерес к философии у меня возник еще в студенческие годы и закрепился в моих диссертациях и работе на кафедрах философии. Но в рамках философии я отдавал предпочтение вопросам истории и методологии научного, в том числе и социального, познания (что видно из названий моих диссертаций). Тут уже сказывается определенная стыковка между философией и социологией. Работая на кафедрах философии, где в советское время существовало разделение труда между «диаматчиками» и «истматчиками», я одним из первых стал читать общие курсы по диамату и истмату. Исторический материализм долгое время в нашей стране рассматривался как проявление подлинно социологического знания или как теоретическая основа социологического знания. Так что и в этом случае я был не далек от социологии. Наконец, поступив на кафедру

философии гуманитарных факультетов БГУ, которую возглавлял Г.П. Давидюк, я оказался втянутым и в сферу прикладных социологических исследований. Вот так во мне соединились интересы историка, философа и социолога, а объединяющим моментом был интерес к методологическим проблемам научного познания.

Что касается первых этапов работы факультета, отделения социологии и кафедры, то здесь приходилось многое осваивать заново. Если отделения философии и политэкономии продолжали работать по ранее созданным планам, то работу отделения социологии, несмотря на теоретико-методологический фундамент, заложенный Г.П. Давидюком и его учениками, приходилось начинать с «чистого листа». В эту работу входило: составление учебных планов, подбор и подготовка дидактических материалов, обеспечение курсов соответствующими специалистами, составление программ курсов, экзаменационных вопросов, организация практик и многое, многое другое. В сущности, эта работа осуществлялась все пять лет, пока студенты первого набора приближались к своему выпуску. По мере увеличения этой работы расширялся и штат работников кафедры, подготавливались соответствующие дидактические материалы. Именно в этот период вышли первые учебные пособия по общему курсу социологии и по истории социологии, подготовленные совместно специалистами кафедры и Института социологии НАН Беларуси. В подготовке этих изданий мне пришлось принимать участие в качестве автора и ответственного редактора.

Расширялся и объем работы факультета. Сейчас мало кто знает, что после переезда факультета в здание бывшей Высшей партийной школы (по ул. К. Маркса) в его состав вошло отделение политологии (состоящее из бывших слушателей ВПШ) и первый выпуск политологов университета состоялся на нашем факультете. В состав факультета входила и кафедра политологии. Правда, через некоторое время отделение политологии и курирующая кафедра по решению ректората были переведены на юридический факультет, где и существуют до сих пор. Кроме этого, на факультете были открыты два новых отделения – психологии и социальной коммуникации – с соответствующими выпускающими кафедрами.

После того как от факультета отпочковалось отделение экономики и был создан самостоятельный экономический факультет (1999), наш факультет получил новое название – факультет философии и социальных наук. В настоящее время его возглавляет также социолог – профессор А.В. Рубанов.

Если говорить о своих увлечениях, то можно отметить, что их у меня на уровне хобби не было и нет. Раньше я увлекался греблей на байдарке, велосипедом, лыжами, шахматами. Сейчас в основном совершаю пешие прогулки. К творческим проявлениям можно отнести увлечение афоризмами, которые я собираю и пишу сам. В настоящее время у меня опубликован сборник афоризмов и стихов.

Альберт Николаевич, Вы постоянно погружены в творческий процесс, много работаете на кафедре, факультете, сотрудничаете с другими вузами и исследовательскими структурами, помогаете молодым ученым и преподавателям овладеть профессией, руководите аспирантами, дипломниками, участвуете в научной и общественной жизни нашего университета. Что в этой связи Вы могли бы сказать о современном состоянии белорусской социологии?

Во-первых, необходимо указать на экстенсивный рост социологии в Беларуси. Когда открылось отделение социологии в БГУ, то набор составлял 15–20 человек. В настоящее время число принимаемых на это отделение значительно возросло, особенно за счет платных мест. Кроме этого, открылись подобные отделения в других вузах страны.

Во-вторых, большое значение имеет создание Института социологии НАН Беларуси, где работают высокопрофессиональные кадры, в том числе и выпускники нашего отделения.

Кроме экстенсивного роста, большое значение имеет и качественное развитие белорусской социологии. Это проявляется и в улучшении подготовки студентов, и в повышении профессионального уровня молодых специалистов, и в расширении творческих контактов с социологами других стран. Можно констатировать постоянный рост педагогического мастерства наших преподавателей и развитие их научно-исследовательского потенциала. Все это свидетельствует о том, что пришло время говорить о белорусской социологии как о самостоятельной научной школе, имеющей определенное международное значение.

Альберт Николаевич, наше интервью проходит накануне Вашего 75-летия и празднования 90-летия Белорусского государственного университета, который сыграл большую роль в Вашей судьбе, что бы Вы могли сказать в заключение нашего разговора?

Да, с университетом связана вся моя жизнь. Он дал мне путевку в будущее. Здесь я сумел реализовать свои возможности творческого роста, пройдя все ступени от студента до преподавателя и от преподавателя до декана и заведующего кафедрой, поэтому я благодарен университету. Хотел бы пожелать всему коллективу Белорусского государственного университета дальнейших творческих успехов в деле подготовки национальных кадров белорусской интеллигенции и больших научных достижений. Особо хотелось бы поздравить коллектив факультета философии и социальных наук, а также сотрудников кафедры социологии со знаменательной датой в истории университета и пожелать им новых достижений в профессиональной деятельности.

А.Н. ЕЛСУКОВ,
ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МИНСК)

СОЦИОЛОГИЯ В ТЕНИ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРЕДРАССУДКОВ

Рассматривается природа теоретических построений в социологии под углом зрения сочетания в них объективных и субъективных, истинных и предрассудочных элементов. Показывается, как конкретно проявляется сочетание этих гносеологических элементов в работах классиков западной теоретической мысли.

The nature of theoretic constructions in sociology is considered from the viewpoint of objective and subjective, true and prejudiced elements as combined in the first. The author shows how the combination of these gnosiological elements is manifested in the works of classics of Western theoretic thought.

Как известно, мир представляет собой противоречивое единство. Наиболее противоречивым явлением в мире является само сознание. Разум человека, устремляясь к истине, зачастую становится творцом различного рода ошибок, предрассудков и заблуждений. Сознание не только отражает мир, раскрывая объективные законы его существования, но и творит его, формируя ментальные картины этого мира, которые далеки от действительности, но в истинность которых люди почему-то верят. Как отмечал уже Платон, заблуждения «есть не что иное, как отклонение мысли, когда душа стремится к истине, но проносится мимо понимания»[1].

С момента зарождения философии мыслителей разных времен интересовал вопрос о том, в какой степени человек может объективно и точно познавать окружающую действительность, возможно ли вообще истинное познание мира. За многовековую историю развития человеческого духа нако-

пилось множество теорий и концепций, авторы которых стремились разгадать тайны человеческого сознания, природу его отражательных и конструктивных способностей, а также психологические основы веры в истинность существующих ментальных построений.

Диапазон этих концепций простирался от жесткого объективизма до весьма расплывчатых суждений иррационализма, субъективизма и агностицизма. Софистической мудрости индивидуализма всегда противостояли попытки доказать и обосновать возможность получения абсолютного знания. Истоки этого доказательства шли то от бога, то от абсолютных идей, то от законов природы и целого ряда других постулатов.

Стремясь преодолеть засилье софистической мудрости, отрицавшей возможность объективно-истинного познания, Платону пришлось сконструировать свой идеальный мир как некий склад абсолютных истин, наличие которых вселяло уверенность в возможность истинного познания. Декарту, склонявшемуся к тому, что все можно подвергнуть сомнению, даже факт собственного существования, пришлось сконструировать принцип «врожденных идей», определявших возможности истинного познания. Во всем своем величии предстала противоречивая природа познания перед гением Гегеля, которому пришлось расчленять дух на абсолютный, объективный и субъективный, чтобы затем согласовать эти части друг с другом и тем самым вновь обосновать возможность истинного познания. Для этого понадобилось рассматривать истину не как некий застывший результат познания, а как постоянный процесс приближения знания к изучаемому объекту, как движение человеческой мысли от абстрактного к конкретному с использованием приемов исторического и логического мышления. А Ф. Бэкону в свое время пришлось создать целую теорию «идолов», раскрывавшую причины, приводящие человеческий разум в тупики заблуждений.

Парадоксальным является то, что даже в этих весьма позитивных с точки зрения обоснования возможности истинного познания концепциях позитивное доказывалось с помощью предрассудочных допущений. Поэтому, несмотря на столь громкие имена адептов истинного познания, им противостояли авторы пессимистических концепций, которые стремились убедить и себя, и всех остальных в наличии непреодолимых препятствий, ограничивающих возможности человеческого познания. Убедить людей в том, что знание (в том числе и научное) не есть отражение мира, а, скорее всего, есть плод искусственного его конструирования. Тем самым позитивная идея конструирования как важного проявления сознательной деятельности человека (в чем сейчас никто не сомневается) теряла свой смысл, потому что отделялась и противопоставлялась отражению и тем самым превращалась в предрассудочный элемент методологии научного познания.

Исходя из этих соображений, можно понять, почему все предшествующие теории природного и социального бытия чаще всего воспринимались как предрассудки и заблуждения и подвергались достаточно суровой критике. При этом, чем сложнее оказывался объект познания, тем в большей степени проявляли себя негативные признаки познавательной деятельности. Наиболее сложным объектом познания является, безусловно, общество, законы его функционирования и развития. Что такое человек, общество, культура, цивилизация, процессы их функционирования и развития – эти и многие подобные вопросы постоянно интересовали мыслителей разных времен. И именно в этой области крупицы истинного знания постоянно обрастали весьма впечатляющими нагромождениями предрассудочных суждений и концепций, которые всегда вызывали критику последующих поколений исследователей. Но удивительно то, что, подвергая критике предшествующие теоретические концепции, эти поколения исследователей не замечали, что становились авторами новых предрассудков и заблуждений. Если в естествознании ученый четко отделяет предположение (гипотезу) от

теории, надеясь в будущем подтвердить эту гипотезу или опровергнуть с помощью фактов, то в области общественных наук любое мнение тут же нарекается теорией, концепцией, учением или еще чем-либо в этом роде, что, однако, не соответствует истине и дает повод для постоянной критики всех предшествующих социальных теорий.

Именно с такой критики всей предшествующей философии начинает выстраивать свою концепцию Огюст Конт, признанный основоположник позитивизма и социологии. С точки зрения Конта, ни одна философская теория не смогла раскрыть подлинную природу общества, поэтому все они должны быть отброшены. Принципиальная новизна этого учения связывается им с достаточно тривиальным и широко используемым понятием «позитивизм», которое было возведено в ранг нового философского принципа. С позиции этого принципа пересматривается природа философского, научного и социального познания, природа политики и религии. Идеалом истинного (позитивного) познания, с точки зрения Конта, выступают образцы естественнонаучного познания, поэтому наука об обществе также должна следовать этим образцам. Для того чтобы подчеркнуть эту связь и родство всех позитивных наук, Конт включает социальную физику (так первоначально он попытался обозначать новую науку об обществе) в общий ряд научного знания. Более того, эта наука, с его точки зрения, представляет собой вершину всего теоретического знания. Вот такие идеи о необходимости создания позитивной науки об обществе и являются той положительной частью контовского учения, которое предопределило его место среди корифеев и основоположников социологии (в данном случае не следует забывать, что свои идеи о новой науке об обществе Конт сформулировал еще до того, как появились работы Спенсера и Маркса). А все то, что касается его учения о структуре общества и его функционировании (о статике и динамике), либо повторяет то, что уже было хорошо известно науке (нетрудно здесь обнаружить отголоски идей Аристотеля, Вико и Сен-Симона), либо конструирует свое мнение о пролетариате, государстве и религии, которое больше напоминает утопические идеи и домыслы, чем строгие научные построения. Таким образом, и в творчестве Конта органично переплетаются элементы как позитивных идей, так и предрассудочных построений.

Такое сочетание легко обнаруживается в социологических теориях последующих периодов. Биологизм, органицизм, структурализм, функционализм и многое другое – далеко не полный перечень вариантов такого совмещения. Особая роль здесь принадлежит парадигме психологизма, в которой объективное знание буквально тонет в море домыслов и квазинаучных предположений. Эта противоречивая сущность психологизма проявляется в том, что при изучении психических явлений наука сталкивается с такой ситуацией, когда большая часть изучаемых явлений как бы ускользает от непосредственного наблюдения, поэтому при построении психологических объяснений социальных явлений открывается перспектива для появления различного рода предрассудочных допущений. Но дело даже не в наличии таких допущений, а в том, что за ними скрывается едва уловимое стремление идеологического характера, в частности, желание авторов социологических теорий объяснить поведение широких народных масс как проявление чисто инстинктивной (импульсивной) деятельности, а разумные основы социальной деятельности всецело приписать (явно или неявно) так называемой элитарной части общества. Получается, что элита и народ оказываются на разных сторонах общественного развития: одни определяют порядок и прогресс, а другие – буйство слепых сил и разрушения. На одной стороне – разум, а на другой – всего лишь чувства, эмоции и инстинкты. Такое распределение психологических аргументов при объяснении специфики человеческой деятельности вряд ли можно назвать строго научным, хотя стиль науки широко используется для внешнего камуфляжа и придания по-

добным теориям облика научной респектабельности. Псевдонаучные построения маскируются под вполне научные рассуждения о необходимости объективного познания. Методологическая часть позитивизма становится той рекламной упаковкой, которая помогает продвинуть в общественное сознание разного рода домыслы и, может быть, остроумные, но далекие от истинного положения дел теоретические построения. Поэтому при изучении природы общества, законов его функционирования и развития разум часто уступает свое место фантазии.

Для примера можно сослаться на теорию подражания и толпы Тарда, теорию элиты и толпы Лебона, теорию инстинктивного действия Макдуголла, не говоря уже о психоаналитической концепции Фрейда, которую он сам и его последователи попытались перенести с объяснения поведения людей, страдающих психической патологией, на обычных людей (включая гениев) и даже на все человечество в целом.

О наличии предрассудочных элементов в структуре социологических теорий говорит еще и тот факт, что особенности социальных явлений иногда раскрываются некоторыми авторами на основе весьма сомнительных аналогий. Такими аналогиями могут выступать игры детей, поведение людей в психлечебницах, особенности мира заключенных в пенитенциарных учреждениях, театрально-драматургические ситуации или некий базарный уровень повседневной жизни, объект которого вообще ускользает от научного наблюдения, но зато о нем можно высказывать множество самых различных мнений.

Стремясь преодолеть засилье психологизма в социологических концепциях с его явными предрассудками, выстраивает свою теорию устройства общества и специфики его познания Э. Дюркгейм (в данном случае мы придерживаемся не столько хронологии, сколько отдаем предпочтение логическому подходу, поэтому временной порядок рассмотрения теорий здесь несколько нарушен). Исходным положением его теории является достаточно простое допущение – природа социального должна объясняться социальными же явлениями, а не географическими, биологическими, психологическими или даже экономическими факторами. Будучи приверженцем позитивистской методологии, Дюркгейм одновременно выступает и как классический выразитель просветительско-модернистской эпистемологии, демонстрируя свою веру во всесилие человеческого разума, и как верный защитник сложившихся экономических отношений. Он верит в возможность объективного (истинного) познания социальной действительности, в возможность построения научной социологии, которая должна лечить это общество от социальных болезней, но не уничтожать его. Для этого, с его точки зрения, необходимо: во-первых, более строго обозначить объект социологии; во-вторых, определить приемы и методы социологического исследования; в-третьих, очистить социологию от уже накопившихся псевдонаучных построений, которые проистекают от неверного употребления понятий. Можно сказать, что в творчестве Дюркгейма позитивизм поднимается до уровня своего классического воплощения, но и здесь не обошлось без умозрительных допущений.

Первая задача решается Дюркгеймом за счет более глубокой логической проработки понятия социального факта. В его интерпретации этого понятия сливаются два важных смысла. Во-первых, уточняется понятие социального как некоего связующего элемента, объединяющего отдельных людей в целостные коллективные образования, в качестве которого выступает понятие солидарности. Во-вторых, факт понимается как нечто такое, что существует объективно, независимо от индивидуального сознания, и, более того, воздействует на него. «Верующий, – пишет Дюркгейм, – при рождении своем находит уже готовыми верования и обряды своей религии; если они существовали до него, то, значит, они существуют вне его. Система знаков,

которыми я пользуюсь для выражения своих мыслей, денежная система, употребляемая мною для уплаты долгов, орудия кредита… обычаи, соблюдаемые в моей профессии, и т. д. – все это функционирует независимо от того употребления, которое я из них делаю… Следовательно, эти способы мышления, деятельности и чувствования обладают тем замечательным свойством, что существуют вне индивидуальных сознаний… и наделены принудительной силой»[2].

Таким образом, социальный факт, с точки зрения Дюркгейма, представляет собой некое социальное явление, существующее как культурный феномен, принуждающий человека поступать в соответствии со своими правилами. В данном случае перед нами типично объективистское истолкование предмета социологического познания, получившее в методологии название социального реализма. Такое понятие факта вполне соответствует канонам естественнонаучного познания. Но вряд ли его безо всяких оговорок можно переносить на социальную действительность. Дело в том, что культурные феномены начинают работать только в том случае, если они становятся частью индивидуального сознания, проходят процесс интериоризации. В противном случае они так и остаются чем-то вроде незадействованного коллективного опыта, никак не проявляя своей «принудительной силы». Иначе говоря, общее правило может работать только тогда, когда оно становится достоянием индивидуальной психики человека, его сознания. Без этого все, что существует в культуре, будет мертвой информацией, как, например, мертвые языки. Книга в библиотеке также представляет собой пример мертвой информации. Эта информация оживает лишь тогда, когда соединяется с сознанием человека. Да, общество можно представить состоящим из какой-то части людей, еще не постигших основ социального бытия, – это дети. Но взрослые люди как раз и являются живым воплощением всех социальных норм и правил поведения. Сказать, что религия существует отдельно от людей (предположим, как Священное писание), означает некое искусственное определение культуры, а вместе с ней и природы социального. Поэтому не все, что существует в культуре, обязательно имеет принудительную силу, хотя и существует как социально-исторический факт. Тем самым перед нами типичный пример сочетания объективного и надуманного, стремления обосновать с помощью естественнонаучных аналогий положительный (объективный) смысл социальных фактов и в то же время проповедь их независимости от индивидуального сознания, что явно искажает природу социального и дает повод для достаточно резкой критики дюркгеймовского учения, так как общественное и индивидуальное полностью отделяются друг от друга.

С тем чтобы убедиться в подобном сочетании разных элементов ментального характера, обратимся к самому Дюркгейму. Социальные факты, по его мнению, «составляют способы мышления, деятельности и чувствования, находящиеся вне индивида и наделенные принудительной силой, вследствие которой они ему навязываются. Поэтому их нельзя смешивать ни с органическими явлениями, так как они состоят из представлений и действий, ни с явлениями психическими, существующими лишь в индивидуальном сознании и через его пространство. Они составляют, следовательно, новый вид, и им-то и должно быть присвоено название *социальных*… не имея своим субстратом индивида, они не могут иметь другого субстрата, кроме общества»[3].

Итак, получается довольно странная картина. Есть мышление, чувствование и деятельность, но они не присущи индивиду. Если согласиться с этой мыслью, то можно допустить, что они не присущи мне, моим близким и даже самому Дюркгейму. Но тогда возникает вопрос, кому же в обществе они принадлежат, если никому из индивидов не принадлежат, получается явный абсурд. Но этот абсурд весьма пафосно объявляется как последнее

слово науки, что следует из заключительной части приведенной цитаты. Стремление преодолеть абсурдность этого утверждения (которое строилось с весьма благородной целью – доказать объективный смысл социологического исследования) и послужило поводом для продуцирования множества теорий микроструктурного и номиналистического характера, приверженцы которых довольно остро критиковали дюркгеймовскую позицию.

Второй аспект анализа специфики социологического познания связывался Дюркгеймом с необходимостью раскрытия природы социологического объяснения. В этом вопросе Дюркгейм формулирует тезис о том, что социальные факты должны объясняться социальными же фактами, а само объяснение строиться по аналогии с естественнонаучным объяснением. Отталкиваясь от идеалов такого объяснения, Дюркгейм считает, что и социологическое объяснение имеет в основном причинный характер. По этому поводу он пишет: «Так как закон причинности признан для других областей природного царства и признание его господства постепенно расширялось, распространялось от мира явлений физико-химических на явления биологические, от последних – на мир явлений психических, то мы вправе допустить, что он также верен и для мира социального»[4].

Казалось бы, вполне позитивный тезис, но он дополняется следующим методологическим положением: «Социальный факт можно объяснить только другим социальным фактом»[5]. Скорее всего, имеется в виду родственным социальным фактом, но в таком случае можно прийти к несколько абсурдным утверждениям о том, что, например, религию можно объяснить, исходя из религии же; мораль – исходя из самой морали; обычаи – из обычаев и т. д. Получается какой-то замкнутый круг, состоящий из одних тавтологий. Кроме того, из теории вообще выпадает роль человека, все задается общественными структурами, которые как-то сами по себе возникают, развиваются и принудительно воздействуют на человека. Социальное в данном случае оказалось отделенным от индивидуально-человеческого. Таким образом, социальное, стерилизованное от индивидуального и от других социальных явлений, утрачивает свой научный смысл, приобретая форму теоретического предрассудка. В этом плане нельзя не согласиться с Г. Осиповым, который пишет: «Не какие-то мистические социальные силы и социальные демиурги, выступающие в виде безличностных систем, а сами люди творят свою историю, опираясь при этом на свое сознание и волю, которые в равной степени могут выступать как в научной, так и в мифологической форме»[6].

Третья задача, о которой говорит Дюркгейм, также имеет свой положительный смысл, обремененный некоторыми домыслами. Мыслитель пытается ответить на вопрос о том, что создает препятствия на пути истинного познания в социологии, что искажает его природу. С точки зрения Дюркгейма, причиной такого искажения служит то, что в ряде случаев социолог рассуждает не по поводу вещей (т. е. социальных фактов), а по поводу разного рода понятий, идей, философских принципов и т. д., поэтому социологию необходимо самым решительным образом отделить от философии. «Так как социология возникла из великих философских доктрин, – пишет он, – то она сохранила привычку опираться на какую-нибудь систему, с которой она, таким образом, оказывается связанной. Поэтому она была последовательно позитивистской, эволюционистской, спиритуалистской, тогда как она должна довольствоваться тем, чтобы быть просто социологией»[7]. В этой связи он вновь напоминает свой основной тезис: «Чтобы социология была действительно наукой о вещах, нужно, чтобы всеобщий характер явлений был принят за критерий их нормальности»[8]. Парадоксальность этих утверждений состоит в том, что, стремясь обосновать объективный характер социологического познания, Дюркгейм впадает в другую крайность, полностью отделяя социологию от философии, постулируя миф о некоей философской

нейтральности социологии, хотя и признает их генетическое родство. Не замечает он и того, что его собственные рассуждения также имеют философский смысл.

Философский акцент социологических исследований не удовлетворяет Дюркгейма потому, что он, по его мнению, уводит мысль исследователя от реальных вещей к анализу абстрактных понятий и тем самым лишает социологию признаков научности. По этому поводу он пишет: «Вместо того чтобы наблюдать вещи, описывать и сравнивать их, мы довольствуемся тем, что проясняем наши идеи, анализируем и комбинируем их. Науку о реальности мы подменяем анализом понятий… Эти понятия… походят на покрывало, находящееся между нами и вещами и скрывающее их от нас тем лучше, чем прозрачнее оно нам кажется»[9].

Этот тезис впоследствии будет повторяться в творчестве Парето и станет основой ряда лингвистических концепций анализа научного знания и социологии знания. Здесь же мы укажем на его идеологическую подоплеку, так как в качестве «запутывающих» сознание социолога понятий Дюркгейм называет такие из них, которые имеют сугубо политический смысл. В частности, он пишет: «При нынешнем состоянии наших знаний мы не знаем достоверно, что такое государство, суверенитет, политическая свобода, демократия, социализм, коммунизм и т. д.»[10]. Как говорится, идеологическая составляющая здесь вполне очевидна и она становится еще более явной в следующем высказывании. С точки зрения Дюркгейма, необходимо, «чтобы социолог, и определяя предмет своих изысканий, и в ходе своих доказательств, категорически отказался от употребления таких понятий, которые образовались вне науки, для потребностей, не имеющих ничего общего с наукой. Нужно, чтобы он освободился от этих ложных очевидностей, которые тяготеют над умом толпы, чтобы он поколебал раз и навсегда иго эмпирических категорий, которое привычка часто делает тираническим»[11].

«Ложные очевидности» – это и есть тот набор понятий, которыми люди пользуются в своей повседневности. Именно этот набор определяет их отношение к миру, понимание этого мира и его ментальное освоение. Если отбросить эти понятия, то тогда вообще пропадает ощущение осмысленного отношения людей к миру. Да и сами «социальные факты» не могут существовать, не будучи выраженными в языке. Все они (религия, мораль, обычаи, традиции и т. д.) объективно существуют не только как действия, но и как элементы духовной культуры, которые немыслимы без языкового оформления. Поэтому дюркгеймовский пафос объективности социального познания утрачивает свой смысл, ибо обращается при этом к самому же научному познанию. Получается, что ученый, отбросив популярные понятия, должен сам формировать свой язык, комбинировать на его основе «социальные факты», а затем эти же факты еще и анализировать. Все это иначе как теоретическим предрассудком никак не назовешь. Парадоксальным, однако, является то, что порой из подобных предрассудков рождаются новые направления научной и философской мысли. Так случилось и с отмеченной позицией Дюркгейма. Его идеи о языке научного познания совместно с идеями лингвистического творчества Соссюра послужили основой так называемого *лингвистического поворота* в методологии научного исследования, породив множество новых течений в философии и современной социологии.

Параллельно с идеями французских философов и социологов развивалась творческая мысль в рамках германской традиции, которая как раз пошла по тому пути, от которого предостерегал Дюркгейм, а именно по пути анализа общих понятий.

В духе германской духовной традиции (сформированной основоположниками немецкой классической философии) немецкие представители теоретической социологии явно отдавали предпочтение анализу понятий, пси-

хологии (а не логике) научно-познавательной деятельности. Концепции Зиммеля, Тенниса и Вебера составили мощный пласт новых теоретико-методологических построений в социологии, в которых также обнаруживается причудливое сочетание позитивных моментов с явно надуманными положениями. Это сочетание особенно зримо проявляется в их попытках определить ключевые понятия социологии и социальной философии, каковыми являются понятия общества, культуры, цивилизации, социальности, человека, личности, солидарности и т. д. Их идеи воплотились в концепциях формальной и понимающей социологии, идеальных типов и социального действия, которые, став классическими, тем не менее не избежали своей порции критики из-за имеющихся в их структурах предрассудочных элементов. В данном случае приходится сталкиваться с предрассудками иного порядка. У немецких классиков они воплощаются в том, что основные понятия социологии истолковываются столь многозначно и неопределенно, что утрачивают свой первоначальный смысл. Ясность мысли здесь подменяется весьма расплывчатыми рассуждениями о структуре общества. Этот факт столь очевиден, что на него указывают многие западные исследователи. Так, К. Брукмайер, оценивая основное произведение Тенниса «Общность (община) и общество», пишет: «Теннис непосредственно подготовил почву для аналитической социологии, социологии социального действия и понимающей социологии… Но Теннис оставил в наследство социологам также и загадку толкования своей дихотомии. “Общность” не является чисто аналитическим понятием социологии и в трактовке Тенниса носит многозначный и неопределенный характер»[12]. Вот эта неопределенность становится общей чертой многих теоретических построений после Тенниса и в целом немецких социологов, в какой-то мере превратившись в то «покрывало», о котором упоминал Дюркгейм.

Так или иначе, социология к началу XX в. обрела довольно солидный багаж теоретических построений, который сам становится предметом методологического анализа. Особое значение в этом плане имеет творчество В. Парето, который в качестве социальных фактов (в рамках своего творчества) стал рассматривать именно социологические теории. Его творчество вполне можно определить как процесс рефлексии социологии, как процесс ее самокритики, которая помогает установить амбивалентный характер многих социально-теоретических построений, сочетание в них как позитивных, так и предрассудочных элементов.

С целью более глубокого анализа познавательных актов и их результатов Парето вводит в структуру своих методологических размышлений такие понятия, как «логическое» и «нелогическое» действие, «логико-экспериментальные» и «не логико-экспериментальные» науки (теории, учения и т. д.), «остаток», «деривация» и др. В сущности, он стремится провести более строгую демаркационную линию между наукой и другими формами интеллектуальной деятельности человека (мифами, теологическими и метафизическими системами). Научным он называет только то знание, которое опирается на факты и экспериментальные приемы исследования, все остальное выносится за скобки этого знания. Социология, с его точки зрения, также еще пока не является наукой, так как не имеет своей четко обозначенной логико-экспериментальной базы. «В химии, – пишет он, – исследование шло от некоторых гипотез к объяснению химических фактов, чтобы предвидеть еще неизвестные факты, которые затем верифицировались опытом. Такое движение характерно для всех научных теорий»[13].

Однако в науке (особенно социальной) очень часто приходится сталкиваться с такой ситуацией, когда изучение фактов подменяется анализом различных понятий, а это уводит далеко от истинного положения дел. С точки зрения Парето, «при обращении к социальным темам люди обычно используют слова из обыденного языка, что отдаляет их от логико-

экспериментальной области»[14]. Если изучение фактов подменяется изучением языка, то ученый формирует не столько знание, сколько псевдознание (деривацию), которое вуалирует истинное положение дел. В этой связи Парето пишет: «Язык отражает внешние факты в лучшем случае как плохая фотография, а в худшем – как очень плохая или никудышная фотография. Кто рассуждает об именах, тот подобен тому, кто по таким фотографиям хотел бы получить точное знание об изображенных на них вещах»[15].

Основной недостаток всей предшествующей социологии как раз и состоит, по Парето, в том, что она вместо изучения фактов занималась разбором их словесных заместителей. Упрекается старая социология и в недооценке таких приемов познания, как анализ и синтез. Так, он полагает, что «необходимость при изучении различных сторон конкретного явления стадии анализа, за которой следует стадия синтеза и возврат от теории к конкретному факту, вполне осознана в науках естественных, но во многом еще не понята в области социальных наук»[16]. Для превращения социологии в науку необходимо разработать новую методологию, которая перевела бы ее из области досужих бытовых рассуждений на рельсы логико-экспериментальных построений. Этот перевод Парето напрямую связывает со своей концепцией социологического познания. «Мы приходим к выводу, – пишет он, – что слова и выражения обыденного языка чаще всего не поддаются строгой классификации. Химия, физика, механика и другие близкие к ним науки строились не путем изучения выражений обыденного языка и их классификации, но благодаря изучению и классификации фактов. Мы постараемся сделать то же самое в социологии»[17].

Нетрудно заметить, что в этих критических замечаниях, построенных на основных принципах позитивистской методологии, содержится рациональное зерно учения Парето. Более того, в нем намечаются уже те идеи, которые затем получат свое дальнейшее развитие в методологических разработках неопозитивизма, – идея верификации, подробно разработанная представителями Венского кружка, и идея фальсификации, получившая более широкое логическое обоснование в творчестве К. Поппера. Что же касается той части его учения, в которой он анализирует структуру общества и роль элиты в его развитии, то здесь в полном объеме проявляется его собственное социальное мифотворчество, ибо все сводится к некоему калейдоскопу чувств, остатков и дериваций. Вот, например, как он определяет этот процесс: «В целом общество существует благодаря тому, что у большинства людей, входящих в их состав, живы и сильны чувства, соответствующие остаткам социальности… Но в то же время есть и индивиды, у которых хотя бы часть этих чувств ослабевает и может даже исчезнуть. Отсюда следует два очень существенных и на первый взгляд противоположных эффекта: один угрожает распадом общества, тогда как другой обеспечивает подъем уровня его цивилизованности»[18]. К этому, как говорится, добавить нечего. Вся история развития общества и цивилизации сведена к чисто ментальным структурам, что вряд ли можно назвать серьезным научным аргументом.

К сожалению, приходится констатировать тот факт, что последующее развитие теоретической социологии пошло по тому пути, от которого предостерегал исследователей Парето, т. е. по пути анализа чисто языковых форм, описывающих структуру, функционирование и изменение общества. При этом существенно меняется набор самих понятий. Из лексикона современных теоретиков выпали даже такие слова, как «эволюция», «развитие», «прогресс», зато доминируют понятия повседневности, интеракции, обмена, микроконфликта, изменения, структуры и т. д., которые позволяют до бесконечности умножать социальное мифотворчество.

Особую роль в этом деле играют представители постструктурализма и постмодернизма, которые обрушились с критикой на рационалистические

традиции представителей просветительского модернизма, превратив социологию в разновидность литературного творчества. И если Дюркгейм и Парето старались очистить социологию от искажающих реальность теоретических вуалей, то современные модернисты осознанно их продуцируют. Складывается такое впечатление, что современные теоретики не столько рассеивают туман искусственных теоретических построений, сколько сознательно сгущают его, используя для этой цели вполне научные термины – такие как «система», «структура», «функция» и им подобные, но наполняют их новым содержанием и новой терминологией. Используются, например, такие термины, как «хабитус», «фрейм», «структурация», «аутопоейсис» и т. д., которые для простого читателя непонятны, а для специалистов небесспорны. Получается, что современная теоретическая социология не столько сближается с жизнью и раскрывает ее общий портрет, сколько как бы парит над нею, продуцируя все новые и новые авторские картины социальной реальности. Она замыкается в своем собственном языке, превращаясь в науку для науки, и утрачивает свою цель, которую ей определили классики социологии, а именно содействовать прогрессу общественной жизни, избавлять общество от накапливающихся в нем время от времени негативных явлений. В определенной мере сама социология превращается в разновидность деформированного сознания и в объект специфического исследования. Рассматривая некоторые вопросы развития современного социологического знания, Ж. Тощенко пишет: «Принципиально новое знание достигается не столько через исследование позитивных и нормальных состояний объекта исследования, сколько через то, что приводит к искажению реальности… Поэтому изучение деформированных и превращенных видов общественного сознания и социальной практики (парадоксальность, депривация, стигматизация, кентавризм, аномия, фрустрация и т. д.) может принести впечатляющие и далеко идущие результаты»[19].

Получается, что чем дальше развивается социология, тем в большей степени она нуждается в своей логической реконструкции, в своем совершенствовании как с точки зрения понимания природы общества, так и с точки зрения модернизации приемов и методов исследования, особенно в рамках теоретического анализа.

[1] Платон. Софист // Платон. Соч.: в 3 т. М., 1970. Т. 2. С. 339.
[2] Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 29–30.
[3] Там же. С. 31.
[4] Там же. С. 153.
[5] Там же. С. 156.
[6] Осипов Г.В. Социология и социальное мифотворчество. М., 2002. С. 399.
[7] Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 153.
[8] Там же. С. 94.
[9] Там же. С. 40–41.
[10] Там же. С. 47.
[11] Там же. С. 55.
[12] История социологии (XIX – первая половина XX века) / Под ред. проф. В.И. Добренькова. М., 2004. С. 307.
[13] Парето В. Компендиум по общей социологии. М., 2007. С. 87.
[14] Там же. С. 64.
[15] Там же. С. 477.
[16] Там же. С. 18.
[17] Там же. С. 72.
[18] Там же. С. 344.
[19] Тощенко Ж.Т. Теоретические и прикладные проблемы исследования новых явлений в общественном сознании и социальной практике // Социс. 2010. № 7. С. 4.

Поступила в редакцию 14.07.11.

Л.Г. ТИТАРЕНКО,
ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МИНСК)

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ПОСЛЕ 1945 г.: НЕМЕЦКИЕ ВЕРСИИ

Рассматриваются основные социальные теории и направления в развитии социологии в Германии после окончания Второй мировой войны и до середины 1980-х гг.

The article discusses the major social theories and tendencies in the sociological development in Germany within the period from the end of World War Two till mid-1980s.

Во второй половине XX в. центр развития социальной теоретической мысли, как подтверждает история социологии, снова переместился в Европу. По мнению ряда авторов, этому способствовали прежде всего наиболее знаменитые немецкие социологи – Юрген Хабермас и Никлас Луман, которые предприняли грандиозные попытки теоретического синтеза идей. Независимо от того, как оцениваются результаты подобного синтеза (до сего дня нет ни одной интегральной теории, которая удовлетворила бы всех), этот факт действительно свидетельствует о том, что Германия за 25–30 послевоенных лет сумела восстановить свой интеллектуальный потенциал, а затем опередить другие европейские страны. Отсюда и интерес к исследованию немецкой теоретической социологии, ее традиций и инноваций.

Анализ немецкой социологии уже осуществлялся как в советской, так и российской социологии: благодаря усилиям Ю.Н. Давыдова была тщательно проработана веберовская тематика и ее влияние на последующее развитие национальной социологии[1]; в начале XXI в. в Санкт-Петербургском университете выпущены две объемные монографии, посвященные современной немецкой социологии[2]; предпринимались и сравнительные исследования национальных школ социологии[3]. В Германии разные авторы пытались осмыслить причины быстрого взлета национальной социологии после Второй мировой войны, выявить ее черты и особенности[4]. Однако само исследовательское поле настолько объемно, что оставляет простор для многих новых трактовок и акцентов в анализе данной темы.

Цель статьи – представить развитие теоретической социологии в Германии после Второй мировой войны как процесс постепенного возвращения доминирующих позиций в мире. Наше внимание будет обращено не только и не столько на ключевые фигуры, сколько на те проблемы и имена, которые остались менее известными в имеющейся отечественной социологической литературе по данной теме и без которых невозможно представить всю панораму послевоенного развития немецкой социологии.

Когда Вебер стал классиком

Развитие немецкой социологии в XX в., если посмотреть на него из нашего «сегодняшнего далека», неизменно представляется проходившим прежде всего под влиянием идей Макса Вебера. В исторической ретроспективе это не совсем так. Как пишет Э. Шойх, в 1920-е гг. «Вебер не был особенно важен для социологии»[5]. Вебер был «причислен к классикам» с легкой руки Т. Парсонса лишь в конце 1930-х гг. Размышляя по этому поводу, современные немецкие социологи Х. Йоас и В. Кнебл пишут: «Именно Парсонс в 30-е годы XX века, в крайне сложный период для социологии во всем

мире, сумел свести воедино теоретическую дискуссию, которая с момента основания дисциплины становилась все более размытой, и помимо всего прочего провозгласить содержание работ Дюркгейма и Вебера ядром социологической мысли. Первая важная работа Парсонса “Структура социального действия”, изданная в 1937 году, была и первой попыткой составления такого канона»[6].

В самой Германии в это время пришедший к власти нацизм уже нанес ощутимый удар по развитию общественных наук. Интеллектуальный провал, образовавшийся в Германии в 1930–1940-е гг., связанный с вынужденным молчанием одних социологов и самороспуском Германской социологической ассоциации в 1934 г. (Визе) либо эмиграцией многих других (Кениг, Плеснер), либо сотрудничеством с режимом третьих (Гелен), либо тюремным заключением четвертых (Шпанн), был настолько тяжел, что страна не могла оправиться от него еще около двух десятилетий. В эти годы в довоенной германской социологии Вебер оставался «одним из многих» – наряду с теми, чье имя позволялось упоминать в подконтрольной режиму университетской среде. После войны картина резко изменилась под влиянием прежде всего внешних факторов денацификации общества и демократизации образования и социальной науки, так что Вебер опять-таки не был в центре внимания немецких социологов. На первый план – ввиду дискредитации прежних теорий во времена нацизма и под влиянием резко возросших потребностей социально-экономической жизни страны – вообще вышла эмпирическая традиция. Эмпирическая социология, особенно индустриальная, быстро развивалась и, как и в ряде других стран Запада в середине XX в., на время вообще «затмила» собой теоретические традиции (Рене Кениг).

Ренессанс Вебера наступил в конце 1960-х гг. Толчком к нему послужил съезд Германского социологического общества в 1964 г., на котором переосмысливалось веберовское наследие, чему способствовал и Парсонс, не раз приезжавший в Германию[7]. И хотя эти два великих социолога XX в. представляли разные направления и никогда не встречались, их имена часто пересекаются в истории социологии, а их теоретические идеи в послевоенной Германии легли в основу так называемой веберовско-парсонианской парадигмы, в рамках которой успешно развивалась теория социального действия и возникшая во многом на основе эволюционистских парсоновских идей о социальных изменениях теория модернизации.

По мере дальнейшего развития Германия постепенно преодолевала последствия национал-социализма не только в экономике, политике, но и в образовании и науке. Предпринимались теоретические попытки осмысления нацизма, его причин, поиски способов его окончательного преодоления. Как пишет об этом времени Х. Йоас, родившийся после войны и ставший свидетелем мучительных попыток многих интеллектуалов разобраться с корнями нацизма, в научной среде постоянно задавались вопросы о нацизме: «Откуда он появился? Как это могло произойти? Почему люди, не будучи одержимыми, верят в такое и совершают такое?»[8]

Наше внимание будет сконцентрировано на общих характеристиках развития немецкой послевоенной теоретической социологии, ее национальных особенностях, а также на тех фигурах, которые пока еще менее известны в отечественной социологии. Поэтому мы выделяем в немецкой послевоенной социологии не собственно историко-хронологические периоды, а логические, каждый из которых отличается от других содержательно, хотя по времени они частично могут «пересекаться»: 1) первые послевоенные десятилетия и восстановление интеллектуальной мощи немецкой социологии, 2) ее расцвет, ознаменованный грандиозными теоретическими синтезами, 3) современный этап, свидетельствующий о дальнейшем расширении ее теоретических рамок, и 4) новейшие тенденции развития в XXI в. Охарактеризуем первые два этапа.

Особенности развития социологии в Германии в 1950-е – начале 1980-х гг.

Развитие теоретической социологии в мире в середине прошлого века определялось огромным влиянием теорий Парсонса. По меньшей мере два послевоенных десятилетия парсоновская парадигма господствовала в странах, доминировавших в социологии, – США, Франции, Великобритании. Согласно мнению немецкого историка социологии Уты Герхардт, в поствоенной Германии также развивалась веберовско-парсонианская парадигма, однако это развитие проходило в постоянной борьбе с другими парадигмами (прежде всего конфликтной и неомарксистской), которые были менее влиятельными, но достаточно значимыми. Об этом же пишут другие немецкие авторы – Э. Шойх и Й. Вайс[9]. В целом послевоенное развитие германской социологии – это не только возвращение ряда немецких социологов из эмиграции, но и рождение (или возрождение) социологических парадигм[10]. По Герхардту, это развитие характеризовалось особенностями, связанными с последствиями Второй мировой войны.

Во-первых, все послевоенное развитие страны, включая социальные науки, шло под знаком «преодоления» тяжелого груза нацистского прошлого. Не только первое послевоенное поколение социологов, но и вся нация долго еще ощущала «чувство вины» за развязывание Второй мировой войны и свою ответственность перед другими народами. В то же время многим гражданам Германии хотелось поскорее забыть те времена.

Во-вторых, к особенностям развития социологии следует отнести и разделение Германии, которое, в частности, определило и две линии развития социологии – социалистическую (ГДР) и западную (ФРГ). Однако в ГДР социология была очень сильно идеологизирована, в сфере социальной теории позволялось развивать только официальную марксистскую линию, а инакомыслие строго пресекалось[11]. Интересно отметить, что в период сосуществования «двух Германий» социология в этих странах развивалась по своей траектории, часто игнорируя другую[12]. Главный теоретический интерес представляло быстрое развитие социологии в ФРГ. Оно шло столь бурными темпами, что уже в 1981 г. в ФРГ работало более 10 тыс. социологов, а диплом магистра можно было получить в 43 университетах[13]. Проблема «перепроизводства социологов» временно разрешилась в 1989 г.: после объединения западногерманские социологи быстро заполнили все научное пространство Восточной Германии, в том числе и открытые там новые научные центры, так что от прежней социологии ГДР ничего не осталось.

В-третьих, послевоенное развитие социологии шло под сильным интеллектуальным влиянием и с материальной и организационной поддержкой со стороны американской оккупационной администрации. Так, в 1945–1946 гг. большую роль в демократизации университетского образования и проведении денацификации немецких университетов сыграл Эдвард Хардсхорн – американский специалист по проблемам университетского образования в Германии. В 1930-е гг. он провел исследование деятельности немецких университетов при нацизме и защитил диссертацию в США на эту тему. Будучи приглашенным на работу в американскую оккупационную администрацию сразу после окончания войны, он побывал во всех немецких университетах, ознакомился с их состоянием и проблемами, энергично помогал в подготовке новых программ университетского образования. Хардсхорн приложил много сил для скорейшего открытия всех 7 университетов в американской оккупационной зоне. Смерть помешала ему и дальше работать в этом направлении, однако до сих пор германские университеты с уважением чтят память об этом человеке. С 1946 г. в американской администрации работал другой американский социолог, Гарольд Гурвич, который также много сделал в эти годы для денацификации университетской системы образования и активного внедрения американских теорий в образование.

Прожив в Берлине полвека, став профессором Свободного университета в этом городе, в начале 1990-х гг. Гурвич выпустил 5-томник под названием «Демократия и антикоммунизм в Берлине после 1945», в котором на основе анализа данных опросов общественного мнения и изучения огромного количества документов дал блестящий анализ развития науки и образования, а также шокового состояния самого немецкого общества после войны.

Импорт идей из Америки оказал большое влияние и на эмпирическую социологию Западной Германии: многие молодые ученые получали степени или проходили научную стажировку в США, а затем переносили на немецкую почву проблематику, исследовательские методы и процедуры исследования.

Теория модернизации

В рамках американского влияния на европейскую (включая немецкую) социологию можно рассматривать и развитие неопарсонианства в 1950–1960-е гг. К началу 1950-х гг. в условиях «холодной войны» стала очень популярна теория модернизации, с помощью которой предпринимались попытки «научно доказать» превосходство западного общества и представить его как более высокую ступень в поступательном развитии человечества. Эта теория была предназначена для противостояния влиянию СССР на незападные страны, т. е. страны «третьего мира». Утверждалось, что историческое развитие осуществляется через эволюционный процесс модернизации как однолинейный переход от традиционного типа общества к обществу модерна, т. е. к «западному» типу. В любом «современном» обществе реализуются так называемые «эталонные переменные», или некие общие универсальные закономерности развития: совершенствуются рыночные отношения в экономике, нормы права используются для регулирования социальных отношений; активизируются демократические процессы и современные медиа. Только такое общество якобы и может считаться современным. В Германии работы американских социологов в русле этой теории были весьма популярны[14].

На теоретической базе теорий модернизации в 1950-е гг. проводились междисциплинарные исследования, в частности, замерялась «степень близости» Германии по тому или иному параметру образцовому «обществу модерна». Только студенческие «левые» движения конца 1960-х гг. положили конец доминированию теории модернизации в западной социологии в описании и объяснении макросоциальных изменений, а также серьезно подорвали доверие и к парсоновской парадигме вообще (детальная критика этой теории дана В. Кноблем)[15].

Несмотря на широкое распространение парсонианства в середине XX в., в Германии всегда оставались сильны и собственные немецкие гуманитарные традиции (герменевтика, философская антропология), с которыми были связаны все классики немецкой социологии XIX – начала XX в. и которые продолжали оставаться актуальными для молодых теоретиков, начавших профессиональную карьеру после Второй мировой войны.

В 1960-е гг. в немецкой социологии проходили горячие теоретические споры о позитивизме, начавшиеся с полемики между одним из лидеров критической теории Франкфуртской школы Теодором Адорно и создателем концепции критического рационализма Карлом Поппером в 1961 г. на заседании Германской социологической ассоциации. Спор был связан с резкой критикой Адорно позитивистского подхода к исследованию общества как отдельных ситуаций и уместности количественных методов в социологии. По мнению Адорно, отсутствие целостного концепта общества и применение количественных методов в социальных науках позволяет манипулировать человеком и посредством ложной интерпретации мира ведет его к самопорабощению, а не к эмансипации. В этом споре участвовали Парсонс и Хабермас; последний защищал эмансипаторский идеал науки. В результате этой длительной полемики победа осталась за антипозитивистами. Дискус-

сия стала толчком для роста интереса к творчеству Вебера («ренессанс» начался с 1964 г., когда Вебер был «вновь открыт») и Маркса.

Однако теория модернизации продолжала развиваться и дальше в реформированном виде в трудах неопарсонианцев, а с середины 1980-х гг. она снова актуализировалась. Как объясняет причины этого возрождения теорий модернизации немецкий социолог В. Цапф[16], упадок мировой системы социализма дал сторонникам модернизации новые эмпирические доказательства правоты этой теории.

Новый подъем интереса к наследию Парсонса в Германии связан с Рихардом Мюнхом, основной труд которого «Теория действия. К реконструкции вклада Талкотта Парсонса, Эмиля Дюркгейма и Макса Вебера», написанный в 1982 г., был направлен прежде всего против других теорий действия, включая теории действия Хабермаса и Лумана[17]. Путем анализа большого количества источников Мюнх попытался доказать, что волюнтаристская теория действий Парсонса является вершиной социальной мысли и превосходит все другие теории. По мнению Мюнха, Парсонс избежал всех форм редукционизма, которые имеют место не только у современных немецких теоретиков, но и у классиков теории действия – Дюркгейма и Вебера. Полемизируя с Луманом, популярность которого в те годы росла, Мюнх заявлял, что излишняя радикализация функционализма, осуществленная Луманом, исказила смысл парсоновского представления о взаимопроникновении подсистем. Как утверждал Мюнх, для западного развития было характерно воздействие культурных образцов и ценностей на самые различные подсистемы, что привело к взаимопроникновению этики и современного мира. Иначе говоря, он доказывал, что тезис Парсонса о нормативной интеграции общества «работает» и в современном обществе. Мюнх остался верен парсонианскому нормативному функционализму и в более поздних своих работах, где он предпринял сравнительный анализ ведущих западных стран[18].

Веберианство

Что касается неовеберианства, то одной из наиболее ярких фигур веберовского ренессанса является Вольфганг Шлюхтер, который интерпретировал веберовское наследие таким образом, чтобы доказать социологической общественности в конце 1970-х гг. его актуальность и конкурентоспособность в противоборстве с другими подходами к анализу современного немецкого общества[19]. Шлюхтер глубоко изучил работы Вебера по социологии религии и теории рациональности, внес личный вклад в реконструкцию веберовской теории рациональности. Он рассматривал идеальные типы Вебера в эволюционной перспективе, которая позволяла проанализировать не только эти модели, но и соответствующие исторические процессы в области политики, права, экономики. С 1976 г. более 10 лет он руководил Институтом социологии им. Макса Вебера в Гейдельбергском университете, был одним из редакторов полного собрания сочинений Вебера, изданного Баварской академией наук. В 1998–2002 гг. Шлюхтер – декан-учредитель Центра Макса Вебера по культурным и социальным исследованиям вновь открытого Эрфуртского университета, за заслуги в создании которого первым был удостоен звания Почетного доктора Эрфуртского университета.

Шлюхтер сделал веберовские теории весьма популярными в Германии. Однако, несмотря на возродившийся интерес к Веберу, далеко не все социологи посчитали возможным использовать веберовские идеи для анализа современного общества, а развитие теории рационализации в работах Шлюхтера некоторые критики назвали просто усовершенствованным вариантом теории модернизации.

Шлюхтер также развил начатый Вебером в отношении древних религий сравнительный анализ иудаизма, конфуцианства, даосизма, индуизма, ислама и христианства и др. Он попытался сопоставить их с современными научными исследованиями тех же религий, которые изучал Вебер; в резуль-

тате ему удалось продемонстрировать разнообразие не только проектов общества в разных религиях, но и самих стран, где эти религии развивались. Работы Шлюхтера в каком-то смысле послужили вкладом в подготовку дебатов о «множественности модернити», проходивших уже в конце XX – начале XXI в.

Неомарксизм

Возвращение в первое послевоенное десятилетие в Германию из США представителей Франкфуртской школы оказало значительное влияние на интеллектуальную жизнь Германии. В отличие от Соединенных Штатов, где пути философии и социологии разошлись еще до войны, в Германии развитие социальной теории не было разделено серьезными дисциплинарными барьерами. Да и сама система университетского образования Германии, которая давала студентам возможность первоначального широкого изучения ряда дисциплин, а не одной, также способствовала тесным взаимосвязям между социологией и философией. Поэтому социально-философские работы представителей Франкфуртской школы, посвященные осмыслению нацизма, позднего капитализма (в частности, его культуры), были достаточно хорошо известны в социологии. В самой Германии и за ее пределами это направление сыграло большую роль в критике парсонианства и позитивизма в целом.

Сам интерес к марксизму подкреплялся в Германии именно путем знакомства молодых интеллектуалов с идеями Франкфуртской школы, однако не без некоторых особенностей: в послевоенных академических кругах принимали лишь отдельные идеи Маркса, подвергая ревизии учение в целом. В большей мере интересовалось марксизмом лишь молодое поколение – студенты, аспиранты, те, кто в 1960-х гг. громко заявят о себе в студенческих выступлениях. Они возлагали большие надежды на критическую теорию Франкфуртской школы и хотели взять ее за теоретическую основу своих практических действий.

Поскольку Франкфуртская школа имела марксистские корни, она, так или иначе, стимулировала интерес не только к собственной критической теории общества, но и к осмыслению и переосмыслению всего марксизма далеко за своими пределами. Так, например, не скрывал своих марксистских взглядов научный руководитель Хабермаса по докторской диссертации Вольфганг Абендрот, возглавлявший в 1960-е гг. кафедру в Марбургском университете. Сам Хабермас также заслужил у директора Франкфуртского института социальных исследований М. Хоркхаймера репутацию «слишком левого» за свои открытые симпатии к марксизму (по этой причине в 1961 г. он был даже вынужден покинуть институт на три года, пока в 1964 г. не вернулся туда уже его директором после ухода на пенсию Хоркхаймера).

Изучая марксизм, Хабермас интересовался прежде всего его нормативно-философскими элементами. Он предложил свою интерпретацию Маркса, стремясь отмежеваться от других интерпретаций (включая и советскую) и проводя четкое различие между теоретическим наследием Маркса и попытками его воплощения в советской практике того времени.

Неомарксисты критически проанализировали политико-социологическое содержание марксизма и пришли к выводу о том, что многое в нем устарело и не адекватно современному обществу. Хотя их влияние существенно ослабло после окончания периода «неомарксистского ренессанса»[20], тем не менее они и сегодня занимают в социологии Германии свою нишу и участвуют в осмыслении новых проблем общества.

Конфликтная парадигма

Развитие германской социологии в середине XX в. не только испытало американизацию; в случае с конфликтной парадигмой именно немецкая социология в лице Ральфа Дарендорфа повлияла на социологию Великобритании и США. Дарендорф всегда был тесно связан с академическим миром

Великобритании. Написанная им в середине 1950-х гг. статья «Структура и функция. Талкотт Парсонс и развитие социологической теории» оказала прямое влияние на становление взглядов британских теоретиков конфликта Д. Локвуда и Д. Рекса (в частности, Локвуд прямо повторяет критику Дарендорфом парсоновского нормативизма). В своей известной работе «Социальные классы и классовые конфликты в индустриальном обществе»[21] Дарендорф дополняет начатую им критику Парсонса, опираясь на классовую теорию Маркса, используемую им как инструмент объяснения социальных конфликтов. Правда, при этом он полностью отбрасывает историко-философские и политэкономические аспекты Марксовой теории, акцентируя внимание на проблемах авторитета и власти: власть и господство провозглашаются им важнейшими факторами, из которых выводятся социальные отношения, в том числе и отношения собственности. «Собственность – это далеко не единственная форма господства, а лишь один из множества ее видов»[22].

Главные принципы модели конфликта, предложенные Дарендорфом, радикально не подрывали парадигму Парсонса, но предлагали более адекватные теоретические способы и пути объяснения социальных изменений в современном обществе посредством анализа отношений власти и господства. Динамика развития сводится у него к борьбе за власть, к которой якобы стремятся все те группы, которые ее не имеют. Отсюда и постоянные конфликты между различными конкурирующими социальными объединениями.

Хотя Дарендорф постоянно критиковал парсоновский подход к обществу как односторонний, он скорее предлагал дополнить его своей теорией конфликта, чем отбросить вообще. Так, в работе «Тропы из утопии. О новых ориентирах социологического анализа» он пишет: «…для объяснения социологических проблем нам необходима как равновесная, так и конфликтная модель общества; возможно, человеческое общество… всегда имеет два лица одной и той же реальности: одно лицо – это аспект стабильности, гармонии и консенсуса, другое – аспект изменений, конфликта и принуждения»[23].

Таким образом, разрабатывая теорию конфликта, Дарендорф не только использует (правда, выборочно) наследие Маркса, но и пытается соединить выводы Маркса с выводами Вебера, дополнить и «исправить» Маркса при помощи веберовского инструментария. Интересно отметить, что так называемый веберианский марксизм, или левое веберианство, был особенно популярен не в Германии, а среди «левых» в Великобритании. Дарендорф, который в середине 1970-х гг. уехал в Лондон (возвращаясь в Германию периодически лишь в конце XX в. для чтения лекций в ряде университетов), не был марксистом веберианского толка: он «подкорректировал» идеи Маркса с помощью теории Вебера, а также других авторов. Сам Дарендорф до конца жизни оставался сторонником социального либерализма.

Теории конфликта оказались плодотворным фундаментом для ряда эмпирических исследований в Германии, они стали популярными, например, в социологии образования, социологии профессий, гендерной социологии, социологии девиантного поведения.

Не случайно на этом фоне общего интереса к теории в 1970-е гг. и начинается процесс, который в современной литературе называют «возвращением центра развития теоретической социологии в Европу». По мнению ряда ученых, не просто в Европу, а именно в Германию: именно здесь в 1980-е гг. появятся теории Хабермаса и Лумана, синтезирующие разные парадигмы социологии.

Теории синтеза в немецкой социологии (1980-е гг.)

Юрген Хабермас

Первая попытка теоретического синтеза, которая практически доказала, что центр теоретической социологической мысли вновь переместился в Европу, принадлежит теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, изложенной им в работе «Теория коммуникативного действия» (1981). Автор

работал над ней 8 лет. Это был первый в послевоенной Европе масштабный теоретический социально-философский синтез идей, который не только противостоял синтезу Парсонса, но и «преодолевал» разногласия между господствовавшими парадигмами (структурной, конфликтной, интеракционистской, бихевиористской, этнометодологической) с собственных позиций, выросших из сплава гегелевско-марксистских, герменевтических и иных идей в совершенно самостоятельную конструкцию. Хабермас исходит из признания того, что в процессе филогенеза и онтогенеза процессы когнитивного и нравственного научения проходили независимо друг от друга. По аналогии с ними независимо развивались процессы в сфере производства и интеллектуальной жизни, т. е. в сфере труда и интеракции. В каждой из них имеется своя внутренняя логика развития, поэтому экономический детерминизм в объяснении социальных или нравственных изменений совершенно неуместен[24].

В этом «главном труде жизни» Хабермас выделяет четыре разные темы: теория рациональности, теория действия, теория социального порядка и диагноз времени (под влиянием Хабермаса эта последняя тема стала одной из ключевых в последующем развитии всей немецкой социологии). Рассмотрим их кратко, так как каждая необходима Хабермасу в построении синтеза.

Теория рациональности. Как и Парсонс в «Структуре социального действия», Хабермас подробно разбирает работы предшественников (Дюркгейма, Вебера, Мида, Хоркхаймера, Адорно, Парсонса) с целью доказательства, что теории рационального действия требуют сегодня дополнения другой моделью действия, связанной с символически опосредованной коммуникацией. Исходя из потребностей повседневной речевой практики, Хабермас утверждает более широкое понимание разума и рациональности, чем утилитаристы или постмодернисты, и дает им названия «коммуникативной рациональности» и «коммуникативного разума». В любом речевом высказывании и действии, по его мнению, имеют место притязания на истинность, нормативную правильность и правдивость в отношении собственных переживаний субъекта действий. Иначе говоря, в каждом действии присутствует и когнитивный, и экспрессивный, и нормативный аспекты, хотя и не в равной мере. Новая модель рациональности, таким образом, синтезирует эти аспекты, которые в других моделях рациональности обычно разделялись. Из данной широкой трактовки рациональности Хабермаса вытекает его дискурсная теория истины и морали, ставшая отправной точкой многих современных дискуссий в теории науки и этике.

Теория действия. В соответствии с новой концепцией рациональности Хабермас выделяет три основных типа действия: инструментальное действие, направленное на манипулирование внешним миром; нормативное действие, которое основано на сообразности социальных отношений; и драматургическое действие, главная цель которого – саморепрезентация. Однако Хабермас постоянно подчеркивает различия между узкорациональным действием (инструментальным, направленным на материальные объекты, и стратегическим, направленным на других субъектов) как построенным по схеме «цель – средство» и коммуникативным действием, которое (как и нормативное и драматургическое) ориентировано на *другого*, но отличается от всех действий тем, что оно направлено на достижение *взаимопонимания*: «Акторы стремятся к взаимопониманию относительно ситуации действия, с тем чтобы в согласии координировать свои планы действия и, соответственно, сами действия»[25]. Коммуникативное действие не ориентировано на заранее заданную цель и средства ее достижения, оно нетелеологично и предполагает использование языка как посредника в ориентации на поиск взаимопонимания.

Предложенная концепция действия синтезирует все прежние теоретические достижения и вбирает в себя не только типы действия Вебера и Пар-

сонса, но и идеи Гофмана, Мида, других предшественников. Действительно, это синтетическая концепция, претендующая на то, чтобы сменить односторонние подходы на целостное видение социального действия.

Теория социального порядка. Теория порядка непосредственно связана с предыдущими концепциями. Автор выделяет два дихотомичных типа социального порядка – жизненного мира и системы, различие между которыми обусловлено различиями между коммуникативным действием, с одной стороны, и инструментальным и стратегическим (т. е. целеориентированным) действиями – с другой. Люди действуют в обоих типах порядка, руководствуясь разными нормами, поэтому интеграция общества требует задействования разных механизмов для каждого типа порядка. С одной стороны, социальная интеграция общества объединяет людей благодаря общим ориентациям действия. Этот процесс объясняется через понятие жизненного мира. С другой стороны, с целью исследования механизмов системной интеграции общества необходимо использовать инструменты функционального анализа и понятие системы. Хабермас соединяет в своем анализе эти два понятия, взятые из разных традиций, так как только использование обоих этих понятий может способствовать разработке надежных диагнозов времени и формированию критического взгляда на современные общества. Так осуществляется его синтез теории действия и системной теории.

Диагноз времени. Проблема диагноза времени разрешается Хабермасом на основе анализа социальной эволюции как исторического процесса постепенного разделения системы и жизненного мира в ходе развития дифференциации общественных структур. Здесь Хабермас солидаризируется с парсоновским подходом к развитию через социальную дифференциацию. Вслед за Парсонсом он выделяет деньги и власть как «посредников коммуникации» в сферах экономики и политики, которые окончательно выделились из сферы интеракции членов общества и поэтому нуждаются в коммуникативных посредниках. В диагнозе времени он пытается найти разумное соотношение между жизненным миром и системами, которое учитывало бы и заложенную в языке потенциальную рациональность и потребность современного общества в эффективности. Вывод Хабермаса довольно критичен: равновесие между системой и жизненным миром нарушено. Системные отношения наступают на жизненный мир, желают полностью колонизировать его. Угроза подчинения жизненного мира исходит с двух сторон: от рынка и государства, которое посредством бюрократизации и правового регулирования всех социальных отношений постоянно вытесняет коммуникацию, осуществляемую по принципам жизненного мира (т. е. ориентированную на взаимопонимание, а не на эффективность достижения цели).

Таким образом, диагноз времени, по Хабермасу, – растущая угроза со стороны рынка и государства жизненному миру и коммуникации. Хабермас продолжает критику отчуждающих аспектов современного общества, имевшую место у Маркса и Франкфуртской школы, актуализирует веберовские страхи перед тенденцией капитализма ко всеобщему овеществлению, но не впадает в «тотальный пессимизм». Он оставляет надежду на то, что развитие общества не позволит системным механизмам окончательно поработить жизненный мир, и указывает на конкретные механизмы противоборства этим попыткам системы постоянно вмешиваться в повседневную жизнь людей.

Взгляды Хабермаса на эту проблему оказали значительное влияние в 1980-е гг. на общественные дебаты в Германии о ее настоящем и будущем, хотя критика и отмечала абстрактность его рассуждений, отсутствие пригодных для эмпирической работы критериев и индикаторов анализа современного общества. Впрочем, Хабермас не остановился на «Теории коммуникативного действия»: он продолжал ее развивать в более поздних работах «Философский дискурс модерна»[26] и «Фактичность и значимость. Работы по дискурсной теории права и демократического правового госу-

дарства»[27], где критикует ограниченность постмодернизма и постструктурализма и рассматривает философию права и ее роль в современном обществе как интегратора системы и жизненного мира. На этом основании, в частности, он доказывает, что адекватной формой коллективной идентичности (и, следовательно, интеграции) может быть только конституционный, а не ценностный патриотизм, т. е. ограничивает роль ценностей, столь значимую у Парсонса.

В целом, несмотря на развитие своего теоретического синтеза, Хабермас оставляет нерешенными многие вопросы (в частности, относящиеся к ценностно-религиозному контексту современной Германии), что отмечается и его критиками, и его последователями[28].

Никлас Луман

Вторая важнейшая по значимости фигура немецкой социологии послевоенного периода и второй автор синтеза теоретических идей в социологии – Никлас Луман и теория систем. Свою глобальную задачу в социологии Луман видел в том, чтобы сначала разобраться в сущности проблем, вызывающих ожесточенные споры между конкурирующими парадигмами, а затем переформулировать их таким образом, чтобы решить проблемы. Инструментом для этого Луман избрал радикальный функционализм. В начале 1980-х гг., т. е. параллельно с Хабермасом, Луман перестраивает теорию (совершает «аутопойетический поворот»), т. е. доводит функциональный метод анализа до универсального, с помощью которого можно и нужно рассматривать любые системы.

Луман стал заниматься социологией лишь в начале 1960-х гг. после стажировки в Гарварде (США), во время которой он тесно общался с Парсонсом и воспринял идеи функционализма. Вернувшись в Германию, при поддержке известного немецкого социолога консервативного направления Гельмута Шельски Луман в 1966 г. защитил сразу две диссертации и был приглашен в основанный Шельски новый университет в Билефельде. Луман стал широко известен с 1971 г. как главный оппонент Ю. Хабермаса и его критической теории общества. В результате их споров, как пишут Х. Йоас и В. Кнебл, немецкая теоретическая социология разделилась на два лагеря – Лумана и Хабермаса, тогда как другие теоретические направления оказались под угрозой маргинализации[29]. И сегодня, спустя более 40 лет, значительное число немецких социологов по-прежнему разделено в своих предпочтениях между этими двумя главными школами и персоналиями их лидеров.

Бесспорно, кроме работ Парсонса, на становление теоретических взглядов Лумана оказали значительное влияние и немецкие традиции: философская антропология А. Гелена, феноменология Э. Гуссерля, а также тенденции развития исследований в биологии, которыми Луман всегда интересовался и из которых заимствовал некоторые идеи. Повлиял также личный опыт работы Лумана как профессионального юриста и его первоначальное юридическое образование, хорошее знание бюрократической системы. Лумана относят к послевоенному германскому поколению «скептиков», которых слишком часто обманывали режимы власти, в результате чего они утратили великие идеалы и отказались от участия в любых нравственных и политических спорах. Действительно, Луман всегда старался отмежеваться от политики и отказывался от нравственных оценок в своих трудах.

В Германии Луман воспринимался сначала как продолжатель Парсонса. В 1970-е гг. он занимается социологией права и организаций. Только после выхода в 1984 г. его главной работы «Социальные системы. Очерк общей теории»[30] Луман стал оцениваться как независимый теоретик, более того – создатель собственной радикальной функциональной теории систем. Сделав акцент на функционализме, он заменил сам термин «структурный функционализм» на «функционально-структурную системную теорию»: «Функционально-структурная теория может ставить вопрос о функции системных структур, не предполагая при этом в качестве отправной точки своего во-

проса общую структуру системы»[31]. Такой поворот позволил Луману изначально избавиться и от нормативизма Парсонса и от абсолютизации ценностей и норм для объяснения социального порядка. Он также отделяет системы (в том числе социальные) от окружающего мира, что позволяет ему включить в анализ системы и мира более широкий контекст, чем у Парсонса. Отказ от приоритетности понятия «система» избавляет Лумана и от апологетизма Парсонса, который всеми силами пытался найти механизмы и средства поддержания порядка и социальной интеграции системы. Напротив, Луман исходит из признания того, что основные проблемы социальных систем решаются при помощи наличных структур лишь временно, причем в других условиях эти проблемы могут решаться другими структурами (тоже временно). Это означает отказ от парсоновского функционализма, четко привязывавшего функции к определенным структурным компонентам. Луман назвал свой подход «эквивалентным функционализмом», подчеркнув, что всегда могут быть найдены эквивалентные решения любой проблемы системы.

Луман радикально высказывается против каузальных объяснений, считая их ненаучными: в условиях комплексных систем действия нельзя точно выявить причины и последствия, а следовательно, делать прогнозы относительно будущего развития системы. Однако в рамках эквивалентного функционализма можно «проигрывать в уме» множество вероятностных сюжетов развития отношений в системе, при этом ни один вариант не считая «истинным». Тем самым теория Лумана предоставляет эвристические возможности анализа самых разных проблем общества, касающихся его устойчивого развития в окружающем мире. Он пишет: «Функционалистский анализ не фиксирует действующего субъекта на полное и надежное окончание его действия или на правильно представляемую цель. Он также не пытается объяснить действие некими причинами, прописанными в законах. Он интерпретирует действие с точки зрения избранных, абстрактных и, соответственно, взаимозаменяемых аспектов с тем, чтобы сделать его понятным в качестве одной из существующих возможностей…»[32]

В работе «Социальные системы» Луман отстаивает позицию, согласно которой системы реально существуют, а не являются лишь категорией анализа (как у Парсонса). Развивая понятие системы, он выделил три фазы системно-теоретического мышления[33]: сначала система понималась как отношение между частью и целым (система «часть – целое»), затем система рассматривалась в отношении к окружающему миру и возможностей ее адаптации («система – окружающая среда»). На базе такого рассмотрения, по аналогии с нейрофизиологией и биологией, в социальных науках развивается теория самореферентных систем (операциональная закрытость системы и внутреннее развитие по своей логике). После этого Луман рассмотрел подсистемы науки, экономики, политики и т. п. как функционально дифференцированные и развивающиеся независимо друг от друга. По Луману, они не могут эффективно управляться извне или координироваться с другими. Поэтому, скажем, любые попытки государственного вмешательства в экономику или науку высмеиваются Луманом как имитационные. Системы не поддаются контролю извне: функциональная дифференциация сделала это невозможным.

Этот радикальный пессимизм отражает лумановский диагноз времени: изменить систему воздействием извне невозможно. Каждая подсистема живет по своей системной логике, является аутопойетической и не корректируется в отношении других подсистем. Подсистемы могут лишь «переводить» попытки влияния извне на свой собственный язык, но не изменяться под внешними воздействиями. В практической плоскости это, в частности, означает бессмысленность движения «зеленых» повлиять на политику немецкого государства, а также невозможность государства адекватно приспособиться к новым экологическим угрозам: современное общество не оставляет места для координации подсистем как целого.

Радикальная позиция управленческого пессимизма Лумана не означала, что он был против мер по защите окружающей среды или политических реформ под воздействием давления общественности. Просто он хорошо понимал ограниченность этих мер и возможностей. Данный подход вызывал критику в адрес Лумана, однако независимо от результата и мнения критиков попытка Лумана создать синтетическую системную теорию расценивалась современниками как столь же важная, что и теоретический синтез Хабермаса.

Подводя итоги нашему рассмотрению послевоенного периода развития социальной теории в рамках немецкой социологии, отметим: теоретический взлет немецкой социологии в 1970–1980-е гг. свидетельствует, что довольно быстро, за 20–25 лет, социология в Германии сумела преодолеть печальные последствия нацистского периода истории своего общества и его влияния на развитие данной науки. Практически немецкая социология вернула свои позиции одной из доминирующих стран Европы в сфере социально-философской мысли.

[1] См.: Давыдов Ю.Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология. М., 1998; Он же. Ренессанс М. Вебера на Западе (вторая половина 70-х–80-е годы) // История теоретической социологии: в 4 т. М., 1998. Т. 4. С. 436–465.

[2] См.: Современная немецкая социология: 1990-е годы. СПб., 2002; Немецкая социология / Под ред. Р.А. Шпаковой. СПб., 2003.

[3] См.: Здравомыслов А.Г. Национальные социологические школы в современном мире // Общ. науки и современность. 2007. № 5. С. 114–130; Он же. Поле социологии в современном мире. М., 2010; Он же. Сравнительный анализ национальных социологических школ в их отношении к национальным культурам // Вестн. Ин-та социологии РАН. 2010. № 1. С. 180–202.

[4] См.: Scheuh E. German Sociology // Encyclopedia of Sociology. New York, 1992. Vol. 4. P. 762–772; Weiss J. Sociology in the Federal Republic of Germany // N. Genov (ed.). National traditions in Sociology. London, 1989. P. 100–117; Gerhard U. Soziologie im 20. Jahrhundert: Studien zu Ihrer Geschichte in Deutschland // A History of 20th-Century Sociology: German Case Studies. Stuttgart, 2009.

[5] Scheuh E. German Sociology. P. 763.

[6] Joas H., Knöbl W. Social Theory. Twenty Introductory Lectures. Cambridge, 2009.

[7] См.: Давыдов Ю.Н. Ренессанс М. Вебера на Западе (вторая половина 70-х–80-е годы). С. 436–465.

[8] Йоас Х. Действие – это состояние, в котором существуют люди в мире // Социс. 2010. № 8. С. 113.

[9] См.: Scheuh E. German Sociology. P. 762–772; Weiss J. Sociology in the Federal Republic of Germany. P. 762; Gerhard U. Soziologie im 20. Jahrhundert: Studien zu Ihrer Geschichte in Deutschland. P. 110–111.

[10] См.: Gerhard U. Soziologie im 20. Jahrhundert: Studien zu Ihrer Geschichte in Deutschland // A History of 20th-Century Sociology: German Case Studies. Stuttgart, 2009.

[11] См.: Joas H. War and Modernity. Cambridge, 2003.

[12] См.: Weidig R. Sociology in German Democratic Republic // N. Genov (ed.). National traditions in Sociology. London, 1989. P. 81–99.

[13] См.: Weiss J. Sociology in the Federal Republic of Germany // N. Genov (ed.). National traditions in Sociology. London, 1989. P. 104–105.

[14] См.: Zapf W. Die Theorien der Modernisierung. Köln, 1971.

[15] См.: Knöbl W. Spielraume der Modernisierung. Das Ende der Eindeutigkeit. Weilerswist, 2001.

[16] См.: Zapf W. Die Modernisierungstheorie und unterschiedlich Pfade der gesellschaftlichen Entwicklung // Leviathan. 1996. Vol. 24. № 1. S. 63.

[17] См.: Munch R. Theorie des Handelns. Zur Rekonstruktion der Beitrage von Talkott Parsons, Emile Durkheim und Max Weber. Frankfurt a. M., 1982.

[18] См.: Munch R. Die Struktur der Moderne. Grundmuster und differentielle Gestaltung des institutionellen Aufbaus der modernen Gessellschaften. Frankfurt a. M., 1984; Munch R. Die Kultur der Moderne. Frankfurt a. M., 1986. Bd. 2.

[19] См.: Schluchter W. Die Entwicklung des okzidentalen Rationalismus. Eine Analyse von Max Webers Gesellschaftsgeschichte. Tübingen, 1979.

[20] См.: Давыдов Ю.Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология. М., 1998.

[21] См.: Dahrendorf R. Soziale Klassen und Klassenkonflikt in der industriellen Gesellschaft. Stuttgart, 1957.

[22] Там же. С. 139.

[23] Dahrendorf R. Pfade aus Utopia. Zu einer Neuorientierung der soziologischen Analyse // Pfade aus Utopia. Theorie und Methode der Soziologie. München; Zürich, 1986. S. 262.

[24] См.: Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. 2 Bande. Frankfurt a. M., 1981 (англ. изд.: Habermas J. The Theory of Communicative Action. London, 1984. Vol. 1-2).

[25] Там же. С. 128.

[26] См.: Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003.
[27] См.: Habermas J. Faktizität und Geltung: Beitrage zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. Frankfurt a. M., 1992.
[28] См.: Honneth A. Kritik der Macht. Reflexionsstufen einer kritischen Gesellschaftstheorie. Frankfurt a. M., 1986; Honneth A., Joas H. (eds.). Kommunikatives Handeln. Beitrage zu Jürgen Habermas' «Theorie des kommunikativen Handelns». Erweiterte und aktualisierte Ausgabe. Frankfurt a. M., 2002.
[29] См.: Joas H., Knöbl W. Social Theory. Twenty Introductory Lectures. Cambridge, 2009. S. 251.
[30] См.: Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. И. Газиева. СПб., 2007.
[31] Luhmann N. Soziologie als Theorie sozialer Systeme // Soziologische Aufklärung 1. Aufsatze zur Theorie sozialer Systeme. Opladen, 1970. S. 114.
[32] Luhmann N. Funktion und Kausalität // Luhmann N. Soziologische Aufklärung 1. Aufsätze zur Theorie sozialer Systeme. Opladen, 1970. S. 27.
[33] См.: Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. И. Газиева. СПб., 2007. С. 17.

Поступила в редакцию 21.08.11.

Т.П. ЛИПАЙ,
КАНДИДАТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ (МИНСК),
А.К. МАМЕДОВ,
ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МОСКВА, РОССИЯ)

ОБЩЕСТВО ЗНАНИЯ: ПАРАДОКСЫ РАЗВИТИЯ

Анализируются различные подходы к особенностям становления нового общества. Выделяются тренды развития и методологические основы познания новых социальных феноменов.

Various approaches to view the peculiarities of a new society's formation are given analysis to. Trends of development and methodological basis of cognizing new social phenomena are distinguished.

Становление нового *общества знания* (примем это условное обозначение с «лиссабонским оттенком») явило нам новые тренды рисков и противоречий, которые создают, по сути, новую систему «кризис-матрешек», когда решения одних приводят к необходимости решения следующих, зачастую более глубинных. «Незавершенность общества» (Э. Блох) становится константой, одна социальная парадигма сменяет другую, не дав той (предыдущей) раскрыться, реализовать свой потенциал, социальную конструкцию.

«Хотя история, – отмечает К. Поппер, – не имеет цели, мы можем навязать ей свои цели, и, хотя история не имеет смысла, мы можем навязать ей смысл»[1]. Масштабность современного кризиса, на непредсказуемость которого сейчас ссылаются все, заставила нас по-новому осмыслить базовые принципы современных теорий, провести основательную ревизию доминирующих воззрений. Не случайно в общественном сознании господствует кризисная оценка развития социальных наук, которые в силу ряда причин не смогли спрогнозировать кризис, его параметры, социальное поле и технологии выхода из него. Современный кризис независимо от его сущностных характеристик (финансовый, глобальный, капиталистический, олигархический и т. д.) выявил в том числе и реальную сложную картину девальвации научных теорий, скудость когнитивных рамок современных социальных парадигм, неспособных системно осмыслить кризис, его масштабы и последствия. Происходит присущий началу каждого века системный кризис наук как фон и отражение общего кризиса.

Фиксируется кризис «гиперрассказа» (Лиотар), кризис рациональности, что, несомненно, приведет к необходимости смены парадигм в социальных теориях, к нарушению status quo, который поневоле устраивал многих, ибо позволял в едином научном поле сосуществовать диаметрально противоположным теориям как отражение и отображение экзистенциалистского «разорванного мышления». В этом отношении кризис берет поневоле на себя и функции санации, в этом «тоннеле всегда виден свет» (И. Павлов), поэтому

кризис в силу своего характера, глубины и продолжительности должен стать «могильщиком» устаревших социальных технологий и идей, превратив их в «научный архив», «кладбище прошлых мыслей».

Новая экономика и новое общество – это данность современной социальной среды, преображенная структурно и изнутри. В социологическом мире нет единого мнения по поводу названия новой стадии социального развития. Так, наряду с понятием «информационное общество» используется довольно широкий спектр эпитетов: «сверхиндустриальная цивилизация» (О. Тоффлер), «технотронное общество» (З. Бжезинский) и др. Как правило, в социологической литературе для обозначения нового общества употребляются термины, содержащие приставку «пост», – это во многом обусловлено тем, что оно (определение) находится в стадии становления, и у теоретиков в полной мере не сложился его цельный образ, позволивший бы им оперировать более содержательными понятиями. Стремление в науке выразить сущность нового «странного» века вылилось в целый спектр определений. Дж. Литхайм говорит о постбуржуазном обществе, С. Алстром – постпротестантском, Г. Кан – постэкономическом, Р. Сейденберг – постисторическом, Р. Барнет вносит в этот калейдоскоп определений прагматическую нотку, предлагая термин *постнефтяное общество*, понятно, что в основе всех дефиниций – понятие *постиндустриальное общество*, популяризованное Д. Беллом. Общая приставка этих терминов, по мнению Дайзарда, отдает каким-то осенним чувством увядания, свойственным нашему веку, – ощущением конца (заканчивается определенная историческая эпоха). Это связано с «концом гиперрассказа», где текст утрачивает свой изначальный смысл, впрочем, как и все остальное, социально-экономические понятия и категории теперь все «не зависят от доказанности и даже непротиворечивости отдельных положений» (О. Шпенглер).

Постмодернистские научные теории носят скорее метафорический образный, чем строго научный системный характер и отображают, как правило, лишь одну из граней новой, пока еще не интеллигибельной, социальной конструкции. Так, в определении С. Алстрома «постпротестантское» упор делается на смену трудовой протестантской этики на гедонистическую. При этом игнорируется, что, помимо М. Вебера, есть концепция католической этики труда (В. Зомбарт), православной (С. Булгаков), исламской (М. Абдо) и т. д. Понятия «постнефтяное» (Р. Барнет), «постэкономическое» (Г. Кан) и другие также отдают «однониточностью» (термин Б. Хазанова), когда теория рождается как частная, периферийная, иногда маргинальная идея, а затем начинает претендовать на всеобщую «философию Цезарей и Чингисханов» (Ортега-и-Гассет). Перечисленные определения, на наш взгляд, не являются полными и системными, выполняют лишь частную функцию социальной маркировки, но не раскрытия сущностных механизмов развития. Мы более склонны именовать грядущее как общество знаний в силу тотального обретения в новую эпоху знанием особого социального статуса. Так, авторитетный теоретик в этой области Джон Нейсбит отмечает, что, «в отличие от других природных энергий, знание не подчиняется закону сохранения энергии: его можно создать, его можно уничтожить, но главное – знание синергично, т. е. целое, как правило, больше суммы частей»[2]. Ему вторит П. Дракер, который считает, что знание уже сейчас стало базовой отраслью экономики и центральным ресурсом, доминантой в новой структуре. Общество знания – это не прямое и простое продолжение эпохи и духа Просвещения, в основе новой эры лежат иные «скрижали», в частности – латентное допущение о самодостаточности и самоценности знания, которое становится монопольным и доминирующим конструктом, по сути, сейчас формируется новое понимание «одномерного человека».

О. Тоффлер, А.Б. Мигдал[3], П. Дракер и другие известные ученые в своих программных произведениях зафиксировали становление и начало новой

эпохи, когда показателем национального богатства выступают не запасы сырья или цифры производства, а количество и концентрация способных к научному творчеству людей. Фиксируется конец эпохи (стиля мышления) Меттерниха, когда территория, население, армия, сельское хозяйство и другие количественные показатели играли первоочередную роль, вместо этого – скученность городского населения, его образованность, здоровье и вовлеченность в коммуникативную реальность являются определяющим фактором[4]. Как отмечал А. Уайтхед, «в структуре непосредственной настоящей актуальности заложено то, что она будет преодолена будущим»[5], и «в структуре настоящего запечатлены его взаимоотношения с будущим»[6], т. е. сегодняшний день закладывает тренды будущих изменений.

Но каждая ступень прогресса имеет под собой и основу для регресса (Ж.-Ж. Руссо, Ф. Энгельс, К. Ясперс и т. д.). Так что, как обычно, «многие знания порождают печали». Знания не совсем (совсем необычный) социальный продукт, оно актуализируется в широком массовом потреблении, «идея начинает развиваться, когда ею делятся»[7].

Гипотетически открытое каждому члену социума знание порождает новые реальные возможности развития, новую реальность, одновременно потребность и дефицит самой себя как открытой и динамичной системы. Возникает некая дилемма развития знания ради знания или проблема «очеловечивания» знания (да и науки).

По мнению ряда исследователей (Н. Стер и П. Вайнгарт), общество знания характеризуется следующими трендами развития:

- насыщение всех сфер жизни и деятельности научным знанием (сциентификация);
- замещение других форм знания наукой (в том числе профессионализация занятий);
- развитие науки в качестве непосредственной производительной силы;
- появление специализированных направлений политической деятельности (научная и образовательная политика);
- формирование нового сектора производства (производство знания);
- изменения в структуре власти (дебаты о технократии); трансформация основы легитимации власти в направлении специализированного знания (экспертократия – но вовсе не обязательно «путь интеллектуалов к классовому господству»);
- развитие знания на основе социального неравенства и социальной солидарности;
- трансформация основных источников социальных конфликтов[8].

П. Вайнгарт формулирует сходные базисные положения, в частности, основывает свою концепцию общества знания на том, что:

- производство знания направляется ожиданиями полезности и ориентацией на практическое применение;
- процесс социального обучения, ведущий к общественным изменениям, может иметь место лишь в том случае, если он поддерживается знанием;
- фундаментальные исследования все чаще переходят из университетов в промышленные лаборатории, а основными формулами их проведения становятся экономические интересы;
- наука более не ориентируется исключительно на познание природы и открытие ее законов, а развивается в сферах ее применения;
- организация исследований происходит на фоне усиливающегося напряжения между тенденциями специализации и трансдисциплинарности[9].

Таким образом, с точки зрения Стера, Вайнгарта и ряда других современных авторов, конститутивные характеристики общества знания связаны в первую очередь со всевозрастающим значением знания и связанного с ним интеллектуального труда для развития и воспроизводства социума.

Исследователи, как правило, обосновывают необходимость концептуального осмысления общества с выделением основных трендов развития. При социологическом анализе трендов развития зарождающегося общества выделим несколько ключевых моментов.

1. Изменение стиля мышления эпохи.

Изменяется сам стиль мышления, его качественные параметры, новая постмодернистская реальность приводит к определенному «гносеологическому анархизму» (П. Фейерабенд), освободив мышление от оков строгости и последовательности. Как отмечает российский ученый З.М. Оруджев, «объективные основы этого процесса изменения свободы заключаются в том, что уже сегодня совершается переход от индустриального к информационному обществу. Индустриальное общество больше нуждается в “коллективных способностях” индивидов, в то время как информационное общество больше нуждается в “индивидуальных способностях” даже в коллективе»[10]. Современное общество требует оригинальности, инновации, непохожести, что в корне меняет трудовые установки, стандартное, машинное сменяется единичным. Заводы сменяются проблемными лабораториями, массовое производство сменяется созданием уникального, единичного, необычного[11].

2. Превалирование знаний над капиталом.

Доминанта главного ресурса современной компании – интеллект ее сотрудников – быстро и неуклонно растет. Технически грамотные, оригинально мыслящие, склонные к инновациям, креативные сотрудники ценятся сегодня чрезвычайно высоко. Они могут работать сразу на несколько различных по профилю организаций. В соответствии со знаменитым «принципом Питера» люди продвигаются по служебной иерархической лестнице до пределов своей компетентности. Сейчас люди продвигаются по служебной лестнице до тех пор, пока получают от этого творческое удовольствие. Когда удовольствие исчезает, талантливые работники увольняются – как правило, чтобы стать свободными агентами (что в принципе соответствует и тенденции смены протестантской этики труда гедонистической), фрилансерами и т. д. Сегодняшний капитализм уже вступил в «усталую стадию» и полностью освободился от первоначального аскетизма и приобрел способность реализовать свою власть не посредством идейного тоталитаризма и политического принуждения, а, наоборот, посредством постоянного поощрения разнообразия и полного поглощения всех новых идей и движений. Как пишет Брайан Массуми, описывая логику современного технологического, научного общества, «чем разнообразнее, эксцентричнее – тем лучше. Норма утрачивает свою власть. Правильность, системность постепенно сдают позиции. И этот отказ от нормальности есть часть динамики капитализма. Это не просто освобождение, а форма господства самого капитализма. Миром перестает править дисциплинарная институциональная власть – по мере насыщения рынков ей на смену приходят власть и способность капитализма производить многообразие. Создай ассортимент – и ты найдешь нишу на рынке. Сгодятся самые странные и эффективные из замыслов – ведь они за это платят. Капитализм начинает интенсифицировать или диверсифицировать эффект, но лишь затем, чтобы извлечь сверхприбыль. Он присваивает себе эффект, чтобы увеличить потенциальный доход. <…> Капиталистическая логика производства прибавочной стоимости усваивает поле относительности, которое является также областью политической экологии, полем этического сопротивления идентичности. И этот процесс представляется очень смутным и тревожным, потому что, на мой взгляд, в динамике капиталистической власти и динамике сопротивления было своеобразное сходство»[12].

Меняются и качественные особенности интеллектуальных работников, их основными характеристиками становятся:

– независимость от границ;

– мобильность (во всех направлениях);

– одинаковая вероятность успеха и поражения.

Глобализация приводит к невиданным интеллектуальным потокам, перемещениям «креативного класса», капитала, технологий. Пространственная и профессиональная мобильность становится отличительной чертой интеллектуала, его modus vivendi. При этом инновация требует необычных рисков, поэтому деятельность современного специалиста равновероятно нацелена на успех и поражение, что дает невиданный психологический подъем в творчестве[13].

3. Усиление роли человеческого фактора, а значит, и необратимые изменения в социальной структуре общества.

Характеризуя данный тренд, З. Бауман отмечает: «Общество, вступающее в XXI в., отличается от всех других исторических форм человеческого сосуществования. <…> Принадлежать к “модернити” – значит быть не в силах остановиться, не говоря уж о том, чтобы стоять на месте. Принадлежать “модернити” – значит вечно опережать самого себя, находиться в состоянии постоянной трансгрессии, это значит обладать индивидуальностью, которая может существовать лишь в виде незавершенного проекта»[14]. Еще раньше М. Тетчер констатировала, что нет такой вещи, как общество, что является метафорическим переносом идеи о роли индивидуума в современном мире. Тоффлер также описывал «конец эпохи индустриального общества», где территория, народ и армия играли доминантную роль, соответственно и повышалась, причем линейно, роль фабричного производства и сельского хозяйства.

Сегодня в объеме ВВП развитых стран доля сельского хозяйства сократилась до минимума. Соответственно и численность сельского населения в этих странах резко сократилась (как следствие – депопуляция). Общество будущего уже отошло в структурном отношении от норм того общества, в котором большинство до сих пор живет. Появляется описанное в западной социологии «странное общество» с принципиально иной социальной структурой, как-то: появление «новых пролетариев», новой элиты (эксперты, нетократия), нового креативного класса, меритократия и т. д.

4. Усиление значения творческого и снижение роли неквалифицированного труда, формирования меритократии.

Общество будущего, с точки зрения П. Дракера[15], развивается в следующих направлениях:

– старение населения;
– равенство между знаниями и информацией;
– минимизация сельского хозяйства;
– разрушение пенсионной системы;
– усиление иммиграции;
– минимизация ручного труда.

В западной социологической мысли отмечается усиление (в том числе и интенсивное) интеллектуальных работ, увеличение сферы обслуживания, фактор командной роли, а также появление женщин (как элемент стабильности) во всех сферах общества.

Важно отметить приоритет и доминанту образования, которое, безусловно, является основным фактором формирования современного социального капитала и обратной связи в социальных институтах. Примером могут служить «Города как школы»[16], в которых дети от 13–14 лет обучаются сразу на практике и там же работают без получения среднего образования (фактически они получают диплом об окончании средней школы, но практически не обучаются по стандартным программам). П. Дракер также обращает внимание на важность повышения квалификации и углубления специализации (хотя при этом следует упомянуть и о важности специалистов-универсалов) при непрерывной системе профессионального обучения. Вместе с этим возникает парадокс современного образования: с одной стороны, демократизация образования, расширение доступности, вовлечение

широких слоев, а с другой – установка на индивидуальность, на формирование оригинального, нетривиального знания.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: насколько сейчас и по времени «старая» (в смысле «ныне традиционная») система образования будет соответствовать этим новым нетривиальным задачам? Социология образования достаточно сумбурно отвечает нам сегодня на этот вопрос. Беспомощность социологии объясняется прежде всего тем, что такие важные отраслевые ее дисциплины, как «социология образования» и «социология (теория) элит», имеют различные (обособленные) предметы и теоретические основы своего научного исследования. Каждая из них занимается исключительно своими проблемами, совершенно не вникая в сопредельные с ней темы. По-видимому, будущее должно поставить перед обществом проблему именно «меритократического (элитарного) образования», что заставит социологию, наконец, соединить ее указанные отраслевые направления. Именно такое объединение социологии образования и социологии элит приведет к созданию новой отраслевой дисциплины – «социологии элитарного образования»; как отмечал Т. Адорно, «надо помнить о зависимости всех отдельных индивидов от тотальности, которую они образуют. В ней все зависит от всех»[17].

В последнее время все большую популярность завоевывают идеи меритократии в созданной английским социологом Майклом Янгом[18] концепции. Термин «меритократия» (лат. meritus – достойный и греч. kratos – власть) введен М. Янгом уже в 1958 г. в романе-притче «Возникновение меритократии. 1870–2033» и употреблялся вначале лишь для изучения процесса и выработки практических рекомендаций по улучшению системы образования. После выхода в свет книги американского социолога Даниэла Белла «Становление постиндустриального общества» (1973) понятием «меритократия» стал маркироваться новый принцип управления обществом, позволяющий, по мнению автора, устранить бюрократию и технократию.

Меритократическое общество, по Беллу, – это общество, где каждый получает то, что заслуживает, где индивид поднимается наверх благодаря собственным стараниям и способностям, где социальные неравенства существуют и оправдываются на основе критерия личных достижений. Формой правления данного общества является «власть заслуженных» – меритократия, означающая, что на вершине государственной организации находятся самые умные и самые деловые люди – элита, отобранная по признаку способностей. Дистрибутивные отношения в этом обществе, естественно, воплощают в себе принципы меритократической справедливости, девизом которой является «каждому – по его заслугам», причем приобретенным, во многом заработанным[19].

Создатели теории «элиты заслуги», или «меритократии» (М. Янг, Д. Белл), пытаются соединить элитаризм не только с политической демократией, но и с идеей социальной справедливости. Согласно этой концепции, современное общество идет к господству «усовершенствованной элиты», элиты компетентности, которая объединяет наиболее достойных представителей общества, подчиняться которым не зазорно. Типология элит Д. Белла в общем варианте выглядит следующим образом:

1) *элита крови* (аристократическая элита соответствует рабовладельческому и феодальному, т. е. «доиндустриальным» обществам);

2) *элита богатства* (капиталистическая элита «индустриального общества»);

3) *элита знаний* (соответствует «постиндустриальному обществу»).

В условиях постиндустриального, в некотором смысле «странного общества» экономические отношения оттесняются на второй план и решающую роль начинают играть иные «внеэкономические отношения», на первое место выходит процесс «производства знаний», который приводит к революю-

ции экспертов и менеджеров. Современное социально-экономическое поле нелинейно, дискретно; «детерминизм сводится ныне к свойству, проявляющемуся лишь в отдельных случаях»[20]. Поэтому управление требует иной, активной когнитивной схемы, инновационности и оригинальности. Отсюда и гегемония должна принадлежать в первую очередь элите знаний – самым способным, наиболее полезным в обществе людям, «признанным лучшими в своей сфере», «достойным восхищения», законно пользующимся почетом и престижем. Белл, помимо значения социального консенсуса, вводит также необходимый гарантированный минимум жизненных благ для всех независимо от вклада людей в общественный процесс. Более того, он открыто признает, что такое общество будет опираться на «старый коммунистический принцип»: «От каждого – по способностям, каждому – по потребностям», который он интерпретирует как «усовершенствование» принципа меритократии, актуализацию в современных условиях.

«Принцип меритократии должен проникнуть в университеты, бизнес, правительство. Общество, которое не имеет своих лучших людей во главе его ведущих институтов, есть социологический и моральный абсурд. Это не противоречит принципу честности… Принцип заслуг мне кажется необходимой основой продуктивного общества. Важно, что общество открыто каждому»[21], – настаивал Белл.

5. Знания сотрудников как средство производства.

Новые средства производства очень компактны и могут легко перемещаться. Интеллектуальные работники обеспечивают корпорации «капитал» в том же объеме, что и владельцы-инвесторы. Стороны зависят друг от друга в равной степени. Теперь интеллектуальные работники не собственность корпорации, а равноправные партнеры[22].

Корпоративный рынок профессионалов весьма далек от традиционного управления кадрами. Главное отличие в том, что сотрудники выстраивают свою карьеру и несут за нее персональную ответственность. По сути, каждый сотрудник – это лидер. Проблема в том, что само существование подобного рынка опровергает традиционное представление о том, что высшее руководство «владеет» и полностью распоряжается сотрудниками компании, что в корне меняет трудовые отношения.

Опережающий рост происходит в сфере интеллектуальных технических специалистов: компьютерщиков, разработчиков компьютерных программ, аналитиков, промышленных технологов и новаторов, эти люди в равной мере, в силу характера работы, являются работниками как физического, так и умственного труда. В основе их физического труда лежат глубокие теоретические познания, которые может дать, как уже отмечалось, только серьезное специальное образование.

Как отмечает российский исследователь А.И. Неклесса, «XX век ознаменовался социокультурной революцией, выдвинувшей и продвинувшей в сферу практики ряд новых версий прочтения цивилизационного текста. Секуляризация, выступив как надконфессиональная форма христианского мировоззрения, создала культурную оболочку глобальных пропорций… прямо или косвенно способствуя расцвету мультикультурности, возрождению различных религиозных и культурных кодов, обустроив т. о. пространство открытой конкуренции мировоззренческих систем»[23]. Вместе с тем на этом фоне проистекают не только названные тренды социального развития, но и цивилизационные «сдвиги»: 1) глобализм, универсальность, социальная гомоморфность; 2) становление нового суверена – активной творческой личности, сообществ личностей, получивших доступ к невиданным до сих пор технологическим богатствам. И смешения (комбинация), поневоле, могут дать совершенно неожиданные социальные конструкции и метаморфозы. Устанавливается новая эклектическая культура, свободные ассоциации и гибкие структуры заменяют устоявшиеся институты, социальный транзит

незавершен, постоянно изменяется, что, безусловно, потребует еще дальнейших научных (в первую очередь социологических) построений.

[1] Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 320.
[2] Нейсбит Дж. Мегатренды. М., 2003. С. 22.
[3] См.: Мигдал А.Б. Поиски истины. М., 1978. С. 3.
[4] Подробнее см.: Тоффлер О. Третья волна. М., 2010.
[5] Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 303.
[6] Там же. С. 593.
[7] Bush V. As we may think. Atlantic monthly. VII. 1945: http//www.transatlanic.com/doc//94507/bush
[8] См.: Stehr N. Arbeit, Eigentum und Wissen. Zur Theorie von Wissensgesellschaften. Frankfurt a. M., 1994. S. 36.
[9] См.: Weingart P. Die Stunde der Wahrheit? Vom Verhältnis der Wissenschaft zu Politik, Wirtschaft und Medien in der Wissensgesellschaft. Weilerswist, 2001.
[10] Оруджев З.М. Способ мышления эпохи. М., 2009. С. 361.
[11] См. об этом: Латур Б. Дайте мне лабораторию и я переверну мир // Логос. 2002. № 5-6 (35).
[12] Massumi B. Navigating Movements // Hope, ed. Mary Zournazi. New York, 2002. P. 224. Цит. по: Жижек С. Удары в сердце Империи? // Худ. журн. (Moscow Art Magazine). 2004. № 4 (56).
[13] См. об этом: Мертон Р. Наука и социальный порядок // Личность. Культура. Общество. М., 2000. Т. 2. Вып. 2 (3).
[14] Бауман З. Индивидуализированное общество: Пер. с англ. М., 2002. С. 390.
[15] См.: Дракер П. Управление в обществе будущего. М., 2007.
[16] См.: Эпштейн М. Плоды альтернативного просвещения // Вокруг света. М., 2009. С. 86–95.
[17] Adorno Th. Aufsaetze zur Gesellschaftstheorie wid Methodologie. Frankfurt a. M., 1973. S. 138.
[18] См.: Янг М. Возвышение меритократии // Утопия и утопическое сознание. М., 1991.
[19] Об этом подробнее см.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999. С. 37.
[20] Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопр. философии. 1989. № 8. С. 4.
[21] Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. New York, 1973. P. 454.
[22] См.: Елизаров А.П. Республика ученых: социальное пространство «невидимого общества» // Пространство и время в современной социологической теории / Под ред. Ю.Л. Качалова. М., 2000.
[23] Неклесса А.И. Эпоха постмодерна и новый цивилизационный контекст. М., 2008. № 1 (10). С. 18–19.

Поступила в редакцию 31.05.11.

А.Л. ЛАСТОВСКИЙ,
КАНДИДАТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК (МИНСК)

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТА «СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ» В (ПОСТ)СОВЕТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Рассматриваются пути адаптации концепта социальной мобильности в советской социологии, ограничения и новые задачи, которые задавались для заимствованной теории в новом контексте. Прослеживаются концептуальные изменения в осмыслении социальной мобильности, произошедшие после распада Советского Союза, дается характеристика ее кризисной парадигмы.

The ways of adapting the concept «social mobility» in Soviet sociology are considered, as well as constraints and objectives that were put forward to the borrowed theory in a new context. The conceptual changes in understanding social mobility that took place after the collapse of the Soviet Union are also traced; the crisis paradigm of social mobility is described.

Лидер правых эсеров Питирим Сорокин свою теорию социальной мобильности создавал в том числе и с установкой на преодоление марксистской классовой теории. Естественно, что в западном мире это не вызвало особых препятствий для принятия его взглядов в социологической науке и нарастающей популярности концепции *социальной мобильности*, но существенно осложнило судьбу этого понятия в Советском Союзе.

Теоретический конструкт, вступающий в прямую полемику с трудами Маркса о классовом строении общества, естественно, не мог быть напрямую включен в советскую науку. Тем не менее концепт социальной мобильности оказался полезным и востребованным для советской социологии, хотя путь к его принятию и включению в эмпирические исследования был замысловат и тернист.

Как и в случае многих других западных теорий, траектория восприятия концепта социальной мобильности проходила через первоначальный этап жесткой критики. Вместе с тем именно критика закладывала пути и возможности для ознакомления с основными постулатами и возможностями работ Сорокина. В данном случае значение имели не столько критические аргументы, поскольку они были достаточно стандартными, сколько реальное знакомство с содержанием, без которого не было бы возможно дальнейшее использование этих идей. Собственно, и работы Сорокина, и других западных социологов, работающих над проблематикой социальной мобильности, были маркированы как «буржуазные», что потребовало в первую очередь развенчания их буржуазной сущности.

Примечательно, что одним из центров такой критики теории социальной мобильности стал Институт философии и права АН БССР. Так, в 1977 г. Т.М. Алпеева защитила здесь кандидатскую диссертацию по философии на тему «Критика американской теории “социальной мобильности”», в которой критически анализировалась теория «социальной мобильности» Сорокина. Вместе с тем стоит отметить, что сама критика была достаточно мягкой (для эксплицитно антимарксистской теории), теория «опознавалась как типичный буржуазный подход… исследование Сорокина, не раскрывая сущности социальной мобильности, является поверхностным, абстрактным, односторонним описанием динамики взаимоотношений классов»[1]. Но данная критика скорее напоминает воспроизведение ритуальных формул, которые в те времена являлись обязательными, тогда как само содержание диссертационной работы воспроизводит основные идеи американских социологов.

Еще одной критической работой по западной теории социальной мобильности, защищенной в Институте философии и права АН БССР, стала монография А.С. Круковского «Буржуазные теории социальных перемещений: сущность и функции», в которой основное внимание уделялось критике работ западногерманских социологов. Направление критики было идеологическим по своему характеру, западным социологам приписывалось желание с помощью своих теорий извратить сущность действительных процессов, происходящих в капиталистическом обществе. Утверждалось, что теории социальной мобильности служат целям «прикрытия основных противоречий капитализма, для идейной обработки общественного сознания широких трудящихся масс в интересах буржуазии»[2]. Соответственно сторонники этой теории обвинялись в попытках представить социальное продвижение в качестве важнейшего средства улучшения социального положения каждого работника в капиталистическом производстве.

Естественно, магистральной линией критики теории социальной мобильности стало игнорирование марксистского подхода, что, впрочем, абсолютно верно соответствует интенциям Сорокина. Из этого вытекало и противоречивое отношение к еще одному важнейшему положению теории социальной мобильности – о наличии социальной иерархии в обществе, обусловливающей вертикальную мобильность. Признание существования ярко выраженной социальной иерархии в капиталистическом обществе наталкивалось на серьезные трудности при переносе на общество социалистическое. Согласно марксистскому канону, советское общество рассматривалось как переходная ступень к коммунистическому строю, где полностью сотрутся классовые и социальные различия, и никакой иерархии соответственно быть не может. Для советского общества признавалось наличие классов, но выявление между ними каких-либо отношений власти и подчинения явно выглядело подрывающим устои коммунистической идеологии.

Поэтому постепенная интеграция теории социальной мобильности в советскую науку проходила через предварительный этап критики буржуазных оснований и определенное редуцирование содержания, вытеснение и игнорирование тех концептуальных построений, применение которых для ана-

лиза социалистического общества могло поставить под сомнение марксистский канон. Если в западной социологии исследования социальной мобильности сконцентрировались в первую очередь именно на вертикальном измерении перемещений, то для советских социологов такой шаг мог расцениваться лишь как крамола.

Видение общества как разделенного на классы, различия между которыми будут стираться на пути построения коммунизма, также препятствовало принятию и той части теории социальной мобильности, в которой речь шла о перемещениях по социальной лестнице групп людей. Советские социологи признавали, что в социалистическом обществе могут происходить перемещения в социальном пространстве только индивидов, соответственно речь могла идти только о социальных перемещениях. Поэтому в советской социологической науке понятие «социальные перемещения» длительное время использовалось как заменитель термина «социальная мобильность», созданного в рамках буржуазной теории и требующего дополнительных процедур адаптации при применении в исследованиях социалистического общества.

Вместе с тем исследованиям социальной мобильности придавалось и важное идеологическое значение в качестве весомого аргумента в непрекращающемся соперничестве социалистического и капиталистического строя. Поскольку в исследованиях социальной мобильности проводится анализ реально существующего в обществе социального равенства (в смысле равенства возможностей), то для советских социологов одной из главных задач стало обоснование того, что в буржуазном обществе гораздо четче выражено неравенство, чем в обществе социалистическом. «Результаты сравнительных исследований свидетельствуют о том, что социалистическое общество является гораздо более “открытым” для перемещения, чем общество капиталистическое»[3] – таков был обязательный вывод. Большинство работ по изучению социальной мобильности в советский период имело этот выраженный полемический посыл, направленный на утверждение идеалов социалистического общества как идущего по верному пути исчезновения социального неравенства и классовых различий. Как утверждали М.Н. Руткевич и Ф.Р. Филиппов, социальные перемещения в СССР становятся одной из форм постепенного стирания различий, а вертикальная градация существует постольку, поскольку еще имеется неравенство по степени сложности труда[4].

Еще одним из обходных путей инкорпорации проблематики социальной мобильности в исследовательский арсенал советской науки стало внедрение новых теорий не через центры академической жизни (Москва и Ленинград), а через периферию. Так, одними из первых плодотворно в этом направление стали работать эстонские ученые (М.Х. Титма, Э.А. Саара, А.В. Кирха), еще с 1970-х гг. занявшиеся изучением социальной мобильности молодежи. Первоначальная апробация теории впоследствии привела к распространению теории и методологии как легитимной и в масштабе страны. Так, инициированный именно эстонскими учеными лонгитюдный проект по изучению выбора жизненного пути молодыми людьми «Пути поколения» в 1980-х гг. приобрел всесоюзный размах, и в его реализацию включились социологи из многих советских республик, в том числе и белорусские – Е.М. Бабосов, С.А. Шавель и др. Результатом этого исследования стало выявление интенсивных процессов социальной мобильности среди молодежи, поскольку «во всех рассматриваемых регионах социальное происхождение сильно влияет на приобретение социального положения молодежью, т. е. шансы на мобильность и направление мобильности у молодежи разного социального происхождения различаются существенно»[5].

Уже ко второй половине 1980-х гг. проблематика социальной мобильности стала «нормализованной» для советских ученых и достаточно широко разрабатывалась. Основное внимание при этом уделялось изучению моло-

дежи, соотношения ее ценностей и ориентаций с реальными возможностями для реализации профессиональных устремлений. Естественно, выводы о существовании каких-либо пределов для свободы жизненной реализации сопровождались указанием на их ограниченный и временный характер, и задачей социологов становилось нахождение барьеров, которые еще не были ликвидированы в советском обществе. Одним из аспектов критики западных социологов являлось сведение социальной мобильности к профессиональной. Однако это было справедливо и относительно советских ученых, поскольку они затрагивали лишь трудовую мобильность. Базировались все эти работы на принципах классового подхода, «поскольку общая тенденция развития социологических исследований и их теоретического обобщения с конца 50-х гг. состояла в том, чтобы, опираясь на теорию классов, разработать концепцию стратификации применительно к реально существующему, находящемуся в процессе развития советскому обществу»[6].

Развал Советского Союза и стремительная трансформация структуры общества резко оживили интерес к проблематике социальной мобильности.

Закрытые ранее темы стали интенсивно разрабатываться. Так, вопрос о механизмах формирования правящего класса в советском обществе стал предметом специального рассмотрения В.А. Борисовым[7]. Несмотря на то что название работы («Социальная мобильность в Советской России») ориентирует на более широкий характер процессов социальной мобильности, здесь в первую очередь рассматривается именно проблема создания советской бюрократии. Российский социолог выделяет несколько специфических каналов социальной мобильности, которые возникли в Советском Союзе: использование «выдвиженцев» (новой когорты интеллигенции, ранее оттесненной на другой план), появление народной интеллигенции из рабочих и крестьян, интенсификация мобильности через применение репрессий. Автор утверждает, что в советском обществе существовал всего лишь один-единственный канал социальной мобильности, находившийся под жестким контролем партии, и тот уже в брежневский период был практически заблокирован, что угрожало жизнеспособности всей общественной системы. Политика перестройки Горбачева как раз и была призвана осуществить возврат к высоким темпам социальной мобильности, характерным для Советского Союза добрежневских времен. Результатом стало появление множества «социальных лифтов», которые обладали высокой пропускной способностью и позволяли осуществить прыжок в высшие политические круги, минуя множество промежуточных ступеней. Вместе с тем невозможность полностью контролировать данный процесс (который ранее регулировался через жесткие репрессии) привела к утрате власти КПСС.

С начала 1990-х гг. идеи Сорокина уже не нуждались в предварительной лакировке для последующего применения. Его работы стали переводиться и широко издаваться, а основные положения теории социальной мобильности обязательно излагались во всех учебниках социологии. Но интеграция западных исследований социальной мобильности, развивавшихся во второй половине XX в., оказалась куда более тяжелым мероприятием. Данное направление социологических исследований характеризовалось нарастанием сложности математического аппарата и повышением требований к точности измерений. Как отмечают белорусские ученые О.В. Терещенко и С.В. Сивуха, многочисленные математические модели социальной мобильности и методы анализа таблиц мобильности нашли лишь частичное применение в работах исследователей из стран бывшего Советского Союза[8].

Для ученых с постсоветского пространства овладение этой сложнейшей технологией измерений не стало приоритетным. Обзор основных методологических наработок западных социологов в измерении социальной мобильности (конструирование шкалы мобильности, выбор метода обработки данных, проблемы интерпретации данных) предложила М.Г. Бурлуцкая, но в

своей работе она остановилась на репрезентации уже ставших классическими подходов, не выходя на цели их адаптации к специфическому социокультурному контексту[9]. В России были попытки разработать методологические основания для измерения социальной мобильности, в частности, отметим статью В.Ф. Анурина «Проблема эмпирического измерения социальной стратификации и социальной мобильности»[10]. Опираясь на теорию Сорокина, в которой в социальном пространстве описываются три основных измерения – экономическое, политическое и профессиональное, – российский социолог предложил выделить в каждом из них базовые показатели, которые в дальнейшем могут использоваться в эмпирических исследованиях. Так, экономическое положение индивида или страты можно измерять по: а) доходу, который определяется как сумма средств, получаемая объектом измерения в единицу времени; б) отношению к собственности, которая будет представлять порядковую шкалу, на нижнем конце которой зафиксировано положение наемного работника, а на верхнем – позиция безраздельного собственника; в) роли в организации труда, т. е. в иерархии управленческой деятельности. Для измерения политического подпространства В.Ф. Анурин предлагает использовать следующие переменные и шкалы: а) ранг государственной иерархии, представляющий собой порядковую шкалу от статуса рядового избирателя до реального главы государства; б) партийную принадлежность (хотя в данном случае существуют серьезные проблемы с разработкой координатной оси партийной принадлежности, поскольку иерархия партий выстраивается по многочисленным основаниям); в) ранг партийной иерархии (фиксация уровня престижа индивида в рамках той политической партии, к которой он принадлежит). И наконец, для измерения профессионального статуса предлагаются следующие переменные: а) образование (которое прямо измеряется количеством лет, затраченным индивидом на получение формального образования); б) квалификация (порядковая шкала, на которой зафиксированы отметки, характеризующие официально признанную степень мастерства); в) ранг профессии, под которым подразумевается престиж конкретной профессиональной деятельности в данном социуме для данного времени. Вместе с тем выделение девяти переменных делает крайне сложным и измерение мобильности, и составление общей модели социального пространства.

Гораздо более простая эмпирическая модель измерения социальной мобильности была опробована М.Н. Реутовой для изучения направления и интенсивности межпоколенной мобильности молодежи. Следует сразу оговориться, что она рассматривает исключительно межпоколенные социальные перемещения, где анализировались различия в социальном статусе по гендерным линиям: «отцы – сыновья», «матери – дочери». Таким образом, были разработаны четыре показателя, характеризующие основные направления межпоколенной мобильности: 1) общая интенсивность (степень отклонения статуса детей от статуса родителей); 2) интенсивность восходящей межпоколенной мобильности, где вычисляется соотношение молодых людей, получивших более высокий профессиональный или образовательный статус по сравнению со статусом родителей; 3) интенсивность нисходящей межпоколенной мобильности (более низкий статус) и 4) нулевая интенсивность, характеризующая воспроизводство социального статуса родителей или приобретение молодыми людьми социальных статусов, условно адекватных родительским[11].

Это яркий пример, свидетельствующий о более общей тенденции, распространенной в постсоветской социологии. В эмпирических исследованиях учитывать сложный комплекс из множества переменных становится проблематичным, поэтому на практике социологи все же прибегают к редукции социального пространства, обычно останавливаясь на таких показателях, как доход, престиж профессий и образование. Практически не используется по-

литическое подпространство во многом из-за того, что партийная система в странах бывшего Советского Союза функционирует в режиме, далеком от идеалов либеральной демократии.

Вместо наращивания сложности измерений проблематика социальной мобильности в постсоветском пространстве стала изучаться в ином аспекте, в соотношении с ценностями, установками и идеалами, которые трансформируются при изменениях социального положения индивидов. Наиболее основательно в теоретико-методологическом плане к разработке феномена социальной мобильности как стратегии поведения (т. е. в непосредственной связке с ценностями и установками) подошел украинский социолог С.А. Макеев. Он рассматривает мобильность как значимый выбор индивидами и группами социального и экономического статуса, осуществляемый с учетом наличных условий воспроизводства жизни, ценностей и норм ближайшего социального окружения, представлений о способах и мере удовлетворения потребностей и притязаний. Соответственно центральной для анализа социальной мобильности становится категория поведения. Трактовка мобильности как своеобразной коммуникации между обществом (государственными структурами и хозяйственными механизмами) и индивидом (или группами индивидов) предполагает сложный и комплексный характер исследовательского процесса, реализуемого через совмещение нескольких стратегий. С одной стороны, в сферу исследовательских интересов социолога должно попадать изучение микро- и макросоциально-экономических условий, формирующих конкретную степень предрасположенности к мобильности, с другой стороны, важной задачей является обогащение знания о мобильных индивидах, анализ изменений в их ценностях, потребностях, интересах. «Мобильность как поведение оказывается средством изучения индивидов – их установок, восприимчивости к предложенным условиям жизнедеятельности, сопротивляемости или податливости принудительной силе обстоятельств»[12].

В схожем ключе подошел к рассмотрению социальной мобильности и М.Ф. Черныш, в своих исследованиях он обращается к связи различных типов перемещений человека по социальной лестнице с изменением его общих мировоззренческих установок. Анализируя потоки социальной мобильности в 1985–1993 гг., он выделяет две явно мобильные группы – нисходящую и восходящую – и рассматривает мировоззренческие изменения в этих группах. В результате выявлено, что «среди тех, кто шагнул вверх по социальной лестнице, самоидентификация выражена ярче и потребность в ней сильней, чем в нисходящей группе. Особенностью восходящей группы является активный поиск идентичности в рамках “средних групп” – поколения, профессиональной группы и т. д. Жизненный неуспех толкает человека на приватизацию частной жизни, уединение в кругу близких родственников, а также, отчасти, в кругу коллег»[13]. Таким образом, выявлено бесспорное влияние мобильности на массовое сознание, восходящая мобильность стимулирует поиск новых ценностей, нисходящая же приводит к переориентации структуры ценностей на микрогруппу и прежде всего семью.

Российский социолог Т.З. Голенкова предлагает при изучении социальной мобильности ставить во главу угла такое понятие, как стиль жизни, связанное с жизненными возможностями, которые, в свою очередь, определяются рынком труда. Используя эти возможности, человек формирует свой стиль жизни, состоящий из компонентов потребительского и культурного характера. «В стабильном обществе, каковым, как можно надеяться, в скором времени станет Россия, стили жизни сложатся в определенную типологию. Внутри каждого типа можно будет выявить степень продвижения людей к важным для них жизненным целям. Именно это покажет, насколько успешно идут дела в обществе в целом, и позволит уйти от традиционных форм измерения мобильности, при которых одни критерии успеха прилага-

лись ко всем гражданам, кто бы они не были, какие бы позиции не занимали»[14]. Здесь также отчетливо видна установка на отход от жестких классификаций к более «мягким» методам социологического исследования, ориентированным на вариативность и изменчивость субъективных оценок, в том числе и продвижения по социальной лестнице.

Распад коммунистической идеологии и структурообразующих принципов советского общества привел к резкому слому сложившихся социальных отношений, в постсоветском пространстве на руинах прежней системы начали формироваться новые формы социальных и культурных иерархий. Поскольку социологи традиционно оценивают социальную структуру с учетом нескольких критериев, где «объективные» социально-экономические показатели дополняются «субъективными» оценками престижа, то исследователи социальной мобильности в начале 1990-х гг. столкнулись с очень сложными задачами. Как зафиксировала эту ситуацию в 1995 г. И.В. Мостовая, «мы свидетели бурного, масштабного, интенсивного во времени социального переструктурирования, в котором сочетаются элементы разной степени динамичности, продолжительности, охвата социального пространства, качественной определенности»[15]. Измерять перемещение по ступенькам социальной иерархии в стабильном обществе гораздо проще, чем в таком пространстве, где масштаб изменений тотален, темп быстр, а перспективы неясны. «Традиционные методы измерения социальной мобильности малопригодны в условиях, когда между собой сталкивается старая социальная структура, характеризуемая прежде всего должностными деноминаторами, и новая, возникающая в иных измерениях»[16]. Дополнительные сложности создавались тем, что различные критерии формирования социальной структуры имеют и разную скорость изменений, и темп адаптации субъективных оценок к ситуации трансформации значительно запаздывает. Соответственно многие социальные группы резко утратили свои позиции по социально-экономическим показателям (уровень зарплат и т. п.), тогда как уровень социального престижа этих групп снижался с гораздо более медленной скоростью. Например, научные работники из привилегированной группы в советском обществе после 1991 г. по уровню доходов опустились ниже среднего, но престиж науки падал гораздо медленнее.

Радикально изменилась не только социальная структура общества, но и каналы вертикальной мобильности. Как утверждает Е.М. Авраамова, «сложившийся в России тип вертикальной мобильности не носит “классически” рыночного характера, при котором денежный доход является прямым следствием позиции на статусной лестнице, достигнутой вследствие определенного уровня образования и квалификации»[17]. Путь наверх определяется наличием связей и денег, что скорее препятствует социальной мобильности как таковой.

Идеологическая функция, которая была свойственна исследованиям социальной мобильности в советское время (утверждение справедливого характера советского общества, где реализована более высокая степень социального равенства, чем в обществе капиталистическом), стала рудиментарной после распада Советского Союза и встречается только в работах небольшого круга социологов, сохранивших верность классовому подходу (М.Н. Руткевич и др.). Но для исследований социальной мобильности после распада Советского Союза характерно определенное единство установок, задающих социальное значение интерпретации результатов в рамках общей оценки развития общества, которую можно назвать кризисной парадигмой. Коротко ее можно охарактеризовать следующим образом: трансформация социальной структуры постсоветских государств определяется увеличением потоков нисходящей социальной мобильности и усилением социального неравенства. Но следует отметить, что периодом расцвета критического осмысления процессов социальной мобильности стали 1990-е гг., тогда как в последнем десятилетии XX в. этот подход себя исчерпал.

Наиболее отчетливо кризисная парадигма раскрыта в коллективной монографии «Социальная мобильность и социальное расслоение», изданной Институтом социологии РАН в 1999 г. Общая оценка российского опыта социальных изменений отражает крайне критический взгляд и утверждает представление о скоротечной нисходящей мобильности целой нации. Следствием реформ, по мнению Т.З. Голенковой, стал глубочайший кризис государственности, неуправляемый процесс приватизации материальных ресурсов, и, как следствие, все более заметная социальная дифференциация. При применении для анализа категории «жизненного стиля» ситуация в российском обществе выглядит совсем неутешительно: «…большая часть людей все еще прозябает в условиях, когда их жизненные возможности минимальны, а жизненные цели нереализуемы»[18].

Анализируя потоки социальной мобильности в России в 1985–1993 гг., Р.Г. Громова приходит к подтверждению первоначальной гипотезы о том, что для постсоветской России характерно преобладание нисходящей социальной мобильности как на индивидуальном, так и на групповом уровне. Нисходящая мобильность в этот период приобрела массовый характер и была доминирующей. Однако реальные изменения в социальном статусе при отражении этих процессов в общественном сознании были еще более радикальными. Как отмечает российский социолог, именно пессимизм оказался «реальным» фактором, определяющим ситуацию в обществе в условиях трансформации[19].

Нарастание нисходящей социальной мобильности российские социологи фиксируют для различных социально-демографических групп. Так, Г.Г. Силласте, анализируя женскую занятость и экономическое поведение в современной России, приходит к выводу, что «после августовских событий 1998 г. массовым стало нисходящее социальное перемещение женщин, приводящее к снижению их должностного и профессионального статусов»[20]. Как показывают исследования, у среднего класса в российском обществе выражена высокая социальная мобильность, но при этом у большей части дореформенного среднего класса она имеет нисходящий характер, а восходящая социальная мобильность выражена слабее[21].

Среди российских ученых К.С. Ерохина также фиксирует их *патологическую* мобильность, которая означает потерю научного потенциала и в первую очередь – уход из науки в другие сферы деятельности. Еще более усложняет ситуацию тот факт, что миграционная мобильность в России носит ярко выраженный эмиграционный характер и часто становится безвозвратной (отсутствует обратный поток). Поэтому если в странах Западной Европы и США повышенная социальная мобильность рассматривается как основание эффективности научной деятельности, то диспропорциональность потоков мобильности в России приводит к разрушению человеческого потенциала науки, что требует принятия неотложных мер государственного регулирования[22].

Обсуждая проблемы образования, традиционно считающегося одним из основ социальной мобильности, создающим наиболее благоприятные условия для изменения индивидуального статуса, участники круглого стола «Образование как фактор социальной дифференциации и мобильности» отметили, что в современной России образование скорее закрепляет социальное неравенство и тем самым сужает возможности профессиональной и других форм мобильности. Собравшиеся практически единодушны были во мнении, что в России институт образования весьма далек от идеала равенства шансов (на который претендовало советское общество), наоборот, фиксируется тенденция нарастания неравенства, усиления социальной дифференциации образования по материальному положению семей, «вымывания» слабых в социальном отношении групп из сферы образования вообще[23].

Очевидно, что такие проблемы стоят не только перед российским обществом, но являются общими для стран бывшего Советского Союза. Так, украинский ученый Е.В. Астахова отмечает, что в странах СНГ институт образования утрачивает свою традиционную роль основного канала социальных перемещений. Сама система образования теряет свою массовость и доступность, и одновременно распространяются элитные учебные заведения. «Следовательно, положение индивида в обществе, возможности для его успешного продвижения по служебной лестнице определяются качеством полученного образования, во многом связанного с престижем учебного заведения. Но вместе с тем в качестве каналов вертикальной циркуляции индивидов все больше выступают такие из них, как социально-экономический статус, членство в политических, общественных организациях, личные связи»[24].

Отголоски кризисной парадигмы в исследованиях социальной мобильности заметны и в коллективной монографии «Социальная структура, мобильность, идентификация». А.В. Рубанов, автор главы, посвященной изучению социальной мобильности, также отмечает, что по одному из важнейших индикаторов экономического статуса индивидов – реальные денежные доходы – наблюдается неуклонное снижение экономического статуса большинства людей. Фиксируется неоднозначность происходящих изменений в экономической и политической сфере, где заложенные образцы демократизации и либерализации оказываются реализуемыми в далекой от идеала форме. Соответственно общая оценка населением происходящих в стране перемен как идущих в направлении к большей несправедливости также весьма критическая[25].

Таким образом, концепт социальной мобильности оказался привлекательным и востребованным для социологов и в СССР, и на постсоветском пространстве. Адаптация теории социальной мобильности была чрезвычайно сложной, очевидно, ввиду многих теоретических посылок, явно противоречащих ортодоксально марксистскому пониманию общества. Судьба этой теории схожа со многими «буржуазными» теориями, подвергавшимися целенаправленной и массированной критике со стороны советских ученых, которые таким противоречивым образом впитывали новые идеи и концепции. Концепт социальной мобильности стал респектабельным и эмпирически затребованным во второй половине 1980-х гг., во многом отражая более широкие процессы укоренения в советском обществе социологической науки как таковой.

Можно отметить и очевидные различия в судьбе этого понятия в западной и постсоветской социологии. Если западные ученые (в первую очередь американские) увлеклись задачами усовершенствования технологии измерения социальных перемещений, все более уходя в дебри математических тонкостей, то данный методологический аппарат оказался практически не востребован учеными из стран бывшего Советского Союза. Вместо «жесткой» версии изучения социальной мобильности, когда акцент ставится на надежность получения и интерпретацию данных, более востребованной оказалась «мягкая» гуманитарная версия, изучающая изменения в ориентациях, мировоззренческих установках, адаптивных стратегиях, жизненных стилях, которые вызывает перемещение вверх или вниз по социальной лестнице.

Другая важнейшая тенденция в исследованиях социальной мобильности – уклон во все большее расширение международных исследований, позволяющих сравнивать ситуацию с социальной мобильностью (и более широко – с социальным неравенством) в различных странах, – также не получила широкого применения. Несмотря на опыт участия в различных компаративных исследованиях (например, «Социальная стратификация в Восточной Европе»), для ученых с постсоветского пространства по-прежнему актуальной остается задача более полной интеграции в международное научное поле. Соответственно ощущается серьезный недостаток в валид-

ной эмпирической модели, которая могла бы быть применена для изучения процессов социальной мобильности как в отдельных странах, так и в более широкой, международной перспективе.

Исследования социальной мобильности в разные времена и в разных обществах всегда выполняли идеологические функции – как легитимации существующего общественного строя, так и его критики. В советское время первые работы, посвященные проблематике социальной мобильности, как раз и осуществляли такое «высокое» предназначение – утверждать превосходство социалистического общества перед западным (как реализующего идеалы справедливости и равенства). В 1990-е гг. вместе с распадом коммунистической идеологии возобладала кризисная парадигма, фиксирующая катастрофические потоки нисходящей социальной мобильности и резкое усиление социального неравенства в постсоветских обществах. Признавая определенную роль настоящей парадигмы в объяснении общественных процессов, все же следует сказать, что на данный момент она практически исчерпала свой эвристический и интерпретационный потенциал. Но новые общие рамки для истолкования эмпирического материала, которые могли бы придать социальную значимость полученным данным и встроить его в процессы общественного самопонимания и самоосмысления, пока имеют туманные очертания.

[1] Алпеева Т.М. Критика американской теории «социальной мобильности»: Автореф. дис. … канд. филос. наук. Мн., 1977. С. 7–8.

[2] Круковский А.С. Буржуазные теории социальных перемещений: сущность и функции. Мн., 1979. С. 135.

[3] Социальная мобильность городского населения. М., 1985. С. 5.

[4] См.: Руткевич М.Н., Филиппов Ф.Р. Социальные перемещения. М., 1970.

[5] Жизненные пути одного поколения / Под ред. М.Х. Титма. М., 1992. С. 85.

[6] Руткевич М.Н. О социальной структуре советского общества // Социс. 1999. № 4. С. 22.

[7] См.: Борисов В.А. Социальная мобильность в Советской России // Социс. 1994. № 4. С. 114–117.

[8] См.: Терещенко О.В., Сивуха С.В. Социальная мобильность и социальная стратификация: основные понятия и подходы // Социология. 1998. № 4. С. 81.

[9] См.: Бурлуцкая М.Г. Проблемы измерения социальной мобильности // Рубеж. 1998. № 12. С. 144–157.

[10] См.: Анурин В.Ф. Проблема эмпирического измерения социальной стратификации и социальной мобильности // Социс. 1993. № 4. С. 87–96.

[11] См.: Реутова М.Н. Направления и интенсивность межпоколенной мобильности молодежи // Там же. 2004. № 6. С. 139–142.

[12] Макеев С.А. Социальная мобильность как поведение: Автореф. дис. … д-ра социол. наук. Киев, 1991. С. 26.

[13] Черныш М.Ф. Социальная мобильность и массовое сознание // Социс. 1995. № 1. С. 137.

[14] Социальное расслоение и социальная мобильность / Ред. З.Т. Голенкова. М., 1999. С. 76.

[15] Мостовая И.В. Российское общество: социальная стратификация и мобильность. Ростов н/Д., 1995. С. 123.

[16] Социальное расслоение и социальная мобильность. С. 74.

[17] Авраамова Е.М. Социальная мобильность в условиях российского кризиса // Общественные науки и современность. 1999. № 3. С. 5–12.

[18] Социальное расслоение и социальная мобильность. С. 76.

[19] См.: Громова Р. Социальная мобильность в России: 1985–1993 годы // Социол. журн. 1998. № 1. С. 15–39.

[20] Силласте Г.Г. Изменения социальной мобильности и экономического поведения женщин // Социс. 2000. № 5. С. 30.

[21] См.: Тихонова Н.Е. Российский средний класс: особенности мировоззрения и факторы социальной мобильности // Там же. № 3. С. 13–23.

[22] См.: Ерохина К.С. Социальная мобильность ученых и проблемы ее государственного регулирования // Там же. 2008. № 9. С. 85–93.

[23] См.: Образование как фактор социальной дифференциации и мобильности // Там же. 2003. № 5. С. 89–100.

[24] Астахова Е.В. Высшее образование как фактор социальной мобильности в современном обществе // Методология, теория и практика социологического анализа современного общества: Сб. науч. работ. «Харьковские социологические чтения» за 2001 г. Режим доступа: www.sociology.kharkov.ua/docs/chten_01/astahova01.doc

[25] См.: Шавель С.А., Смирнова Р.А., Рубанов А.В. Социальная структура, мобильность, идентификация. Мн., 1998.

Поступила в редакцию 21.06.11.

А.Г. ЗЛОТНИКОВ,
КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ (ГОМЕЛЬ)

ДОСТИЖЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

Анализируются проблемы демографического развития Беларуси в послевоенный период. Дается характеристика социальных, экономических, политических и идеологических факторов возрождения демографической науки. Выявляется взаимосвязь демографических исследований с практическими нуждами экономики. Рассматриваются взгляды и вклад в демографическую науку Беларуси А.А. Ракова, Я.И. Рубина, Л.П. Шахотько и других ученых. Показывается актуальность демографических исследований 1970–1980-х гг. для современной демографической науки.

The problems of demographic development of Belarus in the postwar period are analyzed. Social, economic, political and ideological factors of the demographic science revival are described. The interrelation between demographic researches and practical needs of economy is revealed. The views expressed by A.A. Rakov, Ja.I. Rubin, L.P. Shahot'ko and other scholars and their contribution to demographic science of Belarus are considered. The demographic researches carried out in the 1970–80s are proved as actual ones for modern demographic science.

Если в дореволюционные и довоенные годы демографические процессы привлекали внимание лишь отдельных исследователей, да и то этот анализ осуществлялся попутно, то в послевоенные годы, а сегодня в особенности, демографические проблемы становятся едва ли не центральными во многих отраслях науки и сферах общественной жизни. Изучение демографических проблем в Беларуси возобновилось в 1950-х гг. Сначала этот процесс носил эпизодический характер. Систематические исследования в области демографии начались после проведения Всесоюзной переписи населения 1959 г., когда появилась соответствующая информационная база и этой работой стали заниматься как отдельные ученые, так и целые коллективы. Проблемы народонаселения в основном изучали преподаватели (и студенты, выполнявшие сначала курсовые, а затем и дипломные работы) географического факультета БГУ. Их интересовали вопросы экономической географии и размещения производительных сил. Из их среды позже выросли крупные исследователи проблем народонаселения Беларуси.

С 1963 г. центром таких исследований стал Научно-исследовательский институт экономики и экономико-математических методов планирования (НИИЭМП) при Госплане БССР, ныне это Научно-исследовательский экономический институт (НИЭИ) Министерства экономики Республики Беларусь. В 1960–1970-е гг. сотрудники отдела населения и трудовых ресурсов института под руководством А.А. Ракова исследовали проблемы соотношения экономического развития и демографических процессов в целом, а также отдельных демографических проблем, таких как рождаемость, смертность, миграция. Одновременно началась разработка системы демографических моделей и математических программ по народонаселению в целом по республике и в разрезе отдельных областей и г. Минска, составлялись региональные прогнозы населения. В других подразделениях института (Я.М. Александрович, А.В. Богданович) стали анализироваться проблемы урбанизации, развития больших и малых городов, сельского расселения, развития и размещения производительных сил Беларуси и областей.

Этот интерес к демографическим проблемам был вызван рядом объективных социальных, экономических и политических причин. Во-первых, к концу 1950-х гг. в трудоспособный возраст вступило население, родившееся в годы Великой Отечественной войны. А так как рождаемость, особенно в европейской части СССР, в военный период была низкой, в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в трудоспособный возраст вошло меньшее по численности поколение, то возникли проблемы обеспечения рабочей силой промышленных предприятий и призыва в ряды Вооруженных сил СССР. Возникли и проблемы комплектования старших классов в средней школе и занятости преподавателей.

Именно для того, чтобы не допустить сокращения численности учителей старших классов, средняя школа в срочном порядке на несколько лет была переведена с десятилетнего среднего образования на одиннадцатилетнее. А для обеспечения призыва в ряды вооруженных сил, с одной стороны, и обеспечения трудовыми ресурсами экстенсивно функционирующей экономики – с другой, ввели ограничения для выпускников средних школ для поступления в вузы – на первый план в числе критериев приема в вузы стали не столько оценки, сколько наличие двухлетнего трудового стажа. Для абитуриентов-выпускников школ выделяли 25 % мест, а для «стажников» – 75 %. В результате целому поколению мужского населения на 5–6 лет, а многим – и на оставшуюся жизнь, ибо они уже не могли конкурировать с новым поколением выпускников, – были поставлены преграды в получении высшего образования.

В середине 1960-х гг. в трудоспособный возраст вступило послевоенное поколение, родившееся в период послевоенного «бума» рождаемости, средняя школа вернулась к десятилетнему среднему образованию. В 1966 г. экономическая и социальная сферы столкнулись сразу с двумя выпусками средней школы – с одиннадцатилетним и десятилетним образованием. В вузах отменили квоту выпускникам школ и «стажникам»: на первый план выступили оценки абитуриентов, а при их равенстве стал учитываться и стаж работы. Был сокращен и срок службы в вооруженных силах с 3 до 2 лет. Все это выявило значимость демографических проблем.

В связи с приближающимся 20-летием начала Второй мировой войны и Великой Отечественной войны стала актуальной задача определения истинных людских потерь СССР. А для Беларуси эта проблема была наиболее болезненной. Вышедший в СССР в 1957 г. сборник статей немецких ученых «Итоги Второй мировой войны» еще более ее актуализировал. В этом сборнике немецкий профессор Г. Арнтц в статье «Людские потери во Второй мировой войне» оценил людские потери СССР в 20 млн чел., что значительно превысило объявленную в начале 1946 г. И. Сталиным цифру в 7 млн чел.[1]

После XX съезда КПСС, на котором был подвергнут критике культ личности Сталина, с одной стороны, встала проблема определения демографических потерь от репрессий, а с другой – в науке была провозглашена политика преодоления начетничества, догматизма, цитатничества и субъективизма.

В 1956 г. в связи с отменой Указа Президиума Верховного Совета СССР от 1 сентября 1939 г., запрещавшего увольнения рабочих и служащих по собственному желанию, в экономике страны выросла текучесть кадров, нерегулируемая миграция, что создало объективную потребность в исследованиях этих процессов. И демография, и социология оказались как никогда востребованными и получили возможность возрождения.

В 1963 г. в ведущем идеологическом журнале «Коммунист» (№ 17) было опубликовано письмо Бронислава Яковлевича Смулевича «О двух забытых областях марксистской социологии». Этими «забытыми» областями науки оказались социальная гигиена и демография. Это письмо Б. Смулевича и материалы совещания, организованного для его обсуждения, имели исторический резонанс и способствовали возрождению демографии в

СССР в 1960-е гг. Можно сказать, что после своей реабилитации бывшего белоруса, реабилитации социологии была реабилитирована и демография.

Первыми научными трудами послевоенного периода, в которых нашли отражение проблемы демографической тематики, стали: «Города и села Белорусской ССР» (1959 г.), «Города Белоруссии. Краткий экономический очерк» (1967 г.), Н.Г. Юркевича «Семья в современном обществе» (1964 г.) и «Современная семья. Функции и условия стабильности» (1970 г.). Вообще, семья как предмет изучения позволяет выявить связи и общие интересы философов, социологов, демографов, историков, этнологов, психологов, юристов, медиков, что дает возможность им найти общие точки соприкосновения, а также выйти в своих исследованиях на более высокий уровень. И семейная тематика для блюстителей идеологии того времени являлась менее взрывоопасной, тем более, что в работах Н.Г. Юркевича семья в основном рассматривалась через призму правовых документов.

В НИИЭМП при Госплане БССР под руководством А.А. Ракова, ставшего на длительные годы признанным лидером белорусской демографии, плодотворно работали Л.И. Маськов, А.Н. Пешкова, Я.И. Рубин, Л.Е. Тихонова, Л.П. Шахотько и др. Именно эти ученые осуществили прорыв в науке в деле развития демографической тематики. Собственно демографическими, пионерскими стали работы сотрудников этого отдела в выпускаемых НИИЭМП при Госплане БССР ежегодных сборниках научных трудов «Проблемы трудовых ресурсов и народонаселения». В 1970–1976 гг. в сборниках был опубликован ряд содержательных статей ведущих ученых республики – А.А. Ракова, Я.И. Рубина, Л.И. Маськова, Л.П. Шахотько, А.Н. Пешковой, М.М. Коробенковой, А.М. Матвеевой, А.В. Богдановича и др., ставших первым вкладом в разработку актуальных теоретических и практических демографических проблем белорусского общества.

Важную роль в развитии современной демографической науки в Беларуси сыграл Всесоюзный симпозиум «Производственная деятельность женщин и семья», проведенный в 1969 г. на базе БГУ им. В.И. Ленина, организаторами которого стали и белорусские ученые Н.Г. Юркевич, С.Д. Лаптенок, З.М. Юк. На симпозиуме широко обсуждались вопросы демографического развития, комплексного рассмотрения демографических проблем во взаимосвязи с проблемами других наук – философии, морали, права, социологии, экономики, медицины. В 1972 г. в Минске состоялась научно-теоретическая конференция «Воспроизводство и использование трудовых ресурсов Белорусской ССР». Эта конференция по кругу проблем и составу участников вышла далеко за рамки внутриреспубликанской. Среди участников конференции были широко представлены ученые не только НИИЭМП при Госплане БССР, но и Белорусского филиала НИИ труда, институтов экономики и философии АН БССР, БГУ, а также практические работники Госплана БССР, Комитета по труду БССР и ЦСУ БССР.

Свидетельством высокого уровня демографических исследований в Беларуси явилось проведение в Бресте по линии Министерства высшего и среднего специального образования СССР с участием МГУ им. М.В. Ломоносова и Центра МГУ по изучению проблем народонаселения 1-й Всесоюзной научной школы по проблемам народонаселения «Управление процессами развития народонаселения в развитом социалистическом обществе» (27 мая – 2 июня 1979 г.). Наряду с ведущими демографами Советского Союза доклады представили и белорусские ученые: А.А. Раков «Проблемы развития и функционирования трудовых ресурсов села на современном этапе» (совместно с А.И. Карповским), А.Н. Пешкова «Тенденции миграционных процессов и некоторые вопросы управления ими (на примере БССР)» и Л.П. Шахотько «О демографической политике в области рождаемости».

Доклады белорусских демографов были представлены в работе и следующих Всесоюзных демографических уже не школ, а семинаров по про-

блемам народонаселения: 2-го – в Одессе, 3-го – в Йошкар-Оле и последнего 4-го – в Ташкенте, а также и на исторических международных научных конференциях и конгрессах. Это – Третья Всемирная конференция по народонаселению (Бухарест, август, 1974 г.), Международная научная конференция демографов социалистических стран «Преобразования в народонаселении и общественная политика» (Варшава, октябрь 1977 г.) и Международная демографическая конференция в Китае (Пекин, 1979 г.), на которых Беларусь представлял А. Раков.

Причем в Бухаресте А.А. Раков в силу организационных обстоятельств, по сути дела, взял на себя ответственность за работу советской делегации. Позже оказалось, что именно такая консолидированная позиция сводной советской делегации, тон которой определил А.А. Раков и которую поддержали и демографы других социалистических стран, позволила принять позитивные документы бухарестского конгресса, который отразил Всемирный план действий в области народонаселения.

К этому периоду относится и защита (1969 г.) первой кандидатской диссертации в Беларуси по демографическим проблемам Я.И. Рубиным на тему «Проблемы роста населения в ее антимальтузианской трактовке на Западе (Анализ и критика современных взглядов ученых-неомарксистов)» в совете по экономическим наукам БГУ. Также были защищены кандидатские диссертации по демографии Л.П. Шахотько («Социально-экономическое исследование рождаемости в Белорусской ССР», Белорусский государственный институт народного хозяйства им. В.В. Куйбышева, 1971 г.), Л.И. Маськовым («Экономико-статистическое исследование смертности населения Белоруссии», Ленинградский финансово-экономический институт им. Н.А. Вознесенского, 1975 г.), Л.Е. Тихоновой («Социально-экономические аспекты миграции населения БССР», Институт социологических исследований АН СССР, 1982 г.), А.К. Легчиловым («Старение населения и использование труда пенсионеров в народном хозяйстве республики (на материалах БССР)», ИСИ АН СССР, 1984 г.). Все они представляли демографическую школу А.А. Ракова в НИИЭМП при Госплане БССР.

Кроме этого, были защищены кандидатские диссертации ученых Беларуси, представлявших другие научные организации: С.С. Ткаченко «Источники обеспечения рабочей силой промышленных предприятий в малых и средних городах БССР» (ИЭ АН БССР, 1972 г.), А.Г. Злотникова «Социально-экономические проблемы регулирования текучести рабочих промышленности (на материалах промышленности городов Белорусской ССР)» (ИСИ АН СССР, 1978 г.), Н.И. Кунгуровой «Экономико-демографические особенности занятости женщин в развитом социалистическом обществе» (МГУ, 1980 г.). Уже сам перечень советов и городов, где защищали диссертации белорусские ученые демографы и социологи, свидетельствует о растущем авторитете белорусской экономической и социологической демографической школы.

Высокий уровень демографических разработок НИИЭМП объясняется прежде всего тем, что работы ученых института были ориентированы на практические запросы Госплана БССР в деле обоснования перспектив развития и размещения производительных сил страны, что требовало и соответствующих теоретических исследований. И это сочетание теоретических разработок и требований социально-экономической практики выступило основой высокого качества демографических исследований еще на этапе становления современной демографической науки в Беларуси.

Важной вехой в развитии национальной демографии является объемная и фундаментальная монография А.А. Ракова «Население БССР» (1969 г.)[2], поскольку она была первой работой по региональной демографии и потому стала настольной книгой для специалистов этого профиля всего Советского Союза. В ней целостно освещалось демографическое состояние одной из

советских республик (БССР). Именно эта работа положила начало (в терминологии советских времен) региональным аспектам демографического развития СССР. С нее начинается собственно демографическая наука современных независимых государств на постсоветском пространстве, ибо, кроме богатого фактологического материала, она содержала и интересные суждения научного и практического плана, стала источником не только информации, но и методологии и методики современного демографического анализа. Так что белорусская демографическая наука, которая в дореволюционный и послереволюционный период на порядок отставала, например, от украинской, в 1960–1970-х гг. заняла достойное место в советской науке.

В этой насыщенной богатым систематизированным фактологическим материалом работе А. Раковым впервые дана комплексная социально-экономическая характеристика демографических процессов страны за полувековую историю: характеристика процессов воспроизводства населения и миграционных процессов, половозрастной структуры, профессионального и национального состава населения, его размещения по территории, включая важнейший демографический фактор – распределение населения в разрезе городской и сельской местности. Эти явления представлены не только в укрупненном плане, но и в разрезе различных региональных общностей. Вместе с тем в этой работе (но это не вина автора, а беда ученых, не имевших тогда возможности обнародовать собранные данные) анализ отдельных демографических процессов был неполным. В связи с этим напомним, что диссертация Л.Е. Тихоновой «Социально-экономические аспекты миграции населения БССР» защищалась под грифом «Для служебного пользования». Потому характеристика и данные о масштабах основных миграционных потоков Беларуси – между сельской и городской местностью во внутриобластном и внутриреспубликанском движении населения в разделе «Миграция»[3] практически отсутствовали. Миграционное движение населения Беларуси дано в разрезе межреспубликанской миграции. Конечно, А.А. Раков и другие ученые, исследуя миграционные процессы, находили выход: на основе данных об уровнях рождаемости и смертности, а также численности населения областей, отдельных городов и районов на начало года делали расчеты об объемах миграции – положительном или отрицательном сальдо миграционного движения тех или иных регионов.

Уже тогда белорусскими демографами был сделан важный, являющийся актуальным и ныне экономико-социологический вывод: «Чтобы избежать напряженности трудового баланса в республике в 1980 г. и в последующие годы, уже сейчас надо иметь в виду, что сохранение существующих темпов экономического развития БССР диктует необходимость существенного повышения прироста производительности труда за счет технического прогресса»[4].

Этот вывод о необходимости перехода к интенсивному развитию экономики существенно отличается от предложений более чем сорокалетней давности М.В. Довнар-Запольского, ратовавшего за экстенсивный путь белорусской экономики. Значительный рост трудового потенциала в начале XX в. и экономического потенциала того времени требовал экстенсивного развития, чтобы обеспечить занятость населения. Напряженность с трудовым потенциалом в последней трети XX в. требовала уже интенсивного развития белорусской экономики. Но, несмотря на разные выводы, и А.А. Раков, и М.В. Довнар-Запольский в своих обоснованиях для Госплана БССР исходили из одной методологической установки – сложившихся демографических процессов.

В 1974 г. была издана небольшая брошюра А.А. Ракова «Белоруссия в демографическом измерении»[5]. Правда, на полках книжных магазинов она не появилась, хотя и вышла не только для того периода, но и для последующих и нынешних времен большим тиражом – 20 тыс. экз., потому что была издана «Библиотекой газеты “Голас Радзімы”», выпускающейся для

соотечественников, живших за границей. Она стала знаменательной вехой в отечественной демографической мысли – именно из нее ученым и специалистам всего мира стало известно о существовании в Беларуси демографической науки. В теоретическом плане ее ценность состоит прежде всего в том, что в ней была применена методология построения непрерывного ряда численности населения Белорусской ССР, включая и военный период, исчисления людских (прямых и косвенных) потерь Беларуси в Великой Отечественной войне. Потому и сегодня эта работа бесценна, особенно в борьбе с теми, кто пытается приуменьшить исторические заслуги белорусского народа в жестокой схватке с фашизмом.

Следующие демографические публикации ученых госпланновского института были посвящены анализу отдельных демографических явлений – рождаемости (Л.П. Шахотько), миграции и занятости (А.Н. Пешкова), демографическим проблемам села (А.А. Раков), мировым проблемам «демографического взрыва», демографического оптимума (Я.И. Рубин).

В монографии Л.П. Шахотько «Рождаемость в Белоруссии» (1975 г.)[6], основывающейся на солидных статистических и архивных данных, рассмотрена динамика и эволюция рождаемости в стране за почти столетний период. Впоследствии она была положена в основу кандидатской диссертации автора. Эта солидность эмпирических статистических данных стала фирменным знаком и всех последующих ее работ. Л.П. Шахотько выявила постоянную тенденцию снижения уровня рождаемости, начавшуюся с конца XIX в., которая корректировалась историческими событиями, выпавшими на долю Беларуси. Эти события (революция, войны, резко сменяющиеся периоды экономических преобразований) маскировали общую тенденцию снижения рождаемости, которая в условиях стабильного периода стала доминантой демографического развития страны. Но главный упор Л.П. Шахотько делала на собственно демографические аспекты тенденции снижения уровня рождаемости – структурные изменения в половозрастной и брачной структуре населения, изменения ценностных ориентаций, противоречия в расширении масштабов занятости и выполнении функций материнства. Уже тогда автор предупреждала о возможных негативных социальных, экономических, морально-этических и даже генетических последствиях снижения рождаемости.

Л.П. Шахотько осознавала, что только статистической информации для проникновения в суть социально-экономических аспектов рождаемости недостаточно. И потому в аннотации она указывала, что анализ осуществляется «на основе богатого статистического материала, данных архивов и социологических исследований». Но материалов этих социологических исследований в монографии не было. Это последнее утверждение автора отражало не только дань моде на социологию, но и было свидетельством растущей значимости социологического осмысления социально-экономической проблематики вообще и демографической в частности.

В следующей монографии «Воспроизводство населения Белорусской ССР» (1985) Л.П. Шахотько расширяет горизонт анализа демографических процессов, рассматривая в комплексе основные из них – рождаемость и брачность, здоровье и продолжительность жизни, смертность и миграцию. Более высокий аналитический уровень характеризуется анализом ею основных социально-экономических факторов, воздействующих на эти процессы. Сугубо демографические процессы увязываются с проблемами брака и семьи. Основные тенденции в демографии позволяют автору определить перспективы и направления разработки демографической политики в Беларуси того времени.

Важной содержательной частью этой монографии являются выводы автора относительно перспектив демографического развития Беларуси к концу столетия – существенные изменения ожидаются в половозрастной

структуре населения и прежде всего в уменьшении удельного веса и даже общей численности детей в возрасте до 16 лет: «Это результат снижения уровня рождаемости, вызванного как уменьшением количества детей в семьях, так и сокращением доли женщин детородных возрастов». А к концу XX ст. «прирост населения в трудоспособном возрасте несколько возрастет. Резкое уменьшение прироста численности трудоспособного населения в 1986–1995 гг. необходимо учитывать и заблаговременно готовить хозяйство республики к нормальному функционированию в изменившихся условиях». А если еще учесть, что «наиболее быстро растет численность лиц в самых старших – пенсионных возрастах и данная ситуация сохранится до 2000 г.»[7], то становится ясным, что белорусская демографическая наука сумела дать обоснованные демографические прогнозы, которые ныне подтверждены демографической реальностью.

В работе А.Н. Пешковой «Тенденции миграционных процессов и некоторые вопросы управления ими», выполненной на материалах БССР (1979), рассмотрены явления, связанные с механическим движением населения[8]. Особенность миграционных процессов Беларуси, характеризующихся стабильно отрицательным миграционным сальдо, в тот исторический период была более злободневной проблемой, чем даже снижение рождаемости. Другим аспектом проблемы миграции был рост оттока населения из сельской местности. Основная сложность анализа миграционных процессов состояла в том, что, во-первых, в отношении показателей миграции еще сохранялся служебный характер статистической информации. На публикацию данных по проблемам миграции требовалось специальное разрешение. И во-вторых, статистика в отношении миграции была неполной – информация имелась только по городской местности. Справедливости ради следует сказать, что в конце 1970-х гг. в статистических сборниках перестали публиковать и данные о рождаемости, что связано с наступлением первой послевоенной демографической «ямы».

Работы З.М. Юк «Труд женщин и семья» (1975) и «Научно-технический прогресс и труд женщин» (1981) положили начало гендерной проблематике в белорусской науке. В них предлагалось решение важной социальной задачи – создание благоприятных условий труда для женщин, отвечающих особенностям женской физиологии и которые позволили бы сочетать семейные функции с вовлечением в общественное производство. Но этот акцент хотя и на важных, но на несемейных сторонах жизнедеятельности женщин сыграл и свою негативную роль, по сути сглаживая демографические проблемы вовлечения женщин в общественное производство.

Рассматривая труд женщин, З.М. Юк делает вывод, что «биологические особенности функций организма женщин в процессе труда и особая ее функция материнства представляют собой биологическую “почву”, исходный момент возникновения специфических социально-экономических отношений по участию женщин в общественном труде, соответствующих их отношению к материалу, орудиям и продуктам труда»[9]. В этой связи она выделяет основное противоречие труда женщин как «противоречие между социальным и биологическим. Оно проявляется, с одной стороны, как противоречие между функционированием и развитием общественного труда женщин и биологическими особенностями их организма с точки зрения способности к труду и свойств генеративной функции. С другой стороны – как противоречие между профессиональной деятельностью женщин и их материнством, а также уровнем развития социально-экономических условий, обеспечивающих женщине успешное их сочетание»[10]. Но это противоречие ею решается не в пользу материнства, т. е. не в пользу демографического развития Беларуси. И позже (в середине 1990-х гг.) именно этот гендерный подход стал превалировать в идеях конференций Женского негосударственного института «ЭНВИЛА» по теме «Женщина. Образование. Демокра-

тия» (прежде всего в публикациях Н. Чикаловой). Правда, со временем сами женщины на этих конференциях стали выражать несогласие с феминистской направленностью этих гендерных тенденций; да и сама проблематика таких конференций стала иной – «Женщина. Общество. Образование».

Первая докторская диссертация по демографическим проблемам среди белорусских ученых была защищена Я.И. Рубиным на тему «Критика буржуазных трактовок социальных проблем развития народонаселения (Историко-демографическое исследование)» в ИСИ АН СССР по специальности 08.00.18 в 1980 г. Ранее (1969) он защитил кандидатскую диссертацию в БГУ по демографической проблематике. Прекрасно владевший несколькими иностранными языками, свою научную деятельность он направил в основном на продвижение в Советском Союзе в научный анализ как классических, так и современных западных демографических концепций, тем более, что для этого была и объективная причина – анализ проблем мирового «демографического взрыва» середины XX в. И хотя в названии его диссертации и опубликованных работ ключевым словом была *критика* (скорее как дань времени), но интересующиеся демографическими проблемами могли найти в них много новой информации о научных демографических тенденциях в зарубежной науке. При этом автор обращал внимание на неправомерность огульного толкования буржуазной демографической литературы как мальтузианской. Впервые такая оценка была дана им в статье «Мальтузианство или особое направление?», опубликованной в авторитетном журнале «Мировая экономика и международные отношения»[11], что способствовало уяснению сложных демографических проблем, стимулированию исследований сложных механизмов взаимосвязей в демографическом развитии.

Читатели могли ознакомиться со взглядами таких демографов, как Ф. Бовер (Франция), Боже-Гарнье (Франция), Д. Боуг (США), Г. Бутуль (Франция), Х. Вандер (Германия), Г. Галеотти (Италия), Т. Григ (США), Г. Дейли (Великобритания), Л. Дэблин (США), А. Карр-Саундерс (США), Г. Макенрот (Германия), Дж. Мортар (США), А. Ландри (Франция), А. Лотка (США), Н. Райдер (США), Т. Сальвимини (Италия), А. Сови (Франция), Ж. Стассар (Бельгия), Дж. Стикс (США), Дж. Феррари (Италия), В. Фогт (Франция), Ж. Фревилль (Франция), Ж. Фурастье (Франция), С. Энке (США) и др. Необходимо отметить, что Я.И. Рубин стал первым белорусским демографом, работы которого были изданы в центральных московских издательствах: «Теории народонаселения (Мальтузианские и буржуазно-антимальтузианские направления)» (Мысль, 1972 г.) и «Наследники Мальтуса» (Политиздат, 1983 г.). Причем первая из этих книг была переведена на испанский язык и переиздана на Кубе.

Наряду с «критическим» направлением в белорусской демографии Я.И. Рубиным высказана мысль о рождаемости как стержневой проблеме мировой демографии того времени. В работе «Оптимум населения: что за этим понятием?» он обосновывает, что «демографический оптимум обеспечивается оптимальной рождаемостью», а «демографический оптимум на семейном уровне – двух-трехдетная семья». И «хотя это объективно, но пассивное ожидание такого оптимального показателя недопустимо», поэтому «требуются активные, целенаправленные действия для некоторого повышения рождаемости в тех районах страны, где “нормой” стали семьи с одним, двумя детьми и редкостью – с тремя»[12]. И эти выводы не потеряли актуальности и сегодня. Но, к сожалению, эти выводы демографов слышали, но к ним не прислушались. Уже после смерти ученого была опубликована его статья «Главный фактор обретения демографического здоровья»[13], посвященная поиску ключевых приоритетов долговременной стратегии демографического развития Беларуси, и аналитическая статья «Современная демографическая проблема в Беларуси»[14].

Проблема оптимума, впервые поднятая шведским экономистом К. Викселлем, рассматривавшим оптимальную численность населения как иде-

альное равновесие между числом людей и возобновляемыми ресурсами земли, развивалась также и С. Кузнецом (что в какой-то части можно отнести к достижениям национальной демографической науки, ибо С. Кузнец – уроженец Беларуси), правда, в ином по сравнению с большинством западных политиков и ученых плане. Она существенно отличалась от позиции К. Викселля и его оппонентов. Критикуя концепцию ограничения роста численности населения, С. Кузнец отмечает, что «новейшая специальная (и популярная) литература особо подчеркивает отрицательные стороны и опасности роста населения – истощение невоспроизводимых ресурсов, ухудшение условий накопления капитала, организационных возможностей общества и т. п. …Я же предлагаю рассмотреть положительный вклад населения, полагая, что он, в конце концов, должен перевесить отрицательный эффект»; «главный вопрос нашей дискуссии, как и большинство исследований в области отношений между демографией и экономикой, остается открытым». «Мы не знаем, – пишет С. Кузнец, – как много – слишком много и как мало – слишком мало. У нас нет даже приблизительных эмпирических данных для того, чтобы взвешивать различные положительные и отрицательные стороны роста населения. Хотя мы, возможно, способны отличить выигрыш от проигрыша, мы редко знаем характер функции, которая связывает их с различными значениями роста населения», но «это не означает, что нельзя получить гораздо больших знаний о количественных соотношениях между демографическими тенденциями и экономическим ростом путем систематического изучения данных, относящихся к широкому диапазону времени и пространства. В самом деле, экономисты, пренебрегая демографическими аспектами… в количественных исследованиях экономики, и демографы, пренебрегая экономическими аспектами... в количественных исследованиях населения, незаслуженно ограничили систематический количественный анализ взаимоотношений между этими двумя группами тенденций; а объем данных можно увеличить, чтобы обеспечить гораздо более широкую основу для в общем надежных выводов»[15].

Следующая докторская диссертация по демографии была защищена А.А. Раковым (также в ИСИ АН СССР в 1985 г.) по специальности «Экономика народонаселения и демография» на тему «Демографическое прогнозирование в системе планирования социального и экономического развития». Ее основополагающие идеи позже (1990) были изложены им в монографии «Демографические основы народнохозяйственного планирования»[16]. Эти работы имеют наиболее существенное отношение к исследованиям демографических процессов в Беларуси и поэтому являются действительно пионерскими. В них представлены концепция «демографизации», обосновывающая необходимость демографического прогнозирования как неотъемлемого элемента экономического и социального планирования, и ее возрастающая роль в планировании и управлении. Эта концепция вытекает из роли демографического фактора в общественном развитии, ставшая ныне сердцевиной социально-экономических программ страны. В целях всестороннего и более полного учета этого фактора развита идея о планировании потребностей специфических социально-демографических групп (семьи, молодежи, женщин, пенсионеров). Автором рассматривается методологическая неправомерность «вычленения» законов народонаселения из общей системы экономических законов.

В диссертации А.А. Ракова также обобщен опыт разработки демографических прогнозов, систематизирована и уточнена их классификация, раскрыта их структура и указаны их основные направления, дано методологическое обоснование демографических перспектив Беларуси. Автором исследована взаимосвязь и взаимообусловленность демографических и социально-экономических факторов на республиканском, отраслевом и региональных уровнях, выдвинута идея о принципах построения баланса на-

селения по возрасту и полу, общественно-экономическим группам и характеру деятельности как инструмента совершенствования демографической диагностики и демографической политики. В методологическом плане для понимания современных демографических тенденций ценным (и предупреждающим) является прогноз отрицательного сальдо естественного прироста населения в середине 1990-х гг.

Важную роль в исследовании демографических проблем середины 1970-х гг. сыграла практика социального планирования, в которой свою нишу нашли и социологи. И работа по исследованию демографических проблем наполнилась новым содержанием, их обсуждение активно проходило на конференциях по социальному планированию. Назовем только некоторые из множества таких конференций, где принимал участие и автор: Всесоюзный научно-практический семинар «Проблемы усовершенствования планирования экономического и социального развития административных районов (городов) республики» (г. Таллин, ноябрь 1975 г.); Вторая республиканская демографическая конференция «Социально-экономические особенности воспроизводства населения в условиях развитого социализма» (г. Одесса, сентябрь 1976 г.); Международный симпозиум «География населения» (г. Минск, июль 1976 г.); Республиканская научно-техническая конференция «Комплексное планирование и прогнозирование социально-экономического развития регионов, отраслей, предприятий» (г. Брест, октябрь 1980 г.), Всесоюзная научно-практическая конференция «Пути дальнейшего развития и повышения эффективности социального планирования в трудовых коллективах, отраслях и регионах» (г. Москва, октябрь 1983 г.); Республиканская научно-практическая конференция «Молодежь как объект социально-экономического планирования» (г. Минск, март 1985 г.); Всесоюзная отраслевая научно-практическая конференция «Проблемы управления трудом на промышленном предприятии в период совершенствования хозяйственного механизма» (г. Гомель, сентябрь 1987 г.) и другие, не считая многих региональных конференций.

В начале 1980-х гг. изучением демографических проблем стали заниматься в Институте экономики АН БССР, куда с 1981 г. перешли работать из НИИЭМП в созданный отдел демографии А.А. Раков и Л.П. Шахотько. Этот академический институт до 1990 г. являлся центром исследования методами математической статистики влияния на демографические процессы разнообразных социально-экономических факторов, в том числе на миграционные, развития региональных систем расселения. Следует отметить и исследования С.С. Ткаченко.

В БГУ, как уже отмечалось, сугубо демографические проблемы исследовались на географическом факультете с позиций экономической географии – территориального размещения и развития производительных сил как республики в целом, так и в разрезе региональных общностей. Доцент этого факультета В.А. Новицкий активно пропагандировал демографические знания и пробуждал интерес к демографическим проблемам, выступая в различных аудиториях Беларуси как лектор. Кафедры правоведения и философии, социологическая лаборатория при БГУ уделяли в своих исследованиях внимание и проблемам брака и семьи.

В книге «Насельніцтва Беларусі» (1992) Б.А. Манак[17], по сути дела завершающей советскую эпоху демографических исследований, с позиций экономической географии сопоставляются внутренние и внешние региональные особенности в развитии и размещении населения Беларуси как в территориальном, так и во временном плане. Автор выделяет два крупных периода в демографическом развитии послевоенной Беларуси: первый – послевоенный – до чернобыльской катастрофы и второй – после аварии на ЧАЭС с доминантой влияния последствий этой катастрофы: «Вторая половина 80-х годов уже не вписывается в сложившуюся картину социально-

демографического развития двух послевоенных поколений. Третье поколение начинает жить в новых условиях. 1986 год в географии населения Беларуси выступает как своеобразный рубеж, который отделяет установившиеся закономерности и тенденции от новой ситуации, вызванной непредвиденной экологической катастрофой»[18]. Автор считает, что в своей работе ей удалось дать итоговую характеристику населения Беларуси, которая была задолго до этого дана только в других условиях еще в книге А.А. Ракова (1969): «Со второй половины 80-х годов в географии населения Беларуси начался новый период, который характеризует изменения в следующих процессах: динамике численности и темпах роста населения; характере миграции и размещения; территориальной структуре хозяйства и расселения; распределении и использовании трудовых ресурсов; уровне жизненной среды, в условиях труда и отдыха людей, в состоянии их здоровья; развитии национально-государственного устройства; в результатах социально-экономического развития»[19]. Подобные оценки ею даны и в других работах.

Выводы Б.А. Манак («таким образом, демографическая ситуация в городах формируется очень сложно, ее воздействие самое многогранное и должно быть объектом постоянного изучения и регулирования»; «таким образом, региональный демографический подход позволяет выявить те отличия в демографическом развитии, которые обыкновенно прячутся за средними величинами и оказывают влияние на различные социальные и экономические процессы»; «таким образом, одни условия будут содействовать социально-экономическому и культурному прогрессу в развитии системы расселения, другие, наоборот, сдерживать его»[20]) с позиций географической науки существенно значимы. Но с позиций общедемографического анализа и их осмысления этого явно недостаточно. Хотя в совместных работах Б.А. Манак с Е.А. Антиповой, а также в отдельных работах Е.А. Антиповой уже заметен выход за рамки только фиксации демографических процессов и стремление осуществить анализ влияния многообразных социально-экономических изменений на демографическую ситуацию, что отвечает основной тенденции развития современной науки – взаимосвязи и взаимопроникновению отдельных научных дисциплин.

И хотя демографические процессы с позиций последствий катастрофы на ЧАЭС не стали в современной науке доминирующими, тем не менее они в последнее советское пятилетие для Беларуси были существенны и социально значимы. Такими они остаются и сегодня. И автор данной статьи, одним из первых опубликовавший научные работы по социолого-демографическим аспектам постчернобыля, проводя социологические исследования демографических преобразований постчернобыльской эпохи, также констатирует, что тем не менее авария на ЧАЭС стала заключительным аккордом в развитии белорусской демографической науки советского периода.

Таким образом, подъем интереса к демографическим проблемам пришелся на 1960–1970-е гг. Наибольшая заслуга в развитии демографической науки в этот период принадлежит экономическим географам, статистикам и экономистам. Важным направлением стало изучение демографических проблем (главным образом – семьи) юристами и философами. С этого периода и по настоящее время развитие демографической науки и сами демографические процессы послевоенного времени становятся центром внимания многих отраслей науки и сфер общественной жизни.

Центром развития демографической науки стал НИИЭМП при Госплане БССР (А.А. Раков, Я.И. Рубин, Л.П. Шахотько, А.Н. Пешкова, Л.И. Маськов и др.). В этот период появляются наиболее значимые демографические труды, не потерявшие своей актуальности и сегодня. Белорусскими учеными были разработаны демографические прогнозы, которые подтверждены современным демографическим развитием. В публикациях пионеров белорусской демографической науки дается комплексная социально-экономическая характеристика демографических процессов страны – воспроизводства

населения и миграции, рождаемости и брачности, здоровья и продолжительности жизни, смертности и изменения половозрастного и этнического состава населения, его территориального размещения. Исследована взаимосвязь и взаимообусловленность социально-экономических и демографических факторов на республиканском, отраслевом и региональных уровнях. Введение в научный оборот и общественную жизнь богатого фактологического материала сопровождалось разработкой методологии и методики современного демографического анализа – была обоснована методология построения непрерывного ряда численности населения БССР, исчислены прямые и косвенные демографические потери Беларуси в Великой Отечественной войне.

Среди отдельных демографических выводов заслуживают внимания следующие: обоснование положения о рождаемости как стержневой проблеме демографии и социальной политики, рассмотрение динамики и эволюции рождаемости за столетие, выявление сформировавшейся с конца XIX в. постоянной тенденции снижения уровня рождаемости, влияние на эту тенденцию и этот процесс изменений в половозрастной и брачной структурах населения, противоречия в расширении масштабов занятости и выполнения функций материнства. Общественно значимыми и подтвержденными демографической реальностью стали демографические прогнозы о перспективных негативных социальных, экономических, морально-этических и генетических демографических последствиях в конце 1970-х – начале 1980-х гг. В методологическом плане для понимания современной демографической ситуации является ценным (и предупреждающим) прогноз о приближающемся в середине 1990-х гг. отрицательном сальдо естественного прироста населения. Это способствовало уяснению сложных демографических проблем, стимулированию исследований механизмов взаимосвязей в демографическом развитии и поставило на повестку общественной практики необходимость активной комплексной демографической политики. В связи с этим была обоснована и идея об ориентации на двух-трехдетную семью. Чернобыльская катастрофа поставила перед белорусской демографической наукой новые проблемы в осмыслении демографических процессов.

[1] См.: Злотников А.Г. Демографическое измерение современной Беларуси. Мн., 2006. С. 70–71.
[2] См.: Раков А.А. Население БССР. Мн., 1969.
[3] Там же. С. 80–97.
[4] Там же. С. 42.
[5] См.: Раков А.А. Белоруссия в демографическом измерении. Мн., 1974. (Б-ка газеты «Голас Радзімы»).
[6] См.: Шахотько Л.П. Рождаемость в Белоруссии (социально-экономические вопросы). Мн., 1975.
[7] Шахотько Л.П. Воспроизводство населения Белорусской ССР / Под ред. А.А. Ракова. Мн., 1985. С. 110–111.
[8] См.: Пешкова А.Н. Тенденции миграционных процессов и некоторые вопросы управления ими (на примере БССР). Мн., 1979.
[9] Юк З.М. Труд женщин и семья. Мн., 1975. С. 13.
[10] Там же. С. 42.
[11] См.: Рубин Я.И. Мальтузианство или особое направление? // МЭиМО. 1968. № 7.
[12] Рубин Я.И. Оптимум населения: что за этим понятием? / Ред. С.А. Польский. Мн., 1979. С. 125, 126.
[13] См.: Рубин Я.И. Главный фактор обретения демографического здоровья // Бел. экон. журн. 2008. № 2. С. 43–52.
[14] См.: Рубин Я.И. Современная демографическая проблема в Беларуси // Социс. 2009. № 2. С. 46–51.
[15] Кузнец С. Демографические аспекты современного экономического роста. Население и экономика / Под ред. А.Г. Волкова и А.Я. Кваши. М., 1970. С. 103–166.
[16] См.: Раков А.А. Демографические основы народнохозяйственного планирования / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. Мн., 1990.
[17] Манак Б.А. Насельніцтва Беларусі. Рэгіянальныя асаблівасці развіцця і рассялення. Мн., 1992.
[18] Там же. С. 5.
[19] Там же. С. 151.
[20] Там же. С. 35, 45, 134.

Поступила в редакцию 17.06.11.

АНТОНИНА ОСТРОВСКА,
ПРОФЕССОР, ДОКТОР СОЦИОЛОГИИ
(ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИИ ПОЛЬСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК, ВАРШАВА)

ПОЛЬСКИЕ ЖЕНЩИНЫ В ВОЗРАСТЕ 50 ЛЕТ И СТАРШЕ: КАК МЫ СТАРЕЕМ?

Рассматривается старение польских женщин в возрасте 50–59 лет как биологический, психологический и социокультурный процесс. Отмечаются некоторые различия между женским и мужским старением. Анализируются ощущения женщин данного возраста в связи с социальным давлением.

Polish women's growing older at the age of 50–59 is considered as a biological, psychological and socio-cultural process. Some differences between male and female ageing are distinguished. Feelings of the women who have reached the given age are analyzed from the viewpoint of social pressure women are subject to.

Идешь вперед. И время тоже идет – пока не замаячит впереди теневая черта, предостерегающая тебя, что страну ранней юности придется тоже оставить позади.

Дж. Конрад. Теневая черта

Социологические исследования пожилых людей в Польше в основном фокусируются на условиях и качестве их жизни, социальных и физических проблемах, с которыми они сталкиваются, а также на социальных и экономических последствиях увеличения доли пожилых людей в обществе. В некоторых работах пожилых людей рассматривают как особую социальную категорию, расположенную в социальной структуре после категорий «зрелых» людей, или людей среднего возраста, с особыми или отличными от других потребностями и возможностями[1]. Объектом исследования обычно является возраст как особая стадия жизни, а не старение как процесс в целом. Подобным образом вопросы пожилого (преклонного) возраста понимаются и в социальной политике, которая направлена на определение потребностей данной группы людей. Реже предпринимаются попытки проследить старение как ведущий к пожилому возрасту процесс, имеющий биологические, психологические и социокультурные особенности, начинающийся значительно раньше конкретного возраста и формирующий образ жизни на ее поздних стадиях.

Процесс старения является предметом довольно пристального внимания западных исследователей, представляющих науки о поведении, хотя и там он обычно объект исследования прежде всего биологии и медицины. В 1970-х гг. сущность и социальный смысл старения стали предметом социологических теорий, представляющих данный процесс как в системной[2], так и в индивидуальной перспективе[3]. Первая из них при анализе статуса пожилых людей в обществе отметила его изменчивость по отношению к динамике социальных изменений (чем динамичнее процесс, тем отчетливее понижается статус стареющих) или доли пожилых людей в обществе (статус ниже в обществе, где пожилых людей много).

Вторая перспектива была прежде всего ориентирована на поиск ключевого фактора удовлетворенности для людей преклонного возраста. Две теории являются здесь классическими: теория социальной активности и теория освобождения от обязательств (disengagement theory); они предлагают диаметрально противоположные интерпретации старения. Обе выделяют и типичные общественные ожидания в отношении пожилых людей.

Теория активности объясняет старение как уменьшение количества и частоты видов социальной активности с течением времени. Этот недостаток активности обрекает стареющих людей на возрастающее бездействие и отчуждение. В социальном смысле это состояние де-факто является симптомом старения, которое, как следствие, определяет дальнейшие психологические и физические процессы. Необходимо подчеркнуть, что праздность пожилых людей является здесь социально навязанным состоянием. Многие пожилые люди сохраняют способность выполнять сложные задачи и активно участвовать в жизни. Таким образом, недостаток активности среди них

не вызван ни состоянием их здоровья, ни их собственным состоянием, а скорее является функцией господствующих стереотипов и зачастую условий рынка. Поэтому для того, чтобы избежать преклонного возраста в социальном смысле (т. е. чтобы стареть достойно), необходимо быть профессионально активным человеком, развивать собственные интересы, наращивать социальные контакты, проявлять инициативу, участвовать в событиях, быть «современным». В свете данной теории человек должен сопротивляться преклонному возрасту, поскольку тот не является ни желательным, ни функциональным.

Теория освобождения рассматривает данную проблему иначе. Уход от активной социальной жизни и замедление темпа жизни в целом трактуются как естественная потребность пожилых людей, чьи силы и энергия уменьшаются. Ключевым фактором достойного старения является принятие ограниченного круга обязанностей и социальных взаимодействий. Уход от активной жизни считается неизбежным и необходимым, чтобы обеспечить постепенный переход социальных ролей и статусов к молодому поколению. Это одновременно неотъемлемая часть и требование поколенческих изменений, а также условие их безболезненного постепенного осуществления. Если смерть наступает внезапно, в разгар социальной активности, она может вызвать существенные сбои, и процесс передачи социальных функций может стать хаотичным. Уход от общественной жизни в пожилом возрасте – социально желательный процесс, предполагающий принятие преклонного возраста как благоприятного факта для индивида и общества.

Обе концепции содержат ценностные суждения, приписывающие данному возрасту те или иные позитивные и негативные характеристики. Подходы к пониманию преклонного возраста, которые они представляют, присутствуют и в обыденном сознании, и в дилеммах текущей социально-экономической политики – и не только в Польше. Проще говоря, данные подходы сводятся к двум вариантам: выбору пожилых людей между потребностью продолжать быть активными в общественной жизни и на рынке труда и их уходом ради молодых поколений и сужением собственной активности до сферы семейной жизни.

Рассмотрим данные вопросы в культурном контексте современной Польши. Социальный образ пожилых людей содержит больше негативных черт, чем позитивных; и такая ситуация в настоящее время существенно не меняется, в отличие от стран Запада, где становится «модным быть пожилым»[4] и где в населении преклонного возраста видят творцов, потребителей, избирателей и даже законодателей новых тенденций в обществе (особенно если они финансово независимы или богаты). Образ пожилого человека в Польше в основном связан с немощью или во всяком случае с бесполезностью, болезнью, лишениями, ухудшающимся физическим и умственным состоянием, непривлекательным телом, необходимостью в уходе и жизнью на скромную пенсию[5]. В связи с этим старение как процесс, ведущий к преклонному возрасту, никто не ждет с нетерпением и не испытывает чувство гордости или удовлетворения.

Данный образ связан с синдромом культурного отставания, постоянной погоней за «прогрессом» и современной динамикой жизни, которая делает затруднительным присутствие пожилых людей на рынке труда. Синдром заключается в неспособности людей «ушедшей эпохи» сделать свой выбор, найти свой путь в растущем количестве информации, использовать новые технологии или даже в сложностях с отстаиванием своих прав в институциях, работающих по сложным законам. Образ жизни пожилых людей, их практики и привычки оказываются неэффективными, часто им дают понять, что они больше «не годятся» для жизни в современном мире. Дополнительную сложность представляет их финансовая ситуация и ухудшающееся здоровье, а размер их пенсии или пособия не способствует модернизации

жизни и возможности идти «в ногу со временем». Одновременно растущая доля пожилых людей в обществе (особенно женщин) делает необходимым развитие их потенциала и «перестановку» их на соответствующие позиции в обществе.

Предметом данной статьи являются биологические, психологические и социальные аспекты старения женщин в Польше с подробным рассмотрением того, что происходит – в символическом смысле – с 50-летнего возраста. В этом возрасте женщины, до того расцениваемые как «зрелые», начинают восприниматься как «стареющие» или приближающиеся к «преклонному» возрасту.

Причиной для выбора данного предмета исследования послужила широко обсуждаемая в обществе реформа системы социальной защиты в Польше, цель которой – продлить период трудовой занятости женщин и соответственно отложить их вступление в пенсионные права. В настоящее время благодаря возможности раннего выхода на пенсию большинство женщин прекращают работать по достижении 55 лет, а часто и раньше, в результате чего занятость женщин старше 50 лет резко падает[*]. В сравнении с другими странами Европейского Союза (ЕС) присутствие польских женщин старше 50 лет на рынке труда является одним из самых низких наряду с такими странами, как Греция, Испания и Италия, которые характеризуются самым низким уровнем занятости женщин[6].

Программы социальной и профессиональной мотивации женщин представляют сложную проблему: их легитимность и осуществимость должна быть рассмотрена с различных социальных позиций как на макро-, так и на микроуровне. Данные позиции включают экономические проблемы страны, ситуацию на рынке труда, эффективность действующей пенсионной системы, а также психофизические и социальные вопросы, поскольку возможности пожилых женщин также должны приниматься во внимание. Среди таких возможностей отметим прежде всего состояние здоровья, общее умонастроение и физическое самочувствие, не исключая стереотипы и культурные традиции отношения к женщинам старше 50 лет, а также их собственные ожидания, связанные с данным периодом жизненного цикла.

С точки зрения проблемы и задач настоящего исследования необходимо определить категорию «50 лет и старше», поскольку на практике она может включать значительную долю женщин, преодолевших 50-летний рубеж. В данной статье мы, в частности, сфокусируемся на женщинах 50–60 лет. Именно в этой возрастной группе, во-первых, четко проявляются и прогрессируют симптомы «изнашивания» организма, что впоследствии вызывают ряд негативных телесных и психических явлений: усиливается чувство усталости и отсутствия жизненного тонуса. Даже если эти чувства не сопровождаются действительными жалобами соматического характера, возрастает осознание старения и сложное чувство борьбы с этим необратимым процессом. Многие из последующих вопросов связаны с особым феноменом в жизни женщины, совпадающим с этим возрастом, – менопаузой.

Психологические и физические ощущения женщин в период менопаузы часто противоположны активности, уверенности в себе и в решении продолжать профессиональную карьеру. Перспектива надвигающегося выхода на пенсию понижает мотивацию женщин к дополнительному профессиональному развитию и овладению новыми компетенциями. Это состояние усложняется стереотипами на рынке труда, которые часто приуменьшают полезность стареющих женщин в пользу молодых работников с «более современной» квалификацией. Политическая и социальная ситуация мужчин в

[*] Если коэффициент занятости женщин в возрасте 45–54 года равен 0,58, то для следующей группы 55–64 года он составляет всего 0,19 (Sztanderska U., Grodkowska G. Aktywność ekonomiczna ludności // I. Kotowska, U. Sztanderska, I. Wóycicka (red.). Aktywnośc zawodowa i edukacyjna a obowiązki rodzinne w Polsce. Warszawa, 2007. P. 174.

той же возрастной группе выглядит значительно более благоприятной с точки зрения их возможности продолжать работать или даже заняться новым делом[7] – и это становится источником социального неравенства возможностей между двумя полами. В результате сочетания биологических, психологических и социальных факторов женщины в возрасте 50 лет и старше оказались в особенно сложной ситуации. Задача раскрытия этой сложности, непосредственно зависящей от биологических и психологических возможностей женщин, с одной стороны, и от социального давления и социальных ожиданий – с другой, и будет направлять наши дальнейшие рассуждения.

Когда начинается преклонный возраст?

Представленные нами теории преклонного возраста и старения основаны на процессуальном подходе к происходящим со стареющими людьми переменам. Однако чисто прагматические соображения иногда требуют выбрать момент, когда стареющий человек становится старым. В сфере общественной жизни господствует юридическое представление, которое связывает преклонный возраст с приобретением пенсионных прав. Это отражается во всякого рода статистике и правах, в том числе на различные пособия. Например, 59-летняя женщина в Польше все еще находится в группе людей среднего (зрелого) возраста, а год спустя она пополняет ряды пожилых. В случае мужчин критический возраст – 64 года.

Медицинское определение старения главным образом относится к состоянию и степени износа человеческого организма. Все принятые границы достаточно условны; но основное внимание уделяется динамике дегенеративных изменений. В соответствии с одним из медицинских определений женщины начинают достигать преклонного возраста уже с 50 лет, в то время как у мужчин преклонный возраст начинается около 60 лет. Стоит задуматься, насколько данное определение связано с тем, что 50-летняя женщина теряет репродуктивные способности, а 50-летний мужчина – еще нет. Репродуктивная способность могла бы обозначить символическую границу между зрелостью и старостью. Эти приводит к заключению, что биология несправедлива. Также это может означать, что патерналистский подход медицины влияет на восприятие маскулинности и фемининности.

Независимо от принятой границы в физиологии стареющего организма отмечается менее активное обновление клеток, более низкий уровень метаболизма, сниженная активность некоторых систем, в частности нервной системы. Возникают гормональные изменения; особенно значимо постепенное снижение выработки эстрогена, который не только регулирует сексуальные функции, но представляет собой и особый защитный барьер различным недугам (расстройствам кровообращения, остеопорозу и т. д.). Ткани иссушаются, суставы теряют гибкость, сила мускул и координация движений снижаются, зрение и слух ухудшаются, память все чаще подводит. Внешние симптомы – появление седых волос и менее эластичная кожа. Некоторые из этих симптомов появляются раньше, некоторые позже. Таким образом, старение как процесс в физиологическом смысле начинается уже тогда, когда мысли о преклонном возрасте еще далеки от нас. Все эти изменения, несмотря на то, что они прежде всего физиологического характера, обладают очень сильной психологической и социальной компонентой. Появляются проблемы, связанные с изменением образа собственного тела – его внешним видом. В связи с существующими культурными нормами потеря таких качеств, как хороший внешний вид, здоровье, молодость, сексуальная привлекательность или способность к воспроизводству (на которой часто основана самооценка), ярче выражена у женщин, чем у мужчин[8].

Все психологические изменения, сопровождающие процесс старения, происходят постепенно и, как в случае с физиологическими изменениями, сложно определить момент, когда они начинаются. Психологи часто назы-

вают этот период кризисом среднего возраста[9], когда люди стремятся оценить свои достижения и упущенные возможности, правильность сделанного выбора и жизненных решений. По мере того как годы идут, предметом рефлексии все чаще становится жизнь до настоящего момента и ценности, ее вдохновившие. Конечно, объективные процессы, происходящие в организме, и субъективное чувство старения не обязательно должны означать утрату интересов, возможности личностного роста, способности работать и быть социально активным или даже играть важную роль в общественной жизни. Тем не менее часто цели, которые когда-то определяли жизненную программу, теряют силу мотивации; карьера, профессиональный успех, конкуренция перестают быть важными. С другой стороны, возникают попытки переоценки текущих жизненных целей и определения новых приоритетов на последующие годы[10]. Смена образа жизни, новые интересы, или новые паттерны поведения, появляющиеся на основе принципа «сейчас или никогда», могут оставаться альтернативой существованию. Психологи отмечают, что мотивация к изменению может быть как позитивной (сделать что-то новое и ценное, пока здоровье, энергия и возраст позволяют), так и негативной (избавиться от обязанностей, которые больше не приносят удовлетворения)[11].

По данным опроса общественного мнения в Польше, преклонный возраст наступает после шестидесяти лет[*]. Тем не менее только каждый десятый поляк в этом возрасте заявляет о том, что чувствует себя старым. Чем моложе респондент, тем меньше возраст, описываемый им как начало старости. Для молодых людей (20 лет) преклонный возраст начинается на восемь лет раньше, чем для 70-летних, которые определили 65-й год жизни как начало преклонного возраста. Таким образом, пожилые люди ограждают себя от старости значительно дольше, чем молодые люди готовы себе представить. В любом случае «старые» поляки относительно молоды в сравнении со «стариками» из других стран. В США опросы общественного мнения указывают на 75 лет как на начало преклонного возраста[12]. Пожилой возраст у женщин, по мнению польского общества, начинается около 62 лет, т. е. на два года раньше, чем у мужчин. Эта разница может показаться небольшой, но она значительно возрастает, если мы сравним результаты между полами. Мужчины готовы включить женщин в категорию пожилых значительно раньше, чем сами женщины[**]. Но если критерием для преклонного возраста должна быть потеря способности к воспроизводству и родительству, то женщины определяют старость таким образом значительно чаще мужчин[***].

Без сомнения, определение момента старения, так же как и восприятие пожилых мужчин и женщин, остается под сильным влиянием сексуальных стереотипов. Частично за это отвечает существующее законодательство, разделяющее возраст ухода на пенсию, т. е. возраст профессиональной полезности. Эти критерии также отражают культурные модели черт, традиционно связанных с обоими полами. В соответствии с этими моделями мужчины характеризуются независимостью, связанной с работой, и деятельностью вне дома, а женщины – с покровительством, связанным с домом, и готовностью идти на жертвы ради него (черты, характерные для образа бабушки, место которой – с внуками). Социокультурная модель и ее социализированное содержание также программируют женщин в большей степе-

[*] Национальный опрос в рамках Европейского социального исследования (2006) при репрезентативной выборке 2600 респондентов. Все приводимые здесь исследовательские данные – подсчеты автора.

[**] 65,2 % мужчин включили женщин моложе 60 лет в группу зрелого возраста (по сравнению с 47,6 % женщин). С другой стороны, 28 % женщин и только 16 % мужчин определили 70 лет как начало преклонного возраста у своего пола (ESS, 2006 – Польша).

[***] 80,9 % решили, что в возрасте 45 лет уже слишком поздно задумываться о материнстве, и лишь 50,1 % мужчин отметили ту же границу для себя (ESS, 2006 – Польша).

ни, чем мужчин, заботиться о своей внешности, личной гигиене и физической привлекательности; поэтому вопросы изменения внешности и эстетики старения касаются их в большей степени.

Неприятие старения, которое существует в современном мире, находит сильных союзников в лице быстро развивающихся медицинских технологий и направлений (генетики, биогеронтологии, инжиниринга тканей, регенерационной медицины), которые пытаются остановить естественные дегенеративные процессы в организме – как в теле, так и в разуме. Растущее понимание процессов, ведущих к изнашиванию человеческого организма, перерождения клеток и атрофии механизмов самовосстановления представляют собой возможность выработать метод их приостановления. Фармацевтическая промышленность активно занимается этими исследованиями. Как пишет «Таймс» (08.09.09), стоимость индустрии «омоложения» только США оценивается в 20 млрд долл. в год и продолжает расти. Масштабы омолаживающего лечения в Польше трудно оценить, но, судя по объявлениям в журналах для женщин, рынок этих услуг постоянно увеличивается.

Независимо от таких изобретений, как клиники пластической хирургии, окрашивание волос, отбеливание зубов и многочисленные препараты, замедляющие процесс старения (все еще более популярные среди женщин, чем среди мужчин), 50- или 60-летний мужчина воспринимается как более молодой и привлекательный, чем женщина того же возраста, как в сфере труда, так и в личной жизни. Это касается и мотивационного аспекта: считается, что мужчины заинтересованы профессией и сексуальной жизнью дольше, чем женщины. В последнем опросе показательны результаты исследования сексуальности людей старше 50 лет. Если мы предположим, что сексуальное влечение и активная сексуальная жизнь являются (по крайней мере, если следовать стереотипам) территорией молодых и зрелых людей, тогда возраст, когда секс перестает быть важным, также может указывать на начало пожилого возраста. И здесь результаты исследований показывают, что в общественном мнении секс перестает интересовать женщин значительно раньше, чем мужчин[13].

Как меняется жизнь женщин после 50 лет?
Здоровье, настроение, сексуальность, общественная активность

Большинство польских женщин в возрасте 50–59 лет имеют мужа, и лишь каждая десятая живет одна. В следующей группе, 60–69 лет, количество одиноких женщин уже в два раза выше. Этой тенденции соответствует уменьшающееся количество женщин, проживающих в домохозяйствах из трех и более человек, в последующих возрастных группах. С одной стороны, эти изменения можно интерпретировать как последствия увеличивающегося количества вдов, а с другой – как уход детей в собственные семьи.

Вдовство намного более распространено среди женщин, чем среди мужчин, в связи с тем, что женщины в целом живут дольше. Как вдовство, так и уход детей в собственные домохозяйства требуют приспособления к новой жизни, к изменению содержания семейных ролей и структуры обязанностей, способов времяпрепровождения, а в случае вдовства – и к жизни в одиночку, что не означает жизни в одиночестве. Однако уединение, понимаемое как отсутствие рядом значимых людей, их поддержки, чувство исключенности из системы жизненно важных взаимодействий и контактов, которые есть у других людей, – это опыт многих стареющих людей[14]. Переезд детей и сокращение размеров домохозяйства являются причиной феномена, называемого «синдром пустого гнезда». Эта проблема более остро стоит для женщин, чем для мужчин, потому что именно женщины ориентированы на внутренние цели семьи и семейные функции. Если переезд взрослых детей сопровождается выходом женщины на пенсию, тогда вместе с утратой власти в семье и потерей ежедневного контакта с детьми приходят изменения в ее финансовом и профессиональном положении, которые вы-

ливаются в снижение социального статуса. Эта проблема почти универсальна и проявляется во многих странах[15], однако в Польше она касается относительно молодых женщин.

Окончание профессиональной карьеры – это не только конец оплачиваемой занятости и ухудшение финансового положения, но и катализатор изменений в организации повседневного существования женщины. Поскольку оплачиваемая занятость женщин в Польше обычно осуществляется вне дома, рабочее и свободное время четко разделены. Прекращение профессиональной активности нарушает этот порядок. Взаимодействия и социальные контакты, связанные с работой, сокращаются, появляется слишком много свободного времени. Свободное время, которого всегда мало во время профессиональной активности, приобретает отрицательную ценность. Однако по субъективным ощущениям женщин существенным противовесом продолжающейся профессиональной активности является ожидание, что они примут на себя покровительственные роли в семье, особенно в отношении внуков, к которым женщины часто испытывают эмоциональную привязанность и часто – моральный долг. В этом случае, когда женщины действуют «под давлением освященного традицией требования», у них повышается уверенность, появляется ощущение, что они необходимы для нормального хода семейной жизни[16]. Это обстоятельство усиливается в Польше недостатком воспитательных и образовательных заведений для детей дошкольного возраста. В результате женщины старше 50 лет концентрируют свои усилия на семьях младших поколений: сыновей, дочерей и внуков.

Прогрессирующее замедление жизненных функций вынуждает внести изменения в стиль жизни. С годами ухудшается состояние здоровья и снижается жизненный тонус. (В группе 40–59 лет 74 % женщин описывают состояние своего здоровья как «не лучшее», в группе старше 60 лет таких уже 91,9 % (CSO, 2004).) Помимо недугов, ухудшается настроение, появляются нарушения сна и подавленность[17]. Состояние здоровья и беспокойство о нем начинают занимать все больше внимания. Тревога рождается из ожиданий дальнейшего ухудшения здоровья и растущей зависимости от других. Беспокойство и страх проявляются соматическими симптомами, усиливая физические недуги и – по принципу порочного круга – ухудшая субъективное представление женщины о состоянии собственного здоровья.

Отметим, что определенное видимое ухудшение здоровья женщины происходит во временных рамках, которые мы рассматриваем: в 50–59 лет. Таким образом, в том, что касается здоровья, для многих женщин этот возраст имеет решающее значение (табл. 1).

Таблица 1

Индикаторы состояния здоровья женщин по возрастным группам

Возрастная группа, лет	Страдающих хроническими заболеваниями, %	Среднее число хронических болезней на человека	Установленная нетрудоспособность в данной возрастной группе, %
40–49	75	2,2	14,4
50–59	90	3,4	32,9
60–69	93	3,8	33,4

Большинство хронических проблем со здоровьем усугубляются в последующих возрастных группах, где мы наблюдаем рост количества болеющих женщин. В то же время необходимо отметить, что в случае некоторых недугов апогеем является именно возраст 50–59 лет, когда женщины страдают прежде всего от гинекологических болезней, неврозов, болезни щитовидной железы, сверхчувствительности и аллергий (CSO, 1997).

Такое особенное ухудшение состояния здоровья женщин старше 50 лет также подтверждается списком его субъективных оценок (в тех же последовательных временных рамках): 58,8 % женщин в возрасте 40–49 лет оценили свое здоровье как очень хорошее и лишь 27,8 % в группе 50–59 лет, что

почти совпадает с группой 60–69 лет (27,3 %). В то же время подобного паттерна не наблюдается в оценке нетрудоспособности, которая увеличивается регулярно в каждой последующей возрастной группе*. Это свидетельствует о значительной роли психосоматических факторов, а также о растущей концентрации физических и психосоматических жалоб женщины, что подтверждается динамикой некоторых симптомов душевного здоровья (табл. 2).

Таблица 2

Повторение неблагоприятных психологических состояний у женщин трех возрастных групп

Симптомы	Возрастные группы, лет		
	40–49 *n* = 143	50–59 *n* = 162	60–69 *n* = 99
Депрессия	1,78	2,01 *t* = –2,44 *p* < 0,01	2,12 *t* = –0,98 not sign.
Трудность в выполнении действий	1,83	2,06 *t* = –2,57 *p* < 0,01	2,13 *t* = –0,62 not sign.
Нарушение сна	1,76	2,12 *t* = –3,16 *p* < 0,001	2,30 *t* = –1,40 not sign.
Чувство одиночества	1,46	1,71 *t* = –2,41 *p* < 0,01	1,81 *t* = –0,79 not sign.
Чувство грусти	1,72	1,93 *t* = –2,11 *p* < 0,03	2,08 *t* = –1,43 not sign.
Апатия, подавленность	1,70	1,96 *t* = –2,65 *p* < 0,01	1,91 *t* = 0,48 not sign.
Беспокойство	1,74	1,93 *t* = –1,92 *p* < 0,05	2,03 *t* = –0,84 not sign.

Примечание. Средние значения; шкала от 1 до 5 (ESS, 2006 – Польша).

Данные табл. 2 подтверждают, что в отношении указанных симптомов женщины в возрасте из группы 50–59 лет демонстрируют паттерн, который ближе к группам старшего возраста, чем к более молодым. Недуги в возрасте 50–59 лет проявляются с частотой, близкой к группе 60–69 лет, и они статистически значимо выше тех же значений для женщин 40–49 лет. Это позволяет предположить, что нарастающий процесс расстройства психического здоровья, характерный для старения, более явно возрастает именно в группе 50–59 лет. Субъективное чувство счастья также видимо уменьшается в этом возрасте (табл. 3).

Таблица 3

Оценка жизни в настоящее время как счастливой женщинами трех возрастных групп

Возрастные группы, лет	Среднее	Статистическое отклонение	*t*	*p*
40–49	6,83	2,0	–	–
50–59	6,26	2,2	2,34	<0,01
60–69	6,27	2,3	–0,09	not sign.

Примечание. Средние значения; шкала от 1 до 10 (ESS, 2006 – Польша).

Среди многочисленных факторов, которые влияют на чувство счастья и удовлетворенность жизнью, жизненно важную роль играют отношения с другими людьми, социальные связи и общение. В возрасте 50–59 лет частота таких контактов снижается. По сравнению как с более пожилыми, так и с бо-

* Доля указавших на отсутствие ограничений по физическому состоянию в соответствующих возрастных группах: 70,6, 60,5 и 49,5 % (собственные вычисления на основе ESS, 2006 – Польша).

лее молодыми группами женщин самый высокий процент тех, кто поддерживает связи реже, чем раз в месяц, и самый низкий процент тех, кто поддерживает связи чаще, чем раз в неделю, среди женщин в группе 50 лет и старше[*].

Изменяется также и состав группы общения – друзей и знакомых – в соответствии с долями людей обоих полов в населении. Пожилые женщины начинают чаще проводить время с другими женщинами, а не с мужчинами. Этот факт, дополненный растущим числом вдов, возвращает наше внимание к вопросу об интимной жизни. В период 50–59 лет, когда у женщин снижается сексуальное влечение, удовлетворение эротического характера все еще возможно, а его значение для качества жизни трудно переоценить[18]. Однако в культурной модели пожилого человека, доминирующей в Польше, особенно в отношении стареющих женщин, практически не остается места для сексуальности. Интимные отношения с противоположным полом становятся сложными и еще потому, что женщины осознают свою меньшую физическую привлекательность. Более быстрое, с точки зрения общества, старение женщин ведет к тому, что они чаще, чем мужчины того же возраста, указывают на отсутствие партнера в качестве причины снижения сексуальной активности. Многие женщины констатируют и меньшую сексуальную потребность, но это может быть как функцией происходящих гормональных изменений, так и формой оправдания отказа от сексуальных практик, соответствующего актуальным социальным ожиданиям и культурным моделям, которые определяют, что должно и что «прилично» стареющей женщине[19].

Характерно, что оценки причин сексуального воздержания значительно различаются у мужчин и женщин. В национальном польском опросе о сексуальности ни один из интервьюированных мужчин старше 50 лет не упомянул нежелательность сексуальных отношений, в то время как почти 20 % женщин того же возраста заявили об этом. В качестве причины женщины чаще называли отсутствие потребности в сексуальных отношениях, в то время как мужчины чаще называли проблемы со здоровьем[20]. Данные этого опроса интересны и для сравнения уровня беспокойства, связанного с сексом, среди людей старше 50 лет. Мужчин больше всего беспокоило, что они не смогут вести себя соответственно ситуации, или же то, как будет оценено их сексуальное мастерство. Женщин более часто тревожила оценка их тела партнером. Данные результаты соответствуют выводам других исследований. Например, Ханна Пальска отмечает, что пожилые люди в возрасте 50 лет и старше (особенно женщины) демонстрируют самый высокий уровень неудовлетворенности собственной внешностью.

Роль менопаузы

Проблемы женского здоровья, активности и общего самочувствия, а также сексуальности в возрасте 50 лет и старше нельзя рассматривать в отрыве от физиологических изменений, связанных с менопаузой. Такие изменения могут значительно ухудшить психосоциальное самочувствие. В большинстве европейских стран, включая Польшу, средний возраст менопаузы приходится приблизительно на 50-й год жизни[21]. Это означает, что в этих странах более 1/3 своей жизни женщины проживают после наступления менопаузы. Однако в Польше социальным аспектам менопаузы не уделяется достаточного внимания: если это понятие появляется в публичном дискурсе, то используется его медицинское понимание (нехватка гормонов)[**]

[*] Собственные расчеты (ESS, 2006). Социальные контакты чаще, чем раз в неделю, указали 24 % женщин в возрасте 50–59 лет по сравнению с 28 % более молодых и 32 % более пожилых женщин; реже, чем раз в месяц, – 32 % женщин в возрасте 50–59 лет, 18 и 30 % в более молодой и более пожилой группе соответственно.

[**] Анализ семи популярных женских журналов, содержащих статьи о менопаузе, подтверждает этот вывод. Чаще всего статьи посвящены симптомам менопаузы и гормонозаместительной терапии (Bielawska-Batorowicz E. Występowanie objawów uznawanych za nietypowe dla menopauzy u kobiet i mężczyzn w wieku 45–55 lat // Przegląd Menopauzalny. 2005. № 1. S. 53–60).

или произносятся шутки и напутствующие комментарии, которые сводят к минимуму переживания женщин. Поэтому следует уделить внимание проблемам, связанным с опытом менопаузы и поддержанием хорошего здоровья.

Интерес к менопаузе как предмету психомедицинского исследования связан прежде всего с появлением ряда психических и физиологических симптомов, которые с разной степенью и интенсивностью влияют на настроение и функционирование организма женщины*. Эти симптомы могут продолжаться несколько лет после исчезновения менструации или даже дольше и относятся к периоду 50–59 лет. Часто они представляют собой проблему, которая снижает активность женщины на работе и дома, практически исключает возможность отдохнуть.

С точки зрения исследования интерес вызывает тот факт, что в разных странах женщины переживают симптомы и последствия менопаузы по-разному. Одни проходят через этот период жизни почти незаметно, тогда как для других он означает годы, отмеченные физиологическими и психологическими изменениями, которые делают невозможным нормальную жизнедеятельность. Поиск факторов таких различий стал настоящим вызовом для врачей, психологов, антропологов и социологов. Первоначально различия между интенсивностью испытываемых женщинами симптомов искали среди биологических переменных. Однако интересные результаты, полученные в кросскультурных исследованиях об опыте менопаузы, выдвинули на первый план гипотезы социального и культурного характера. Отмечалось, что господствующие взгляды на фертильность, старение и роль женщины в целом формируют их ожидания и отношение к менопаузе и влияют на социальный статус женщин среднего возраста. Эти ожидания и отношения переходят в субъективное восприятие менопаузы и приписываемое ей значение[22]. В традиционных культурах, где к процессу старения относятся более естественно и где существует положительное отношение к людям пожилого возраста, процессы менопаузы протекают менее болезненно[23]. Была выявлена взаимозависимость между восприятием симптомов менопаузы и уровнем образования, социальным статусом женщины и занятостью[24], а также большая частота психологических симптомов у полных женщин, что может быть связано с физиологическими процессами, а также с представлениями о теле в культуре[25].

Проведенные в Польше сравнительные исследования наличия психофизиологических симптомов, типичных для менопаузы, у мужчин и женщин в возрасте 45–55 лет[26] показали наличие значительно большего количества расстройств у женщин. Более 80 % женщин испытывали сразу несколько этих симптомов (раздражительность, возбудимость, беспричинное беспокойство, перепады настроения, трудности в концентрации, частые головные боли, бессонница). Неблагоприятные изменения, появляющиеся в состоянии здоровья в период менопаузы, регистрируются медицинской статистикой: в результате нехватки эстрогена и повышения уровня холестерина увеличивается уровень заболеваний раком репродуктивных органов женщин, появляются атеросклеротические изменения, развивается ожирение. Также возникают дегенеративные изменения суставов с тенденцией к развитию остеопороза[27].

У этой проблемы есть индивидуальное и социальное измерение. Нарушенное функционирование организма переносится на профессиональную сферу и эффективность семейных ролей, так что в широкой перспективе оно имеет социальные и экономические последствия. Сложности, связанные с периодом менопаузы, также совпадают по времени с принятием решений, касающихся выхода на пенсию, в частности – раннего выхода. Труд-

* Чаще всего эти симптомы разделяют на три группы: сосудисто-двигательные (приливы, чрезмерное потоотделение), соматические (усталость, головокружения и головная боль, нечувствительность конечностей, боли в спине, мышечные и суставные боли) и психологические (тревога, перепады настроения, трудность концентрации, депрессия, вялость, бессонница).

ность в мобилизации сил, чувство подавленности во многих случаях приводят к решению прекратить трудовую деятельность.

Анализ интерпретаций сложного периода менопаузы указывает на необходимость междисциплинарного подхода к его изучению. Гормональные изменения, возникающие в организме женщины, не вызывают сомнений, их характер универсален, но они могут появляться в разном возрасте и с различной степенью интенсивности. Однако субъективные ощущения, связанные с этими изменениями, необходимо рассматривать с точки зрения психологических характеристик женщин, того, как они переживают новые для себя ощущения (личностные черты, невротичность, реактивность).

Различные интерпретации менопаузы также отражаются в разной степени их медикализации: рассмотрения их как естественного феномена, естественного периода жизни женщины или как связанного с нехваткой эстрогена нарушения, вызывающего дискомфорт и требующего медицинского вмешательства. Последний подход характерен для богатых стран, где хорошо развита система здравоохранения и где институты фармакологических исследований интенсивно изучают возможность гормональной помощи во время менопаузы. Гормонозаместительная терапия (ГЗТ) принесла облегчение многим женщинам, значительно уменьшая остроту многих симптомов менопаузы. Среди положительных результатов терапии упоминается снижение риска остеопороза и болезней кровообращения. Однако исследования последствий данной терапии для здоровья не смогли дать окончательного ответа о негативных последствиях терапии, прежде всего – риска развития рака груди. Широко распространенные результаты исследования «Women's Health Initiative» указали на риск данной терапии для здоровья[28]. Хотя впоследствии данный вывод подвергался критике за несоблюдение методологии, он повлиял на решение многих женщин прекратить терапию и, таким образом, потерять контроль над состоянием, которое они испытывали.

В Польше вопросы и проблемы, связанные с менопаузой, в основном относятся к компетенции гинекологов. В случае острых симптомов женщины чаще всего обращаются к ним за помощью. Конечно, не все: культурные барьеры, существующие в Польше, часто останавливают женщин перед возможностью проконсультироваться у гинеколога, даже когда существует реальная угроза их здоровью[29]. Однако стоит задаться вопросом: может ли женщина, обратившаяся к доктору, чтобы получить рецепт на ГЗТ или другую помощь, рассчитывать на понимание? У нас нет данных на этот счет, однако письма к редакторам женских журналов показывают, что часто ГЗТ не назначают, даже если для этого нет медицинских противопоказаний.

Невмешательство в так называемые естественные процессы является обычным явлением среди польских гинекологов, и часто оно распространяется на другие сферы жизни женщин, например на контрацепцию: многие доктора отвергают гормональную контрацепцию, предпочитая естественные методы, хотя и доказано, что они мало надежны[30].

В этой ситуации напрашивается вывод, что женщины не получают необходимую поддержку и понимание в этот сложный период их жизни. Конечно, нет данных, которые могли бы показать, что подобное состояние просто переходит на социальную и профессиональную активность женщин старше 50 лет или на их способность соответствовать социальным ожиданиям. Однако эти вопросы не должны игнорироваться.

Женщины старше 50 лет и социальные ожидания: работа или пенсия?

Растущая ожидаемая продолжительность жизни, которая в другой ситуации являлась бы положительным показателем социального развития, представляет собой серьезную проблему для социальной политики всех развитых стран: уже сейчас в этих странах доля лиц старше 60 лет больше, чем лиц в возрасте 12–24 года. Появляющиеся прогнозы предсказывают, что к 2050 г. в странах ЕС соотношение доли трудоспособного населения к

доле пожилых людей изменится с 4:1 до 2:1. Данная проблема намного более остро стоит в так называемых новых странах-членах ЕС*. Возникает необходимость реформировать пенсионную систему и увеличить долю пожилых людей, прежде всего женщин, на рынке труда. Лиссабонская стратегия рекомендует проведение реформ, направленных на лучшее использование рабочей силы и производительности пожилых людей. Поэтому все четче очерчивается как новая повестка дня для социальной политики – необходимость предусмотреть полезные социальные роли для всех тех, кто хотел бы их исполнять.

В Польше, как и в других странах, социальная политика в части, регулирующей положение пожилых людей, в значительной степени направляется экономическими соображениями: расходами на пенсии и пособия, здравоохранение и поддержание центров социального обеспечения. Хотя много говорится о необходимости обеспечить адекватные условия жизни для пожилых людей, непомерно растущая сфера затрат на общественные нужды, в частности пенсии, считается одним из основных вопросов «экономического кризиса». Отмечается, что увеличивающаяся средняя продолжительность жизни означает, что женщины будут получать пенсию примерно в течение 20 лет; в то же время их здоровье и физическая форма ко времени выхода на пенсию не свидетельствуют о необходимости прекратить работу.

Таким образом, основной политический курс Польши призывает стимулировать женщин быть профессионально активными, рассматривает женщин из-за раннего выхода на пенсию единственно как потребителей бюджетных средств. То, что женщины все чаще выступают как потребители общественно спонсируемых услуг, частично компенсируется неоплачиваемыми часами работы женщин для других, часто более молодых, членов семьи (работа по домохозяйству или воспитание детей), что редко принимается во внимание – как отмечалось в данной статье. Таким образом, проблема, несомненно, оказывается более сложной, чем она представляется в официальных политических документах.

Длящиеся уже несколько лет дискуссии о повышении пенсионного возраста для женщин были встречены в Польше по-разному самими женщинами[31]. Разница между возрастом выхода на пенсию для мужчин и женщин (мужчины – 65 лет, женщины – 60 лет), предписанная законом, первоначально была привилегией женщин, но со временем она стала более или менее предписанной нормой. Работодатели заставляют женщин увольняться по достижении 60 лет, даже если те готовы работать дольше. Парадоксально, но их настроение (см. табл. 2, 3) в этом возрасте не ухудшается, а даже слегка улучшается. Конечно, по ощущениям многих женщин момент, когда они выходят на пенсию, – это долгожданная передышка от повседневной работы, особенно желательная, если работа была обременительной, плохо оплачиваемой, изнурительной и не повышающей самооценку. Однако многие женщины, особенно те, которые увлечены работой и карьерой, хотели бы работать. Более короткий период занятости женщин влияет на размер получаемой пенсии; более низкий уровень пенсии является аргументом для противников более раннего возраста выхода на пенсию женщин по сравнению с мужчинами**.

Новая система выхода на пенсию, введенная в 1999 г., соотносит объем пенсии с периодом времени, когда выплачивались отчисления на пенсию, количеством накопленного капитала и продолжительностью жизни после выхода на пенсию, поэтому она более благоприятна для мужчин, чем для женщин. Порог в 60 лет делает период отчислений короче для женщин. Бо-

* Шестнадцать стран Центрально-Восточной Европы, присоединившихся к Европейскому Союзу в 2004–2007 гг. (*Прим. пер.*).

** Данные вопросы стали одной из главных тем панельного обсуждения «Женщины и экономика» на Втором конгрессе польских женщин (июнь 2010 г., Варшава).

лее того, поскольку зарплаты женщин, как правило, меньше, чем у мужчин, их пенсионные отчисления тоже меньше. Женщины в среднем живут дольше, накопленный ими капитал разделяется на большее количество лет. Тем не менее большинство поляков (80 %) считают, что более ранний выход женщин на пенсию – это справедливо[32]. В то же время поляки в целом (в особенности пожилые, менее образованные, живущие в небольших поселениях) убеждены, что возраст выхода на пенсию должен быть еще ниже как для мужчин, так и для женщин.

Можно предположить, что ситуация изменится благодаря растущему уровню образования среди женщин, достигающих пенсионного возраста, и продление периода профессиональной активности будет принято ими с большей готовностью*. Как и растущий уровень образования, финансовый фактор, связанный с худшей обеспеченностью пожилого возраста, должен – по крайней мере в теории – быть для женщин стимулом изменить существующее законодательство, чтобы повысить уровень пенсий путем увеличения периода занятости. Конечно, как было уже отмечено, позиция женщин в этом вопросе не однозначна и требуются продуманные меры социальной политики, которые сопровождали бы подобную реформу.

За реформу выступают прежде всего образованные женщины, заинтересованные в продолжении работы, те, для кого работа – это интеллектуальная задача и не только необходимость заработать. Против выступают женщины, занятые изнурительным физическим трудом или плохо оплачиваемой работой. В опыте последних совмещение домашних и профессиональных обязанностей становится самой трудной задачей. Также можно предположить, что их чувство усталости от жизни и работы больше, а стресс, который они испытывают, носит хронический характер. Данные о здоровье женщин из разных социальных классов во многих странах четко подтверждают, что в большей степени «изнашивается» организм женщин более низкого социального статуса. Кроме того, образованные, высококвалифицированные женщины в возрасте 50 лет и старше видят больше возможностей на рынке труда, их шансы устроиться на работу, которая приносила бы удовлетворение, тоже выше. Женщинам более низкого социального статуса сложно соответствовать новым технологическим требованиям.

* * *

Происходящие в обществе перемены требуют изменения наших представлений о пожилом возрасте и более активной подготовки к нему как со стороны граждан, так и со стороны государства. С точки зрения государства необходимо ввести и осуществить «модернизирующий сценарий» (по определению Ирены Котовской), т. е. проводить адекватную долгосрочную государственную политику в отношении старения как части жизненного цикла. Необходимость быть активным и ответственным за свою жизнь в пожилом возрасте также должна стать элементом индивидуального планирования жизни и соответствующей подготовки людей в возрасте 50 лет и старше. Исследования показали, что поляки предпенсионного возраста ориентированы на сегодняшний день и что у них отсутствует долгосрочное планирование своей жизни. Таким образом, женщины проживают около трети собственной жизни, не имея четких планов и перспектив на будущее. Подобное отношение тесно связано с минималистской концепцией выживания, которую гарантирует пенсионеру государство. Это отношение, близкое к концепции старения как освобождения, очевидно и в сфере социальной и гражданской активности стареющих женщин. Поэтому сами по себе законодательные изменения, продлевающие трудоспособный возраст женщины, не кажутся достаточным решением проблемы. Необходимо создать систему, ко-

* По данным 2006 г., доля женщин с начальным образованием в группе 60–69 лет составляла 48,5 %, в группе 50–59 лет – 30,8 %, в группе 40–49 лет – только 12,6 %.

торая позволит стимулировать активность женщин в возрасте 50 лет и старше (введение гибкого рабочего дня, организация работы социальных служб, формы постоянного образования, поощрение участия в общественной жизни, освобождение женщин от функций нянек и воспитателей путем расширения детских садов и т. д.).

Если смотреть на проблему под таким углом, то обнаруживается необходимость социализации, которая предшествовала бы грядущим изменениям, еще до того, как они станут необходимыми. Например, выход на пенсию не должен восприниматься только как факт или событие, которое случится в будущем, но как новый этап социализации, сознательно начинаемый в период «поздней зрелости», в возрасте 50 лет или даже ранее[33]. Женщинам, вступающим в шестое десятилетие жизни, должна быть обеспечена поддержка учреждений здравоохранения, связанная со сложным периодом интенсивных физических и гормональных изменений.

Неадекватность действующей социальной политики проблемам женщин старше 50 лет четко проявляется и в недостатке исследований, которые могли бы служить основой для определения положения женщин между зрелым и пожилым возрастом. Этот возраст – сложная и важная стадия для формирования будущих двадцати с лишним лет жизни женщин на пенсии (в среднем), уже поэтому он заслуживает внимания социальной политики. Однако до сих пор он не стал предметом особого исследования, которое могло бы предложить решения по улучшению качества жизни женщин и социальной активизации.

[1] См.: Seniorzy w polskim społeczeństwie. Warszawa, 1999; Halicka M. Satysfakcja życiowa ludzi starych. Białystok, 2004; Tobiasz-Adamczyk B., Brzyski P., Bajka J. Społeczne uwarunkowania jakości życia kobiet u progu wieku starszego. Kraków, 2004.

[2] См.: Busse E.W., Pfeifer E. Theories of Aging // Behavior and Adaptation in Late Life. Boston, 1968. P. 5–32.

[3] См.: Biggar J.C. The Sociology of Aging // Lloyd J., Mack W.J. Pease. Sociology and Social Life. New York, 1979. P. 127–158.

[4] См.: Bois J.P. Historia starości. Od Monatigne'a do pierwszych emerytur. Warszawa, 1996.

[5] См.: Halik J. Starzy ludzie w Polsce. Społeczne i zdrowotne skutki starzenia się społeczeństwa. Warszawa, 2002.

[6] См.: First European Quality of Life Survey // Time Use and Work – Life Options over the Life Course. Dublin, 2007. P. 28.

[7] См.: Sztanderska U., Grodkowska G. Aktywność ekonomiczna ludności // I. Kotowska, U. Sztanderska, I. Wóycicka (red.). Aktywnośc zawodowa i edukacyjna a obowiązki rodzinne w Polsce. Warszawa, 2007.

[8] См.: Tobiasz-Adamczyk B., Brzyski P., Bajka J. Społeczne uwarunkowania jakości życia kobiet u progu wieku starszego. Kraków, 2004.

[9] См.: Beisert M. Rozwój psychoseksualny człowieka // Lew-Starowicz Z., Skrzypulec V. Podstawy seksuologii. Warszawa, 2010. S. 81–91.

[10] См.: Bielawska-Batorowicz E. Występowanie objawów uznawanych za nietypowe dla menopauzy u kobiet i mężczyzn w wieku 45–55 lat // Przegląd Menopauzalny. 2005. № 1. S. 53–60.

[11] См.: Oleś P., Baranowska M. Przełom połowy życia u kobiet // J. Meder (ed.). Problemy zdrowia psychicznego kobiet. Kraków, 2003. S. 151–160.

[12] См.: Palska H. Starość i kultura młodości // H. Domański, A. Ostrowska, A. Rychard (eds.). Niepokoje polskie. Warszawa, 2004.

[13] См.: Izdebski Z. Seksualność Polaków 50+. OBOP [Public Opinion Research Centre] Report. 2006.

[14] См.: Halicka M. Satysfakcja życiowa ludzi starych. Białystok, 2004.

[15] См.: Arber S., Thomas H. From Women's Health to a Gender Analysis of Health // W.C. Cockerham (ed.). The Blackwell Companion to Medical Sociology. Malden; Oxford, 2001. P. 94–113.

[16] См.: Titkow A. Tożsamość polskich kobiet. Ciągłość, zmiana, konteksty (Identity of Polish Women. Continuity, Change, Contexts). Warszawa, 2007.

[17] См.: Tobiasz-Adamczyk B., Brzyski P., Bajka J. Społeczne uwarunkowania jakości życia kobiet u progu wieku starszego. Kraków, 2004.

[18] См.: Beisert M. Rozwój psychoseksualny człowieka // Lew-Starowicz Z., Skrzypulec V. Podstawy seksuologii. Warszawa, 2010. S. 81–91.

[19] См.: Lew-Starowicz Z., Skrzypulec V. Seksualność kobiety w okresie klimakterium // Podstawy seksuologi. Warszawa, 2010. P. 138–145.

[20] См.: Izdebski Z. Seksualność Polaków 50+. OBOP [Public Opinion Research Centre] Report. 2006.
[21] См.: Melby M.K., Lock M., Kaufert P. Culture and Symptoms Reporting at Menopause // Human Reproduction Update. 2005. № 5. P. 495–512.
[22] См.: Lock M. Menopause in Cultural Context // Experimental Gerontology. 1994. № 29. P. 307–317.
[23] См.: Kaufert P.M. The Social and Cultural Context of Menopause // Maturitas. 1996. № 23. P. 169–180.
[24] См.: Gold E.B. Demographics, Enivoronmental Influences and Ethnic and International Differences in the Menopausal Experience // R.A. Labo, J. Kelsey, B. Marcus (eds.). Menopause. Biology and Pathobiology. San Diego, 2000. P. 189–201.
[25] См.: Astbury J.Menopause // Mental Health Aspects of Women's Reproductive Health. 2009. P. 79–88.
[26] См.: Bielawska-Batorowicz E. Występowanie objawów uznawanych za nietypowe dla menopauzy u kobiet i mężczyzn w wieku 45–55 lat // Przegląd Menopauzalny. 2005. № 1. S. 53–60.
[27] См.: Wojtyniak B., Goryński P. Sytuacja zdrowotna ludności Polski / Narodowy Instytut Zdrowia – państwowy Zakład Higieny. Warszawa, 2008.
[28] См.: Chlebowski R.T. et al. Influence of Estrogen plus Progestin on Breast cancer and Mammography in Health Postmenopausal Women // Journal of American Medical Association. 2003. № 289. P. 3243–3253.
[29] См.: Ostrowska A., Gujski M. Walka z rakiem szyjki macicy w Polsce. Perspektywy, szanse i rekomendacje dla polityki państwa. Raport z sesji naukowej organizowanej przez SNS IFiS PAN i dziennik Służba Zdrowia. Warszawa, 2008.
[30] См.: Izdebski Z., Ostrowska A. Seks po polsku. Zachowania seksualne Polaków jako element stylu życia. Warszawa, 2003.
[31] См.: Szukalski P. Podsumowanie badania: wnioski i rekomendacje // P. Szukalski (ed.). To idzie starość. Postawy osób w wieku przedemerytalnym. Warszawa, 2008.
[32] См.: Szczepańska J. Aktualne problemy i wydarzenia. Raport z badania CBOS (208). 2007. 31.08–4.09.
[33] См.: Wollf K. The Biological, Sociological and Psychological Aspects of Aging. Spriengfield, 1978.

Поступила в редакцию 27.06.11.

Перевод А.А. Широкановой

Информация об авторе. Антонина Островска – профессор социологии Института философии и социологии ПАН. Исследовательские интересы включают социокультурные аспекты здоровья и болезней, стили жизни и социальное неравенство. Автор и редактор многих книг и статей по данной тематике, в том числе: *Śmierć w doświadczeniu jednostki i społeczeństwa* (Смерть в опыте индивида и общества) (1991; 1997; 2000), *Styl życia a zdrowie* (Стиль жизни и здоровье) (1999)*, Seks po polsku. Zachowania seksualne jako element stylu życia Polaków* (Секс по-польски. Сексуальное поведение как элемент стиля жизни) (2004*), Zróżnicowanie społeczne a zdrowie* (Социальная дифференциация и здоровье) (2009). В настоящее время предметом исследований А. Островской являются проблемы женского здоровья.

Е.В. ШКУРОВА,
КАНДИДАТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК (МИНСК)
С.Г. КАРАСЕВА,
КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ (МИНСК)

РЕЛИГИЯ В ОБРАЗОВАНИИ: К ВОПРОСУ О ВВЕДЕНИИ В ШКОЛЬНУЮ ПРОГРАММУ КУРСА О РЕЛИГИИ (РЕЛИГИЯХ)

На основании данных социологического исследования анализируется мнение школьников старших классов и родителей учеников учреждений общего среднего образования г. Минска о перспективе введения в школьную программу курса о религии (религиях).

The opinion about the perspectives of introducing the course of religion (religions) into the curriculum expressed by senior pupils and parents of pupils of secondary education establishments in Minsk is analyzed on the basis of the data obtained in a sociological research.

Приоритетной задачей государственной образовательной политики является непрерывное повышение качества образования, а на ступени средней школы – еще и совершенствование воспитательных методик. В этой связи в последнее время все настойчивее высказывается мнение о том, что одним из условий оптимизации учебного и воспитательного процесса в школе может стать сотрудничество светских и конфессиональных институтов в

образовательной сфере[*]. Вопрос включения в школьную программу курса о религии (религиях) подводит к необходимости определения его предполагаемого учебного статуса и содержательного наполнения.

Для прояснения этих позиций оптимальным является прямое обращение к мнению той социальной группы, которой адресован предполагаемый курс, а именно – к мнению школьников и их родителей[**]. При этом если мнение родителей является юридически и социально легитимным для научного заключения о ситуации, то мнение школьников должно быть легитимировано через возрастной ценз. Среди школьников выбирается та группа, которая по возрастным и образовательным позициям отвечает требованиям социальной состоятельности, т. е. может быть признана способной формировать относительно самостоятельные суждения, в том числе по поводу образовательного процесса. Такую группу составляют учащиеся старших классов (с 9-го по 11-й) общеобразовательных школ. Изучение готовности этой адресной группы к восприятию сведений о религии (религиях) – необходимое условие корректного (и, как следствие, социально успешного) включения соответствующего курса в школьную программу.

Для выявления отношения к изучению курса о религии (религиях) в апреле – мае 2011 г. был проведен анкетный опрос учащихся старших классов (с 9-го по 11-й) и родителей учащихся разных классов учреждений общего среднего образования г. Минска.

Отношение изучалось по следующим направлениям: выяснение уровня осведомленности старшеклассников и родителей о религиях; оценка ими

---

[*] В течение 2010 г. в белорусской прессе развернулась дискуссия, инициированная газетой «Звязда», на тему включения религиозного компонента в систему школьного образования. Материалы дискуссии были размещены на сайтах печатных изданий. Наиболее интересными публикациями этой дискуссии можно считать следующие: Мандрык С., Гаранскі А. Давайце не будзем шукаць ворагаў… (Ці патрэбна нашым дзецям выкладанне асноў рэлігіі ў школе) // Звязда. 2010. 1 верас. № 70 (26 778) [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: http://www.zvyazda.minsk.by/ru/issue/article.php?id=65126. Дата доступу: 11.03.2011; Довгялло Г.А. Преподавание религии в школе – не дань традиции, а жесткий прагматизм // Звязда. 2010. 11 мая.№ 101 (26 809); То же // ЦАРКВА.BY: беларускі хрысьціянскі партал [Электронны. рэсурс]. Рэжым доступу: http://churchby.info/bel/555/. Дата доступу: 18.08.2011.

Дискуссия была развернута накануне и после крупной международной конференции, знаковой для сферы государственно-конфессиональных отношений в Беларуси, – XVI Кирилло-Мефодиевских чтений, которые были целиком посвящены теме религии и образования. (См.: XVI Международные Кирилло-Мефодиевские чтения, Минск, 26–28 мая 2010 г.: Материалы чтений «Религиозная культура в контексте светского образования» / Отв. ред. и сост. Г.Н. Петровский. Мн., 2011.)

Дискуссия и конференция предваряли обсуждение и принятие нового варианта Программы сотрудничества между Министерством образования Республики Беларусь и Белорусской Православной Церковью. Программа была принята 8 апреля 2011 г. (См.: Программа сотрудничества между Министерством образования Республики Беларусь и Белорусской Православной Церковью на 2011–2014 гг. / Министерство образования Республики Беларусь. Социальная и воспитательная работа [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.minedu.unibel.by/main.aspx?guid=-44403. Дата доступа: 30.04.2011.)

[**] В Беларуси подобные исследования практически не проводились, если не считать таковыми включение небольших блоков вопросов об отношении молодежи к религии в обширные опросники по изучению ценностей белорусов. (См.: Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей» / Д.Г. Ротман [и др.]; Под ред. Д.М. Булынко, А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана. Мн., 2009.)

За рубежом исследования общественного мнения на тему религии и образования ведутся постоянно. В США большинство из них тяготеет к теме религиозной толерантности в школе. (См., например: Latest Articles on Religion in Schools // Religious Tolerance. Religion in Schools [Electronic resource]. Access Mode: http://www.suite101.com/religion-in-schools. Date of access: 6.08.2011.)

В Европе взаимодействие религиозных и светских образовательных институтов является предметом внимания Еврокомиссии. Последнее масштабное исследование на эту тему было проведено в рамках проекта REDCo (Religion in Education: Contribution to Dialogue / Религия в образовании: вклад в диалог) в 2006–2009 гг. Подробный отчет об этом исследовании см.: Religion in Education: Contribution to Dialogue. Policy Recommendation of the REDCo Research Project [Electronic resource]. Access Mode: http://www.redco.uni-hamburg.de/web/3480/3481/index.html. Date of access: 5.08.2011.

Примечательное исследование общественного мнения относительно включения религиозного компонента в систему образования было проведено в Сербии. (См.: Kuburic Z., Vukomanovic M. Religious Education: the Case of Serbia // Sociologija. 2005. Vol. 47. Iss. 3. Start page: 229. The same in: Academic Journals Database [Electronic resource]. Access Mode: http://www.journaldatabase.org/articles/religious_education_case_serbia.html. Date of access: 3.08.2011.)

роли религии в жизни общества, человека и их собственной; определение уровня их заинтересованности в получении знаний о религиях; изучение их возможных поведенческих стратегий в случае введения данной дисциплины в образовательный процесс; выявление их основных предпочтений относительно формы и содержания предполагаемого курса.

Из 483 опрошенных учеников старших классов 44,9 % составили юноши и 55,1 % – девушки. Возраст старшеклассников – 14–18 лет, причем 8,5 % респондентов – в возрасте 14 лет, 36,9 % – 15 лет, 32,8 % – 16 лет, 20,7 % – в возрасте 17 лет. Количество 18-летних составило 1 %. Среди учащихся 9–11-х классов 41,2 % составили девятиклассники, 30,4 % – десятиклассники и 28,4 % – одиннадцатиклассники.

Было опрошено также 436 родителей учащихся средних школ, из них – 83,1 % женщин и 16,9 % мужчин. Данная диспропорция объясняется тем, что опрос проводился непосредственно в учебных заведениях, на родительских собраниях, которые чаще посещают матери школьников. Возрастные группы респондентов сформировались следующим образом: 0,5 % в возрасте до 20 лет, 5,6 % – 21–30 лет, 60,2 % – 31–40 лет, 30 % – 41–50 лет, 2,8 % – 51–60 лет, 0,9 % – 61 год и старше. В ходе исследования опрашивались родители учащихся разных классов. Так, 21,9 % респондентов – родители учеников начальной школы. У 61,7 % родителей дети обучались в 5–8 классе. И 16,4 % респондентов – родители старшеклассников.

Определение уровня осведомленности о религиях позволяет судить о наличии у респондентов интереса к данному социальному явлению. Как старшеклассники, так и родители школьников продемонстрировали весьма высокий уровень знаний о существующих религиях: 94 % учеников старших классов и 90,8 % родителей назвали хотя бы одну известную им конфессию. Следует отметить, что представления о религиях у родителей и учеников чаще ассоциируются с традиционными для Беларуси конфессиями (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная характеристика религий, названных в качестве известных учениками и родителями

Известные респондентам религии	Количество выборов, %	
	старшеклассники	родители
Буддизм	20,8	17,5
Ислам	16,8	19,9
Католицизм	15,7	17,6
Христианство	15,6	24,4
Православие	13,2	8
[Традиционные этнические религии]*	10,2	8
Протестантизм	6,0	3
[Нетрадиционные религиозные движения]*	1,5	1,6
Гностицизм	0,1	–

Примечание. * В эти группы при обработке данных нами было объединено множество единично упоминавшихся религий.

Наиболее популярными у старшеклассников оказались буддизм, ислам, католицизм, христианство, православие. Родители в первую очередь упомянули христианство, ислам, католицизм, буддизм, православие.

Очевидно, что в оценках знаний о религиях проявляется тенденция к упоминанию преимущественно традиционных конфессий, а также тех, которые «на слуху», поскольку деятельность их последователей освещается в СМИ. Православие часто ассоциируется с христианством в целом, чем объясняется его меньший по сравнению с другими традиционными конфессиями рейтинг. Кроме того, знания старшеклассников о религиях отличаются несколько большим разнообразием, что свидетельствует о различии источников получения ими и родителями повседневной «фоновой» информа-

ции о религиях. Можно предположить, что для родителей основными источниками информации о религиях являются телевидение, пресса, Интернет (социальные сети и новостные сайты), тогда как для старшеклассников – Интернет (социальные сети, музыкальные и видеоресурсы) и телевидение (музыкальные программы). Впрочем, этот вопрос требует специального изучения. Он важен для оценки (точнее, переоценки) средств и эффективности социально-культурных и просветительских программ христианских церквей и других традиционных для Беларуси конфессий, а также педагогического потенциала религиозных институтов в связи с их возможным участием в школьном образовании.

Мотивация к изучению дисциплины проявляется в оценке ее значимости. Школьники склонны в целом положительно оценивать влияние религии в жизни общества, человека и своей собственной (табл. 2).

Таблица 2

Оценка старшеклассниками влияния религии на жизнь общества, человека и самого респондента, %

Оценка	Какое влияние религия оказывает на		
	жизнь общества	жизнь человека	собственную жизнь респондента
Положительная	31,4	37,1	31,1
Скорее положительная	50,2	48,3	35,5
Никакой	12,9	11,2	32,6
Скорее отрицательная	5,1	3,2	0
Отрицательная	0,4	0,2	0,8

Большинство школьников (81,6 %) дают положительную или скорее положительную оценку значению религии в жизни общества. При оценке влияния религии на жизнь человека число положительных ответов увеличивается (85,4 %), а число нейтральных и негативных выборов снижается. В значительной степени отличается от оценки роли религии в жизни общества и человека характеристика старшеклассниками ее значения в их собственной жизни. Выделяется три группы мнений: положительное (31,1 %), скорее положительное (32,6 %) и нейтральное (32,6 %). Незначителен процент отрицательных оценок (0,8 %).

При достаточно высокой оценке школьниками значимости религии в целом учащиеся оценивают значение религии в жизни отдельного человека выше по сравнению с оценкой влияния религии на жизнь общества, но при этом почти треть старшеклассников считает, что на их собственную жизнь религия не оказывает никакого влияния.

Оценки значения религии в общественной жизни родителями школьников весьма высоки (табл. 3).

Таблица 3

Оценка родителями учеников влияния религии на жизнь общества, человека и самого респондента, %

Оценка	Какое влияние религия оказывает на		
	жизнь общества	жизнь человека	собственную жизнь респондента
Положительная	44,5	50,5	49,6
Скорее положительная	47,1	43,9	35,1
Никакой	7,0	4,7	13,8
Скорее отрицательная	0,9	0,5	0,2
Отрицательная	0,5	0,5	1,2

Положительно оценили значение религии в жизни общества 91,6 % опрошенных родителей, еще выше процент положительных оценок роли религии для человека (94,3 %). При оценке влияния религии на собственную жизнь процент положительных оценок несколько снижается (84,8 %) за счет увеличения числа нейтральных ответов (13,8 %).

Как родители, так и школьники дают высокую оценку значимости религии в жизни современного общества, причем у родителей она оказывается более высокой. Также при общем положительном отношении как дети, так и родители склонны выше оценивать значение религии в жизни человека, но ниже – в своей собственной жизни.

Непосредственная оценка степени заинтересованности учеников в знаниях об определенном предмете позволяет судить о потенциальной успешности введения курса в школьную программу. Следует отметить, что школьники демонстрируют определенную заинтересованность в получении знаний о религиях, хотя мнения колеблются.

Однозначную заинтересованность в получении знаний о религиях высказали 8,9 % респондентов. Совсем не интересуются знаниями о религиях 7,3 % школьников. Большее число респондентов выбрали вариант ответа «скорее да, чем нет» – 36,2 % респондентов, «скорее нет, чем да» – 24,3 %. Затруднились с определением своей позиции 23,3 % учащихся.

Школьники в значительной мере подвержены мнению родителей, поэтому оценка последними значимости знаний о религиях может повлиять на готовность учащихся изучать курс. Следует отметить, что родители придают достаточно большое значение знаниям о религии для общества, себя и своих детей (табл. 4).

Таблица 4

Оценка родителями значимости знаний о религиях

Оценка необходимости знаний о религиях	Нужны ли знания о религиях		
	обществу	Вам лично	Вашему ребенку
Да, безусловно	51,7	47,5	48,6
Скорее да, чем нет	36,1	39,0	39,2
Затрудняюсь ответить	9,8	8,3	9,4
Скорее нет, чем да	1,6	4,5	2,1
Нет, совершенно не нужны	0,7	0,7	0,7

Большая часть родителей положительно оценивает значимость знаний о религиях для общества: 51,7 % респондентов высказали однозначно положительное мнение. При оценке значимости знаний о религиях непосредственно для себя число безусловных положительных ответов снижается (47,5 %), хотя общая оценка остается высокой. Оценки значимости знаний о религиях для собственных детей практически не отличаются от таких оценок для себя лично (см. табл. 4).

Однако одной заинтересованности для успешного изучения курса недостаточно. С целью определения предпочтений учащихся им было предложено высказать мнение о лучшем способе преподавания курса о религии (религиях). Подавляющее большинство (79,9 %) старшеклассников высказали мнение о том, что сведения о религиях должны изучаться по выбору, 14,5 % учащихся убеждены, что такой предмет в школе не стоит изучать вообще, и 5,6 % респондентов считают курсы о религиях для школы обязательными.

В этом вопросе родители полностью поддерживают учеников: 79 % из них высказали мнение о возможности изучения сведений о религиях в школе по выбору. Относительно обязательности изучения такого курса мнения родителей и детей различаются: на 10,1 % больше по сравнению с родителями старшеклассников считают, что сведения о религиях в школе изучать не следует, и на 11 % больше по сравнению с учениками родителей придерживаются мнения, что такой курс должен быть обязательным.

Характеристика потенциальных поведенческих стратегий родителей и детей в случае введения в школьную программу курса о религии (религиях) также позволяет оценить степень заинтересованности в соответствующих знаниях. Характеризуя собственное поведение при оценке перспективы

изучения в школе курса об основах религиозной культуры, и родители и дети ориентируются на относительно пассивную поведенческую стратегию (табл. 5).

Таблица 5

Мнение родителей и учеников о перспективе введения курса о религии (религиях) в школьную программу

В случае введения курса по изучению основ религиозной культуры в школе…	Старшеклассники, %	В случае введения курса по изучению основ религиозной культуры в школе, где учится Ваш ребенок…	Родители, %
Буду с интересом посещать все занятия	7,9	Запишу ребенка на факультатив и буду поощрять его	19,4
Схожу на несколько уроков, а после решу, нужно ли мне это	59,3	Запишу ребенка на факультатив, но не буду настаивать на его посещении	66,5
Лучше займусь в это время чем-нибудь более интересным	32,8	Не буду записывать ребенка на факультатив	14,1

Большая часть старшеклассников (59,3 %) считает, что принять однозначное решение о посещении курса о религии (религиях) возможно после нескольких уроков. Треть учеников не собираются посещать курс по изучению основ религиозной культуры, предпочитая другие виды занятий, и 7,9 % учащихся будет с интересом посещать занятия. Родители придерживаются аналогичной позиции относительно свободы выбора посещения занятий (см. табл. 5).

Таким образом, при введении в школьную программу курса по изучению основ религиозной культуры наиболее вероятной моделью поведения старшеклассников будет посещение нескольких занятий и последующий отказ от участия в них в том случае, если курс покажется неинтересным. Родители готовы предоставить право выбора посещения курса детям в зависимости от наличия у них интереса.

Обеспечить достаточно высокий уровень заинтересованности школьников в изучении курса о религии (религиях) возможно с учетом конкретных содержательных предпочтений учащихся. Определяя конкретные позиции, школьники придерживаются позиции разнообразия (табл. 6).

В случае введения в школьный курс предмета по изучению основ религиозной культуры четвертая часть школьников заинтересовалась бы необычными фактами из истории религий. 19 % учеников старших классов хотели бы узнать о социальных аспектах функционирования религии в обществе и характере их влияния на образ жизни людей. В отдельную группу можно выделить старшеклассников, заинтересованных в знаниях сути и истории различных религий в сравнении друг с другом. Из них 16,7 % школьников хотели бы ознакомиться с содержательными аспектами, 15,6 % – с историей различных религий. Еще одну группу респондентов составили те, кто хотел бы знать суть (12,7 %) и историю (5,2 %) одной конкретной религии. Не проявляют интереса к данному предмету 3,9 % школьников.

Таблица 6

Предпочтения учащихся в изучении сведений о религии (религиях)

Что именно Вы бы хотели узнать о религиях?	Количество выборов, %
Я заинтересовался(-лась) бы необычными фактами из истории религий	26,7
Мне интересно изучить влияние религий на образ жизни людей	19
Мне интересно изучить суть различных религий в их сравнении друг с другом	16,7
Я хотел(-а) бы изучить историю различных религий	15,6
Я хотел(-а) бы изучить суть одной конкретной религии	12,7
Я интересуюсь историей одной конкретной религии	5,2
Мне вообще не интересно	3,9
Для этого следует идти в церковь	0,1
Затрудняюсь ответить	0,1

Из тех учащихся, которые предпочли бы изучение сути одной конкретной религии, 35,7 % интересуются православием и 31,6 % христианством. Вероятнее всего, эти конфессии отождествляются друг с другом в их сознании. Значительный интерес вызывает буддизм – его хотели бы изучать 11,2 % старшеклассников. Некоторые школьники демонстрируют заинтересованность в изучении традиционных для Беларуси конфессий: католицизма (7,1 %), ислама (5,1 %), протестантизма (4,1 %). И вероятно, руководствуясь личной заинтересованностью, несколько респондентов (по одному человеку) выразили желание больше знать о конфуцианстве, иудаизме, лютеранстве, мормонах, растафарианах (наименования указаны в форме написания их респондентами).

Сходная ситуация наблюдается и в среде тех учеников, которые интересуются историей конкретной религии. 30 % выразили желание изучать историю православия и 27,5 % – историю христианства, по 12,5 % школьников хотели бы изучать историю буддизма и католицизма и по 5 % – ислама и протестантизма. И те же респонденты, что и в первом случае, выразили готовность изучать историю конфуцианства, мормонов и растафариан.

В целом предпочтения старшеклассников относительно содержательных аспектов курса по изучению основ религиозной культуры в основном детерминированы ориентацией либо на развлекательный характер курса, либо на содержательный и сравнительный. Небольшая часть оценок обусловлена личной заинтересованностью в изучении особенностей конкретных религий. Предпочтения родителей направлены в основном на содержательные аспекты курса и разнообразие получаемых детьми знаний (табл. 7).

Таблица 7

Предпочтения родителей в изучении детьми сведений о религии (религиях)

Что должен сообщать факультативный курс о религии (религиях)?	Количество выборов, %
Сведения об истории различных религий	24,6
Суть различных религий в их сравнении друг с другом	24,4
Влияние религии на образ жизни людей	21,0
Необычные факты из истории религий	16,6
Суть одной конкретной религии	9,0
Историю одной конкретной религии	3,7
Затрудняюсь ответить	0,8

24,6 % респондентов считают целесообразным строить курс на основе сведений об истории различных религий и еще 24,4 % – на основе сведений о сути различных религий в их сравнении друг с другом, 21 % родителей делают акцент на социальной функции религии, 16,6 % думают, что детям было бы интересно узнать необычные факты из истории религий. Относительно небольшая группа родителей считает уместным изучение в рамках факультативного курса сути (9 %) и истории (3,7 %) одной конкретной религии.

Вопрос о том, суть и историю какой религии следует изучать на факультативном курсе (если он будет построен на основе сведений об одной религии), родители решают в пользу традиционных и наиболее распространенных в Беларуси конфессий. Те из них, кто считает целесообразным изучение на факультативном курсе сути одной конкретной религии, в качестве таковой назвали: христианство – 50,6 %, православие – 48,1 %, католицизм – 1,3 %. Среди религий, историю которых родители рекомендуют рассматривать на курсах по изучению основ религиозной культуры, названы православие (58,1 %) и христианство (41,9 %), которые отождествляются ими, как и старшеклассниками.

В целом родители в большей степени ориентированы на содержательный компонент курса, старшеклассники – на развлекательный, однако мнение о необходимости включения в курс по изучению религии (религий) разнообразных сведений совпадает в обеих группах.

Таким образом, как ученики, так и родители, высоко оценивая значение религии в социальной жизни и демонстрируя достаточно высокий уровень осведомленности относительно существующих конфессий, имеют весьма поверхностное и незаинтересованное представление о действительной конфессиональной ситуации в Беларуси. Данный факт делает актуальным вопрос о необходимости предоставления школьникам насыщенной и многоаспектной информации о религиях.

Есть основание полагать, что в современной ситуации введение в школьную программу обязательного курса по изучению сведений о религии (религиях) не будет иметь положительного воздействия на учеников, поскольку ни родители, ни старшеклассники его изучение не считают необходимым. Оптимальная форма введения занятий – по выбору.

Мотивация учащихся к регулярному посещению курса во многом опосредуется их заинтересованностью в сведениях о влиянии религии на жизнь человека, а также в увлекательных, необычных фактах из истории различных религий. При этом, определяя содержательные компоненты курса, необходимо учитывать в первую очередь предпочтения родителей, позиция которых более основательна и дальновидна. В то время как ученики ориентируются в основном на информацию развлекательного плана, родители делают акцент на сути и истории различных религий в их сопоставлении. Соответственно введение в школьную программу курса ознакомительного характера о сути и истории различных религий (не исключая необычных фактов из истории религий и фактов преображающего влияния религий на жизнь человека) будет способствовать заинтересованности родителей и детей в его изучении, а также оптимально соответствовать принципам светскости образования и поликонфессиональности культуры Беларуси.

Поступила в редакцию 09.07.11.

От редакции

Готовится к изданию учебник «Социология», обобщающий работу ведущих белорусских ученых и специалистов, которых объединяет университетская кафедра социологии. Мы решили опубликовать в этом номере лишь одну главу из большой рукописи учебника, подготовленного в соответствии с типовой учебной программой, разработанной по стандарту этой дисциплины, утвержденному Министерством образования Республики Беларусь. Рассчитан учебник на вузовских преподавателей и научных работников, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами развития социологической науки и социологического образования.

С.А. ШАВЕЛЬ,
ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК (МИНСК),
А.Н. ДАНИЛОВ,
ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ НАН БЕЛАРУСИ (МИНСК)

ВВЕДЕНИЕ В ДИСЦИПЛИНУ «СОЦИОЛОГИЯ»

Общественная потребность в социологическом знании. Сегодня термин «социология» ни у кого не вызывает удивление или смущенное пожимание плечами, что означало бы – «никогда не слышал». Ежедневно по телевидению, радио, из газет и журналов, Интернета можно узнать о результатах социологических опросов на все мыслимые и немыслимые темы. Конечно, это и хорошо и плохо одновременно. Хорошо – потому, что существует система изучения общественного мнения, позволяющая использовать чужой опыт, а значит, присутствует некий социальный механизм, который может упреждать, ограждать людей от возможных ошибок, неправильных действий или поступков. Плохо как раз то, что, как показывает опыт, на чужих ошибках никто не учится. Да и массовость – не сродни качеству, с годами все больше появляется фирм-однодневок или просто самозванцев от социологии, которые под маркой социологических исследований готовы выполнить любое пожелание заказчика. И это не только «болезни роста» для стран постсоветского мира – это реальность коммерциализации социальных наук во всем мире. Только недавний пример с рейтингами ведущих телекомпаний – тому подтверждение. Еще более показательна ситуация последних лет, связанная с пониманием природы, источников и причин современного кризиса.

Мировая общественность в недоумении: почему финансовый экономический кризис 2008–2009 гг. никто не смог предсказать заранее – ни мощные аналитические центры, ни СМИ, ни действующие ныне лауреаты Нобелевской премии по экономике, не говоря уже об астрологах, ясновидцах и т. п. Причина в том, что для выявления тенденции развития и создания правильного прогноза у аналитиков не было полной и достоверной социологической информации. Вспомним, как все начиналось. В США еще в 2007 г. появились первые сбои в одной из самых отлаженных в мире систем ипотеки (кредит под залог приобретаемой недвижимости). Банки спокойно шли на расторжение договоров ипотеки, даже иногда провоцировали его, зная, что уже выплаченные суммы не возвращаются заемщику, а недвижимость можно вновь продать. Не учтено было лишь то, что при достижении критической массы вынужденных невозвратов кредита и расторжений договоров возникает цепная реакция, выливающаяся в панику на рынках недвижимости. Кредитополучатели, видя, что цены на недвижимость (земельные участки, жилье и др.) падают, воспринимают прежние условия кре-

дитования как несправедливые. Соответственно одни из них требуют пересмотра условий, другие отказываются платить, затевая судебные тяжбы, третьи выходят из ипотеки, надеясь на более приемлемое решение своей проблемы. Только социология могла бы дать адекватную оценку настроений людей, однако такого заказа, судя по всему, не было. Ипотечным банкам подобные исследования казались в то время излишними, а государство осталось в стороне, блюдя либеральный принцип «laissez faire» – невмешательства в частные дела. В результате ипотека рухнула, кредитные учреждения обанкротились, эти волны прошли по всем отраслям экономики США, распространились по всему мировому финансовому пространству. Приведенный пример свидетельствует, во-первых, о необходимости включения социологических данных в макроэкономическую статистику, оперирующую «безлюдными» показателями – ВВП, розничный товарооборот и т. д.; во-вторых, что излишняя коммерциализация даже такой развитой социологии, как американская, способна дезориентировать исследователей, отвлечь их от самых злободневных проблем в угоду тем, которые оплачиваются заказчиком. Сегодня, наоборот, наблюдается избыток предсказаний о второй волне кризиса, однако и в них нет серьезных социологических обоснований. Тем самым недооценивается потенциал самоорганизации общества, основанный на согласовании экспектаций (ожиданий) людей и механизмах обратной связи (общественное мнение) в системе управления.

Зарождение социологии как самостоятельной науки. Вопрос о зарождении, времени и месте возникновения социологии, ее основоположниках, этапах (периодах) развития имеет большое значение для дальнейшего изложения всего материала учебника. Считается, что **впервые слово «социология», обозначающее область научного знания, было введено в научный оборот французским мыслителем Огюстом Контом в его работе «Курс позитивной философии» (1842).** Как и многие другие философы того времени, Конт находился под воздействием крупных успехов в области естественных наук. Поэтому он, рассматривая проблемы общества и социального поведения, во-первых, поднял на щит девиз «Порядок и прогресс», где порядок понимался по аналогии с физикой как симметричность и уравновешенность структурных элементов общества (индивидов и групп), а прогресс – как использование знаний об обществе прежде всего для решения конкретных проблем, направленных на оптимизацию человеческих отношений, в чем, по его мнению, заключалось отставание от других наук. Именно этот период (конец XVIII – первая половина XIX в.), когда и жил Конт, традиционно рассматривается как время зарождения социологии. Однако эта хрестоматийная истина нуждается в уточнении как с временной, так и с авторской точек зрения.

Дело в том, что вопросы, интересовавшие Конта, рассматривались в философии еще задолго до него. Истоки этого интереса прослеживаются уже в античности, в частности в трудах Платона и Аристотеля. Элементы социологических идей без труда обнаруживаются в произведениях Н. Макиавелли, Ш. Монтескье, Т. Гоббса, Дж. Локка, И. Канта, Г. Гегеля и у многих других представителей философской мысли, творивших до Конта.

Нельзя не учитывать и тот факт, что Конт был не единственным основоположником позитивизма, с которым связывают возникновение социологии. Не меньшая роль здесь принадлежит вдохновителю социальных идей Конта, его мэтру, стороннику индустриального общества – Сен-Симону. Свой вклад в возникновение позитивизма и социологии внесли также А. Кетле, Дж. Милль и Г. Спенсер. Известен и такой факт, что сам Конт не очень охотно пользовался термином «социология» (который имел уже хождение в научных кругах до него, в частности, его использовал и Кетле – бельгийский статистик) для обозначения новой науки об обществе, предпочитая называть ее «социальной физикой». Только после работ Спенсера этот термин все чаще и чаще стал применяться для обозначения новой науки об обществе. Тем не менее традиция есть традиция, и Конт считается если и не единственным, то одним из первых философов, стоявших у истоков социологии. Поэтому в целом возникновение социологии можно отнести к первой половине XIX в.

Пионеры социологии о потребности в новой науке и ее предназначении. Каждая наука рождается дважды: первый раз в форме идеи, второй –

в процессе институционализации. Идея, или проект, новой науки содержит обоснование общественной потребности в соответствующем знании, его функциональной направленности, методологических основаниях, а также доказательства невозможности получения знания из других источников – существующих научных дисциплин, жизненного опыта и др. Институционализация – это общественное признание и правовое закрепление статуса новой науки, после чего становится возможным ее преподавание, подготовка кадров, создание научных подразделений, финансирование исследований и пр.

Социология как проект зародилась во Франции в 1842 г., когда вышел из печати очередной том «Курса позитивной философии» Конта, в котором и содержалось оригинальное название новой науки, слово-гибрид: *социология* (от лат. societas – общество и греч. logos – учение). Процесс институционализации растянулся на 50 лет, его завершением можно считать основание в 1892 г. первого в мире социологического факультета в Чикагском университете, создание в Сорбонне кафедры социологии и присуждение Э. Дюркгейму первого в мире звания профессора социологии. Обратим внимание (об этом в литературе не упоминается), что великая плеяда пионеров социологии, включая признанных классиков – Конта, Спенсера, К. Маркса, Г. Зиммеля, М. Вебера, да и Дюркгейма в первый период творчества, а также многих последователей и оппонентов социологии во многих странах (в России – П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, Н.И. Кареев, Н.М. Ковалевский и др.; в Беларуси – И.В. Канчевский и др.) не могли зарабатывать на жизнь социологической работой. Уже один этот факт позволяет исключить какие-либо вненаучные мотивы, ангажированность и т. п. Эти люди строили здание социологии потому, что верили в ее потенциал, считали полезной и необходимой для общества, имея в виду не только свои страны, но и, как правило, судьбы человечества.

Можно, пожалуй, признать аксиоматичным, что новая наука утверждается только тогда, когда отвечает на актуальные общественные запросы, соответствует «духу времени» (Вебер) как устойчивой форме ценностного сознания социума. Если это так, то совсем не случайно социология возникла именно во Франции, в стране, пережившей на рубеже XVIII–XIX вв. несколько «тектонических» потрясений: революцию с невиданным до того террором; взлеты и падения наполеоновского правления; реставрацию монархии с новой спиралью революционной ситуации. Уже Сен-Симон, свидетель и участник – на стороне якобинцев – революции, пришел к выводу, что ничего, кроме хаоса и анархии, подобные перевороты не приносят, для преодоления возникающих кризисов «достаточно провести разумные перемены в правительстве и финансах». Но для этого нужны другие люди – не «вольтерьянцы» или «руссоисты», не те, кто готов пойти на подстрекательство и любые жестокости, а те, кто способен поставить во главу угла стабильность, индустриализм, модернизацию. Сен-Симон полагал, что это должны быть промышленники, проникнутые верой в прогресс наук, «новое христианство» и отдающие приоритет общему благу перед индивидуальным. В «Катехизисе промышленников» утверждалось, что главное – не просто рационализировать производство, а создать разумные, научно выверенные методы распределения.

Конт, развивая эту мысль, пришел к выводу, что такими людьми могут стать только социологи, точнее – социологически просвещенные промышленники, политики, управленцы, юристы и др. Чтобы такие люди появились, следует изменить систему образования, образ мышления и мировоззрение, для чего и нужна социология. Это и есть *первая предпосылка* необходимости и предназначения новой науки. Ее можно назвать образовательной. Социология нужна для того, чтобы вырастить специалистов, которые смогут грамотно разрешать классовые, трудовые, этнические, конфессиональные конфликты, предохраняя общество от революций, гражданских и религиозных войн, т. е. упреждая разрушение фундаментальных основ и нравственных устоев человеческого общежития. В начале XX в. именно социология, без преувеличения, спасла капитализм, предложив в лице тейлоризма, фордизма, теории человеческих отношений, социально ориентированных экономических учений (Маршалла, Кейнса и других) принципиально новые подходы к пониманию источников классовых и других противоречий и инновационные варианты снижения социальной напряженности.

Вторая предпосылка – гносеологическая. Суть ее в следующем вопросе: насколько при существующей системе наук и организации исследований общество способно к самопознанию, а значит, к грамотному решению возникающих проблем и упреждению социальных взрывов? Классики социологии, анализируя ситуацию своего времени, давали отрицательный ответ на этот вопрос. По их оценкам, в XIX в., как и ранее, общественная мысль существовала и развивалась в форме высоких абстракций в отрыве от повседневности. Наиболее жгучие проблемы, такие как оплата труда, жилищный вопрос, миграция, девиантное поведение, распределение и потребление и т. д., аналитически не анализировались – только в некоторых странах собиралась статистика по этим вопросам. Общественное мнение не изучалось, более того, считалось, что его репрезентантом являются публикации в газетах и журналах. Общественные науки не располагали методами для проникновения в социальную реальность, и в этом они существенно отставали от «наук о природе», успешно осваивающих экспериментальную технику познания. Высоко ценились личные наблюдения опытных людей, хотя их «объективность» оставалась сомнительной. Как результат, в ответ на все новые волны революции, прокатывающейся по Европе, правящие классы лишь усиливали репрессии, разжигая костер противоборства. Все это и отразилось в предложенном Контом кратком девизе новой науки: «Знать – чтобы предвидеть, предвидеть – чтобы регулировать». Трудно представить более жизненно важную потребность как в то время, так и сегодня – для любого общества (страны-государства), заботящегося о своем будущем.

Несмотря на то что тезис Конта был скорее декларацией о намерениях и до их реализации нужно было еще доработаться, на что ушли десятилетия, тем не менее сама эта установка вызвала осуждение и «слева» и «справа». Левые осуждали социологию за ее «охранительские предрассудки», т. е. отрицание революционных преобразований в пользу научно обоснованного реформирования; правые – увидели в ней угрозу либерально-демократическим ценностям: индивидуализму, свободе предпринимательства, правам человека и пр. со стороны субъекта управления (государства), отстаивающего общие интересы и целостность общества. «Детская болезнь “левизны”» проявилась и в ликвидации в СССР социологии как «буржуазной науки», хотя ее «буржуазность» можно усмотреть лишь в оправдании реформистского пути «спокойной модернизации» перед революционным катастрофизмом. Еще А. Токвиль писал: «Объективные цели революции могут быть достигнуты реформаторскими методами при условии их осознания верхами, их гибкости и политической воли». Эти слова применимы ко всем революциям – великим и малым, славным и бесславным, «цветным» и «черно-белым», включая и ту, которая создала Советский Союз, и ту, которая завершила его существование. Одно лишь существенно: чтобы под объективными целями имелось в виду не завоевание власти, а благосостояние народа, сохранение целостности общества, новые перспективы развития.

П. Сорокин, проанализировав 70 примеров возникновения революционной ситуации, пришел в «Социологии революций» к выводу: «Революции совершают не голодные люди, а те, кто не пообедал один раз». Эту мысль мы понимаем так: внутренним импульсом, формирующим у человека именно революционную установку, а не поиск, например, лучшей работы, путей миграции, возможностей повышения квалификации и переучивания и т. д., является осознание тщетности ожиданий перемен к лучшему.

Но с социологической точки зрения столь же неприемлемы и либералистские преобразования в форме «шоковой терапии» или «цветных революций». Если последние происходят сегодня, то потому, что нарушается второе условие Токвиля: верхи не осознают реформаторские методы, им не хватает гибкости и политической воли. По крайней мере в первом можно видеть недостаток социологической грамотности.

Третья предпосылка – амелиористская (фр. amelioration – улучшение). Все в обществе – и то, что возникло стихийно (например, половозрастное разделение труда), и то, что создано в результате сознательной целеустремленной деятельности людей (социальные институты, формы общения, учреждения, нормы и т. д.), – со временем устаревает, перестает соответствовать новым условиям

и нуждается в улучшении, усовершенствовании, обновлении в целом или в отдельных деталях и аспектах. Проблема в том, что «изношенность» общественных форм и структур заметить гораздо труднее, чем деформации вещественных компонентов. Накапливаясь и иррадиируя, подобные дефекты приводят к нарушению нормального хода социальных процессов, деструктивным явлениям в сфере отношений, институтов и общностей. И уж если мы каждодневно следим за состоянием трубопроводов, опор мостов, машин и механизмов, то мониторинг социальных устоев общества еще более важен.

Этапы становления и развития социологического знания. Возникнув, социология (как и другие науки) начала дифференцироваться по отраслям и уровням исследования. Наряду с теоретическими работами в ней стал выделяться слой эмпирических (прикладных) исследований, который особенно ярко проявился в американской традиции в конце XIX – начале XX в. Формирование этого слоя поставило перед учеными ряд новых методологических проблем, разработка которых дала новый мощный импульс развитию социологии.

Накопление эмпирического материала, необходимость его теоретического и методологического осмысления привели к тому, что в социологии сформировался еще один слой теоретического знания, который стали называть «теориями среднего уровня». В рамках этого слоя специалисты нацеливались на изучение не всего общества, а его отдельных институтов, структур и подструктур. Складываются самостоятельные отрасли социологического изучения экономики, политики, семьи, религии, города, деревни и т. д. Эти социологические теории среднего уровня имеют свою собственную историю, методологию и этапы развития, о чем свидетельствует многочисленная научная и учебная литература.

На основе сказанного можно заключить, что социология как сложное научное образование имеет разные даты своего рождения (которые определяют периодизацию ее истории). Во-первых, социология тесно связана с социальной философией и ее возраст сопоставим с самой философией. Во-вторых, она конституируется как самостоятельная теоретическая наука об обществе, начиная с работ Конта и Спенсера, труды которых появились в первой половине XIX в. В-третьих, социология реализует свой потенциал как сугубо прикладная наука в начале XX в. с соответствующей теоретико-методологической проработкой методов эмпирического исследования. Наконец, в середине XX в. начинают складываться отраслевые разделы социологического знания (или социологические исследования среднего уровня), количество которых постоянно увеличивается.

Таким образом, социальная философия, теоретическая социология, прикладная социология и социологические теории среднего уровня (или отраслевая социология), характеризуя определенные этапы становления и развития социологического знания, одновременно выражают и ее структурную организацию. Все эти проявления социологической мысли имеют место в современной социологии.

Социология – наука о жизнеспособности социумов. Контовское определение социологии как науки об обществе представляет собой этимологическую расшифровку термина. Оно указывает на принадлежность социологии к классу общественных наук, однако в силу многозначности понятия «общество» (общество как часть материального мира, обособившаяся от природы; модель социальной системы; страна-государство; гражданское общество – олицетворение особенных интересов социальных групп и категорий населения; организация типа общества рыболовов и т. д.) ее предмет понимается или слишком широко – как синоним социальной науки в целом (Конт), или слишком узко. Последнее характерно, например, для следующей дефиниции из британского социологического словаря: «Социологию можно определить как исследование основ участия людей в жизни общества»[1]. Причем авторы, в отличие от традиционных интерпретаций, полагают, что первый корень слова *социология* – «социо» не от лат. «societas» – общество, а от лат. «socius» – товарищеский.

В силу этого до сих пор продолжаются дискуссии о предмете социологии, вносятся предложения о его пересмотре, уточнении, дополнении. Мы не будем анализировать многочисленные варианты понимания предмета социологии, обратим внимание лишь на два момента, которые, как правило, опускаются. Первый: для чего необходимо, по возможности, более точное указание предме-

та науки? На первый взгляд кажется, что исключительно для того, чтобы строго провести разделительные линии со смежными дисциплинами, ограничивая и конструируя собственное исследовательское поле. Это существенно особенно в период бурного роста дифференциации, появления все новых наук в рамках общего класса – в нашем случае социогуманитарных. Но более важным, на наш взгляд, следует признать иное, а именно – стремление выявить и эксплицировать предназначение науки, ее эвристический потенциал и практическую значимость. С этой точки зрения превышение возможностей социологии по своему предмету, например, представление, что она способна создавать проекты «идеального общества», переустраивать общество в масштабах человечества, стать «новой религией», автоматически обеспечивающей солидарность, симпатию, сплоченность, интеграцию и т. д., не менее опасно, чем недооценка или игнорирование социологического знания. Исторически вычленение предмета социологии пошло по линии выделения определенных компонентов общества – структур, форм, функций, отношений, действий и т. д. в предположении, что, восходя от одного из них, можно понять и восстановить всю полноту многосложной общественной жизни в целом. Так, в качестве предмета социологии называются: институты, коллективные представления, социальные отношения, общности, формы общения и участия людей в жизни общества, социальные процессы и явления, социальные действия и др. Попытку синтезировать разные подходы предпринял В.А. Ядов. Он пишет: «Социология – это наука о становлении, развитии, изменениях и преобразованиях, о функционировании социальных общностей и форм их самоорганизации: социальных систем, социальных структур и институтов. Это наука о социальных изменениях, вызываемых активностью социального субъекта; наука о социальных отношениях как механизмах взаимосвязи и взаимодействия между многообразными социальными общностями, между личностью и общностями; наука о закономерностях социальных действий и массового поведения»[2]. Но и в этом определении перечислено далеко не все, что достойно и доступно для социологического анализа, например, мотивация, социальные настроения, образ жизни, структура потребления, в том числе престижного, отклоняющееся поведение и т. д. Более того, оно сводит социологию к описательной науке, к «археологии знаний» (М. Фуко), поскольку отсутствует аспект направленности исследований: ради чего? Создается невольное впечатление, что производство социологического знания – внутреннее дело самой социологической науки, тем самым устанавливается незримая граница между производителем и потребителем знания, социологом и заказчиком. Но социология не описательная наука, хотя описание – одна из ее функций. Э. Дюркгейм, много размышлявший о предназначении социологии, категорически отвергал подход, который позже назвали «объективизмом». Он писал: «Ей известны, говорят, лишь факты, которые все имеют одинаковую ценность и одинаковый интерес; она их наблюдает, объясняет, но не судит. Для нее нет таких фактов, которые были бы достойны порицания. Добро и зло не существуют в ее глазах. Наука, таким образом, оказывается лишенной или почти лишенной всякой практической силы и вследствие этого не имеющей большого права на существование»[3]. Совсем иное, по Дюркгейму, предназначение социологии. Она может, помимо теоретической пользы, «оказать благотворное влияние и на практику»[4]. Прежде всего путем выявления тех – до поры до времени латентных (невидимых) деформаций общественного сознания, – которые накапливаются в обществе (автор имеет в виду Францию конца XIX в., но это общая линия), таких как ослабление коллективного духа, рост индивидуализма, эготизма, разобщенности и др., и незаметно, что тем более опасно, снижают жизнеспособность «страны, в которой мы живем». «Итак, господа, – обращается Дюркгейм к студентам, – я верю, что социология более, чем любая другая наука, в состоянии восстановить эти идеи (солидарности, органического единства, коллективизма). Именно она дает понять индивиду, что такое общество, как оно дополняет индивида, и насколько мало он значит, если он ограничен только своими собственными силами»[5].

Возвращаясь к предмету социологии, следует признать, что «перечневый» подход никогда не будет завершен, так же как, например, не исчерпают себя

описательные науки археология, этнография и др. Само время «археологизирует» не только текущие формы материальной культуры, быта и т. п., но и общественные институты, формы повседневной жизни, поведения и общения. Социология более, чем другие общественные науки, способна оказывать благотворное влияние на социальный порядок и стабильность именно потому, что в ней сильнее представлена амелиористская направленность. Все общественные явления, структуры, действия она рассматривает под одним углом зрения: насколько в существующих условиях они адекватны для сохранения и воспроизводства соответствующих социальных систем, институтов, сфер и общества в целом. Выявление отклонений, деформаций и диспропорций проводится с целью поиска путей исправления и улучшения.

Таким образом, предметом социологии выступают все системные параметры социума, обеспечивающие его жизнеспособность и жизнестойкость в конкретных условиях. **Социология есть наука о жизнеспособности социума как устойчивой и воспроизводящейся формы социальности, человеческого общежития – от семьи, коллектива, института до общества в целом, т. е. конкретной страны-государства, направленная на своевременное выявление латентных отклонений и разработку способов упреждающего восстановления системного равновесия.**

Подводя итог, можно сказать, что название науки «социология» (буквально – наука об обществе), столь удачно примененное Огюстом Контом, впоследствии было насыщено научным, теоретическим содержанием благодаря трудам Маркса, Вебера и Дюркгейма. Именно в результате их усилий социология превратилась в науку, имеющую свой предмет, свою теорию и возможности для эмпирических подтверждений различных аспектов этой теории.

Социология близка к социальной философии, которая изучает общие механизмы развития общества. Она тесно связана с экономической теорией, которая изучает проблемы производства, распределения и обмена материальных благ. Тесно переплетена социология с социальной психологией, которая тоже изучает закономерности поведения и деятельности людей. Социология для наблюдения групп фактов также использует психологический подход.

Социологи интересуются результатами исследований антропологов, этнографов, этнологов, историков, культурологов. Как показывает история наук, именно в точках пересечения и соприкосновения возникают интересные теории.

Понятия, перенесенные в иную сферу, обогащаются новым содержанием. Из философии в социологию пришли такие из них, как «общество», «человек», «прогресс» и др., из психологии – «ценностные ориентации», «мотив», «интерес», из юриспруденции – «статус», из театральной жизни – «роль».

Социологию отличает от других наук то, что она изучает структурные единицы общества (личности, группы, слои, ассоциации), социальные связи между ними (действия, взаимодействия, социальные институты), а также динамику социальных структур (социальные изменения).

Уровни социологического знания. Современная социологическая наука представляет собой разветвленную систему знаний разного уровня обобщений и включает в себя:

1) фундаментальные, общесоциологические теории;

2) специальные (частные) социологические теории (или теории среднего уровня);

3) конкретно-социологические исследования.

Первый уровень, основой которого служит социальная философия, включает теории наиболее высокого уровня общности в структуре социологии. Эмпирической основой общесоциологических теорий являются данные прикладных исследований, которые собираются с помощью определенных методов – изучения документов, опросов, наблюдений, экспериментов. Общесоциологические теории и эмпирические исследования должны быть связаны между собой. Если эмпирические исследования отражают изучаемые объекты с учетом конкретных условий и фактов, то общесоциологические теории представляют их в качестве абстрактных объектов, вскрывают существенные связи, отношения, закономерности развития.

Теории среднего уровня занимают промежуточное положение между фундаментальными теориями и конкретно-прикладными исследованиями. Такие теории обобщают и структурируют эмпирические данные в пределах отдельных областей социологического знания – изучение семьи, образования, армии, политики, науки, конфликтов и т. д.

Все теории среднего уровня можно разделить на три группы:

1) теории социальных институтов;

2) теории социальных общностей;

3) теории специализированных социальных процессов.

Выделение теорий среднего уровня предопределяет ряд преимуществ:

а) возможность создания теоретической основы для исследования без использования громоздкого понятийного аппарата общесоциологических теорий;

б) осуществление тесного взаимодействия с реальной жизнью общества;

в) демонстрирование возможностей и убедительности социологических исследований в глазах специалистов несоциологических областей знания.

Наряду с тремя указанными уровнями выделяют макро- и микросоциологию. Исследователи, работающие в области макросоциологии, акцентируют внимание на типических образцах поведения, которые дают возможность понимания общества в целом. Эти образцы (паттерны) можно назвать структурами, они включают семью, образование, экономическое и политическое устройство общества, религию. Люди включены в систему социальных структур и посредством их теснейшим образом связаны между собой. Главный интерес для макросоциологических теорий представляет собой изучение крупных закономерностей в развитии общества, взаимоотношения между основными элементами общественной системы и изменение этих отношений.

Микросоциологические концепции фокусируют внимание на индивидах, поведенческих актах, мотивах и тех смыслах, которые люди вкладывают во взаимодействия, влияющие на процесс возникновения и развития общества. Ученые, работающие в области микросоциологии, уверены, что социальные явления могут быть поняты только с точки зрения тех смыслов, которые люди вкладывают в свое взаимодействие с другими людьми.

Макротеоретики работают с понятиями культуры, социальных институтов, социальных систем, структур общества.

Микротеоретики используют понятия социального поведения, межличностного взаимодействия, мотивов и стимулов.

Функции социологической науки. Социология выполняет в обществе ряд функций: познавательную, прогностическую, управленческую, организационно-технологическую, гуманистическую.

Познавательная функция – одна из важнейших в социологии. Она связана с изучением закономерностей, тенденций развития и функционирования социальной системы и осуществляется на всех уровнях и во всех структурных элементах социологии.

Прогностическая функция – выработка научно обоснованных прогнозов о тенденциях развития социальных процессов в будущем. Научные прогнозы могут затрагивать глобальные (например, перспективы развития цивилизации) и более обыденные, но не менее острые проблемы (например, варианты поведения избирателей). Здесь прослеживается взаимосвязь теоретической и прикладной социологии. В кризисные, переходные периоды развития общества социология имеет возможность:

1) представить альтернативные сценарии будущих процессов;

2) определить диапазон возможностей, открывающихся перед людьми на данном историческом этапе;

3) рассчитать вероятные потери и долгосрочные последствия.

Управленческая функция – непосредственно связана с проблемами управления социальной системой. Результаты социологических исследований, прогнозы, методики, тесты служат исходным материалом для разработки управленческих решений на различных уровнях.

Организационно-технологическая функция – создание социальных технологий (социальных проектов) и внедрение их в практическую жизнь, что является составным элементом прикладной социологии.

Социология может способствовать улучшению взаимопонимания между людьми, совершенствованию социальных отношений. В этом состоит ее *гуманистическая* функция.

Социология как форма стабилизационного общественного сознания. Социологию принято относить к числу публичных наук. Действительно, некоторые ее результаты привлекают всеобщее внимание: рейтинги политических лидеров и партий, электоральные предпочтения, данные об умонастроениях и ожиданиях разных категорий населения, оценки важных событий и государственных решений, общественное мнение о стратегических направлениях развития, векторах международной политики и интеграции, отношение к тем или иным теле- и радиопрограммам, передачам, печатным органам и т. д., предложения населения по разным проблемам повседневной жизни, спрос на товары, услуги и др. Все это важная часть социологической работы, и от ее качественного выполнения зависит степень самопознания общества, а значит, и социальных настроений людей. Социологические опросы обладают свойством «самоосуществляющегося прогноза», и в этом их большая сила и огромная ответственность науки. Но ошибочно полагать, что опросы «создают» общественное мнение. Нет, общественное мнение формируется по своим законам и существует в самых разных формах. Например, никто не изучал общественное мнение о Хрущеве или Брежневе, но оно постепенно сформировалось и к концу их деятельности стало весьма устойчивым, хотя выражалось главным образом в анекдотах, карикатурах, аллюзиях (намеках) и т. п.

Но социология в современном мире является и **особой формой общественного сознания**, она связывает высшие уровни – философскую метафизику, религиозную трансцендентность, этическую императивность, эстетический идеал прекрасного – со сферой повседневности, переводя высокую символику в ценностно-смысловые определения конкретного социума, а значит, приемлемые для каждого человека. Так создается картина социальной реальности, возможная для данной эпохи, которая и является основой мировоззрения. Особенность такой формы общественного сознания в том, что это **стабилизационное сознание**, которое выражает общую интенцию к поддержанию стабильности, динамической устойчивости социума и поиску инновационных путей повышения его жизнеспособности. В решающей для перспектив развития общества точке бифуркации, понимаемой как столкновение «старого» и «нового», стабилизационное сознание не уничтожает «старое» («до основания, а затем…»), а стремится утилизировать его путем «обновления». Если допустима такая аналогия, то можно сказать, что оно действует так, как православие на Руси во времена Владимира в отношении многих языческих традиций, обрядов и верований, которые ассимилировались и включались в христианское миросозерцание.

Технологичность теоретического знания социологии. Под технологичностью теоретического знания можно понимать его практический потенциал, позволяющий: а) преобразовывать материал, данный природой; б) изменять формы мышления, повседневные практики общения людей и их поведение, характер общественных отношений и т. д. В первом случае речь идет о технологиях, создаваемых на основе естественнонаучного знания, во втором – о социальных технологиях, использующих результаты социогуманитарных наук. Мост между ними образуют математика, информатика и лингвистика.

В широком смысле слова достоверное теоретическое знание всегда полезно и практично. Оно, с одной стороны, очерчивает поле деятельности и дает необходимый инструментарий, с другой – предостерегает от бесплодных усилий, указывая, что не следует делать: изобретать «вечный двигатель», организовывать «производство ради производства», создавать концепции «избыточности образования», «бесперспективных поселений», вводить «сухой закон» и т. д. и т. п. К. Поппер писал: «Моя позиция в отношении технологического подхода состоит в том, что социология, а может быть, и вообще все социальные науки должны искать не столько “своего Ньютона или Дарвина”, сколько своего Галилея или Пастера»[6]. Имеется в виду, что социология должна заниматься не поиском общих законов, а решением конкретных актуальных проблем. Отсюда и обращение автора к успешным методам, которые он называет «поэлементной

технологией». Тем самым Поппер нашел некоторый компромисс: отвергая притязания социологии на «переустройство общества как *целого*»[7], он допускает «поэлементные технологии», которые в развитых странах встречаются на каждом шагу. С его точки зрения, специалист по «поэлементным» реформам «знает, что мы учимся только на своих ошибках. Соответственно этому, он будет прокладывать путь, делая один шаг за другим и беря на заметку последствия проводимой реформы; он будет избегать сложных и масштабных реформ»[8]. Все это так, однако ясно, что любая поэлементная реформа (например, налоговая, образовательная, пенсионная и др.) направлена в конечном счете на сохранение целостности и неизменно преобразует все общество как целое. Это вытекает из общего принципа системности. Что же касается социологии, то о технологичности теоретического знания можно составить представление из некоторых примеров.

1. «Диада» как исходная форма социальности. Социология отвергла популярные в политэкономии модели Робинзонады (А. Смит, Д. Рикардо). Утверждая, что исходной формой социальности является «диада», теоретическая социология установила, что целостность и устойчивость данной формы определяется степенью согласованности взаимных ожиданий, когда ориентации на «другого» являются мотивом и целью для каждого из участников взаимодействия. Этот теоретический вывод стал основой для разработки социальных технологий комплектования экипажей самолетов, космических кораблей и т. д.

2. Общественное разделение труда. Разделение труда социологи (Спенсер, Ковалевский и др.) связывали с дифференциацией, а значит, с повышением силы и жизненности сообщества за счет разнообразия. По Дюркгейму, разделение труда есть modus vivendi (способ существования) сообщества и основа органической солидарности его членов. Это фундаментальное положение, но оно сознается, как правило, лишь тогда, когда возникают диспропорции в кадровом обеспечении определенных видов деятельности, отраслей, приводящие в силу нарушения органической солидарности к росту социальной напряженности в обществе.

3. Теория социальной мобильности. Основные положения теории социальной мобильности разработаны П. Сорокиным. Творческие импульсы данной теории привели к пересмотру представления об оптимальности социальной структуры и ее влиянии на стабильность общества. Напомним, что, согласно доминировавшей многие века парадигме, стабильность общества детерминируется воспроизведением во времени одних и тех же социальных структур. На этом основании возник и получил сакральное оправдание кастовый строй с непроницаемыми барьерами между кастами; сословное деление с огромной социальной дистанцией между сословиями и т. д. Теория социальной мобильности установила, что ограничение социальных перемещений, консервация предзаданных структур не укрепляет, а, наоборот, дестабилизирует общество, снижает его социальный и человеческий потенциал. Именно эти теоретические знания направляют инновационный поиск путей регулирования социальных перемещений, создание открытого общества.

Социология – источник оперативной информации. Как и другие социальные науки, социология призвана удовлетворять информационную потребность социальных субъектов – государства и его органов, гражданского общества, отдельных граждан.

Под социологической информацией понимаются обобщенные, систематизированные, аналитические данные (сведения – для потребителей) о состоянии и тенденциях изменения общества как целостной системы (страны-государства), его отдельных сфер и структур, конкретных институтов, учреждений и организаций, а также об основных параметрах массового сознания (настроениях, ожиданиях, установках, ценностях, идеалах, предрассудках и т. д.) и повседневного поведения (типичных формах общения, социальных действий, интерактивности). От других видов информации – политической, технической, естественнонаучной, экономической, правовой и т. д. – социологическая отличается рядом особенностей. Во-первых, принципиальной обращенностью к человеку: человекоразмерностью, -соотнесенностью, -ориентацией. Фактически этот **первый при-**

знак является атрибутивным, при его отсутствии информация теряет свою природу социологичности. Например, организационная структура предприятия, представленная графически (руководство, состав подразделений и служб, линии иерархии и координации и т. д.), является «безлюдной»; не случайно при строительстве новых предприятий она проектируется задолго до того, как рабочие места займут соответствующие специалисты. Социолог «оживляет» эту схему, характеризуя: а) состав коллектива как соотношение работников по полу, возрасту, профессиям, образованию и т. д.; б) статусно-ролевые позиции с точки зрения единства прав и ответственности, возможности делегирования полномочий, субординации и пр.; в) ролевые ожидания – их согласованность (индивид – коллектив), приемлемость для людей и подразделений, оптимальность – хотя бы по числу фиксируемых конфликтов и способов их разрешения и др.

Статистические данные о динамике цен – это чисто финансовая информация. Она не только абстрагирована от человека, но и далеко не всегда расшифровывается для непосвященных, о чем свидетельствуют такие грандиозные аферы, как «МММ», «беспроигрышные лотереи», «управляемый» дефолт и пр. Социологическая информация по данной проблеме должна включать, как минимум: а) экспертные оценки правомерности и честности тех же принципов пирамиды, что обещал Мавроди и ему подобные; б) ожидания населения, «источник веры» людей (теперь ясно, что, например, вкладчики «МММ» верили не Мавроди, а правительству, государству). Эти примеры показывают специфичность человеческой природы социологической информации, отличающую ее от других видов сообщений.

Вторым признаком является аксиологический характер социологической информации, то, что она всегда несет ценностно-смысловую нагрузку. Этим она отличается не только от технической и тому подобной информации, но и от социальной статистики. Статистические данные, например, о браках и разводах, о миграции и выборе профессии (поступлении в учебные заведения), семейном бюджете и др. в определенном смысле информативны, но не аналитичны, если не раскрыты факторы, причины, мотивы этих процессов и явлений.

Третий признак – учет и представленность общественного мнения как совокупности оценочных суждений всего населения, конкретных социальных групп и категорий по наиболее важным проблемным вопросам, событиям, решениям, стратегическим выборам, а также электоральных предпочтений, степени доверия к органам власти и социальным институтам, конъюнктуре рынка, рейтингам теле- и радио программ и передач, печатных СМИ, спросу на товары и услуги и др.

Не вдаваясь в детали, подчеркнем главное: *адекватную, достоверную социологическую информацию можно получить только путем грамотно поставленных профессиональными специалистами социологических исследований*. Глубоко ошибочны представления о том, что такую информацию могут дать другие источники, как и то, что организовать социологические исследования можно своими силами.

[1] Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Социологический словарь. М., 1997. С. 304.

[2] Ядов В.А. Стратегия социологического исследования (описание, объяснение, понимание социальной реальности). М., 1998. С. 36.

[3] Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 69.

[4] Там же. С. 197.

[5] Там же. С. 197.

[6] Поппер К. Нищета историцизма. М., 1993. С. 70–71.

[7] Там же. С. 78.

[8] Там же. С. 79.

Поступила в редакцию 14.05.11.

ГЛАВА ИЗ НОВОЙ КНИГИ

Еще осенью 2008 г. по предложению профессора Л.А. Гуцаленко мы открыли эту рубрику в нашем журнале. Первой опубликовали небольшую главу из его фундаментальной монографии «Человек – мера добра и зла», которая к настоящему времени выдержала уже четыре издания (в том числе – в США на русском и английском языках) и победно шествует по всему миру. Мы предполагали помещать (и будем это делать и далее) в ней разделы из новых монографий, учебников, которые готовятся к печати. Может быть, кому-то из читателей покажется не очень правильным включать в эту рубрику в научно-теоретическом журнале и художественные произведения. Однако мы идем на этот опасный эксперимент исключительно по просьбе наших постоянных авторов и многочисленных читателей. Человеку талантливому, а большинство наших авторов именно таковыми и являются, хочется попробовать себя в разных жанрах. Да и профессионального социолога, как правило, отличает острая наблюдательность вплоть до мелочей, при этом умение выделить главное, глубокое знание реалий жизни. Он должен разбираться в людях и не бояться сложных, зачастую конфликтных ситуаций (чего в жизни не бывает!). И конечно, быть человеком честным, уметь говорить правду. Социологу, как правило, ничто человеческое не чуждо. Во всяком случае, именно читателю судить, что читать в первую очередь – художественное реалистичное полотно о коллизиях реальной жизни, написанное талантливым социологом, или его же глубокую, строго научную статью на заданную тему. Здесь уж точно – дело вкуса. А для нас важно передать правду жизни, что собственно и является сутью социологии.

Сегодня на суд читателей мы выносим несколько главок первого тома романа Алисы Селезневой «Час абсента». Роман получился социологическим. И это вполне закономерно, потому что многие знают, кто прячется за этим псевдонимом, и искренне поддерживают писательские устремления автора. Я думаю, не стоит выискивать в героях романа сходства с реальными персонажами, а описанные ситуации – сравнивать с имевшими место в нашей действительности. Некое сходство, безусловно, возможно, все равно лучше жизни, в которую мы ежесекундно погружены, ничего не придумаешь. Однако талант и воображение автора столь впечатляющи, что частное в ее интерпретации превращается в общее, характерное для нашего времени, эпохи, в которой мы живем. Не будем больше интриговать нашего читателя, а лишь сообщим: чтобы прочитать весь роман, ждать осталось недолго – до конца года книга будет на прилавках книжных магазинов. В свою очередь пожелаем автору новых творческих успехов.

А.Н. Данилов,
главный редактор

АЛИСА СЕЛЕЗНЕВА

ЧАС АБСЕНТА
Часть 1. Эйфория

ВАЛЕРИЯ

Валерия неслась навстречу перестройке со скоростью, подобной той, которую развивает черт, шарахаясь от ладана. Понимание того, что уподобляться надо было не столько скорости, сколько направлению движения, не навстречу, а прочь от надвигающейся катастрофы, пришло много позже. Понадобилось целых десять лет, чтобы это осознали практически все в этой огромной стране с ее бесконечными революциями и бестолковыми политиками, разрушающими до основания все то, что успели создать их чуть более толковые предшественники.

Но тогда, в самом начале 90-х, все выглядело на удивление радужно. Как говорил очередной революционный вождь, – «процесс пошел!» И в этом разворачивающемся процессе исторической драмы были свои очень привлекательные моменты. Один из них – крушение железного занавеса!

Что означал для рядового советского человека выезд за рубеж, поймет только очевидец. Это как глоток свежего воздуха, надышаться невозможно, времени и средств не хватит, но зато попробовал! И теперь знаешь что-то та-

кое, чего большинству недоступно. Типа того, что все вокруг без штанов ходят, свято веря в светлое будущее, а ты один приобрел штаны, да еще какие! И не знаешь, во что верить. Это придает тебе особую значимость, окружает твою персону ореолом почти божественного избранника и явно возвышает над толпой.

И вдруг все рушится! Круг избранников резко увеличивается! Ты лишаешься, быть может, единственной привилегии в своей жизни. Окружающим и тебе самому совершенно ясно, что твое многолетнее «надувание щек» не имело под собой солидных оснований. Что приобрел ты эти штаны ценой невероятных усилий и постоянной экономии средств, отказывая себе практически во всем. И все твои прошлые привилегии, которыми ты искренне гордился, обнажаются как трагикомический фарс!

Вот на этой оптимистичной волне расширяющейся доступности загранкомандировок произошла эта символическая встреча двух женщин, достигших того возрастного рубежа, о котором оптимистично говорят – «жизнь только начинается!». Символическая в силу того, что осталась в памяти у обеих как черта, разделившая прошлое и будущее в их судьбе.

Влетев в главный корпус родного универа, Валерия столкнулась лицом к лицу с Ольгой Вороновой, отъезжающей в ближайшее время в США.

– Привет, подруга! Говорят, за кардон собираешься? Надолго?

– Не знаю, как получится! Посмотрим.

– А муж, дочка?

– Нет, с мужем развожусь, а дочка со мной.

– Чего так? Не хочет? У вас же, вроде, любовь?

– Не любит он Штаты, не может согласиться и простить.

– Простить чего? Лидерства женского? Что инициатор баба, а не он? Узнаю наших мужиков!

– И этого тоже.

Ольга явно уходила от ответа, оставляя «за кадром» самое интересное и многое разъясняющее. Как будто сознательно интриговала. Только сейчас Валерия обратила внимание на то, что крупная телосложением Ольга трансформировалась в очень изящную (прям французский формат!) женщину. В свои далеко за 30, в короткой юбке с фиксированной жестким корсажем тонкой талией с претензией на дорогостоящий заграничный прикид, она выглядела лет на 20.

«Нет, что-то здесь не то, – подумала Лерка, – ***уж не любовник ли стал поводом разрыва с мужем? Темнит Ольга! Глаза блестят! Явно не опечалены предстоящим разводом. И мысли все где-то далеко-далеко! Ах, “Америка-разлучница”»***, – вспомнила она. Но продолжать тему не стала. Все равно окажется явным все то, что сегодня выглядит потаенным. Даже Америка не спасет! Эту истину Лерка усвоила еще в детстве из рассказов Драгунского. Потому никогда не делала тайн, особенно из того, что и так давно всем известно.

– Анюта уже школу заканчивает? Не боится перемен? Ведь сложно, наверно, язык, друзья, планы?

– Да, вот из-за нее и решаюсь. Там иные перспективы, возможности, сама понимаешь. Устрою дочку, а потом, может быть, и вернусь назад.

Ольга произнесла это так неуверенно, что Лерка сразу поняла главное – ***«не вернется никогда!».***

Приятельницы постояли еще несколько минут и, обменявшись взаимными комплиментами, разбежались в разные стороны. Впрочем, стороны были не столь уж разными. Лерка тоже открывала новую страницу в жизни. Она собиралась на стажировку на Запад. Правда, ее Запад в облике Польши в сравнении с США выглядел так бледно (курица не птица, Польша не заграница), что говорить об этом Лерка не хотела.

Приглашение на стажировку в Польшу пришло в университет в августе 1991. С учетом социальных инноваций в стране вопрос о кандидатурах решался недолго, без привычных парткомов, профкомов и силовых структур. Решение вопроса отдали на откуп ведущему в республике профессору социологии Петру Георгиевичу Доброву. И надо отдать должное советскому профессору, он решил проблему оперативно и по существу грамотно.

– Посылать надо того, за кого не стыдно. Вон Валерия Волошина, и социолог грамотный, с опытом, и с английским в ладах, и внешне женщина во всех ракурсах привлекательная. Что б за Державу, так сказать, обидно не было! Чтобы было, что показать!

Когда Лерке передали в лицах этот разговор Доброва с ректором университета, она не удивилась. Петр Георгиевич был ее педагогом и научным руководителем при написании кандидатской и, надо честно признать, всегда отличался выраженным свободомыслием. Не случайно именно с его именем был связан факт возрождения социологии в республике – самой «буржуазной» из гуманитарного цикла наук с точки зрения советской идеологии. Он же отметил Леркин потенциал еще в студенческой аудитории, предложил писать у него кандидатскую, сделал все возможное, чтобы оставить ее при кафедре, которую возглавлял.

Лерка помнила, каким нелегким был разговор с Добровым по поводу вынужденного переноса на год сроков ее поступления в аспирантуру. Тормозом стала как раз Ольга Воронова, вдруг возникшая на горизонте и заявившая о своем намерении поступать в аспирантуру.

– Понимаешь, Валерия, – сказал тогда Добров, – ***ну, не все, к сожалению, зависит от меня. Скажу прямо, – у нее отец – секретарь ЦК! А место у нас одно. Ну, как тут откажешь? На следующий год – место твое, гарантирую. А пока поработай, попрактикуйся. Наберешь эмпирического материала. Ну, куда тебе торопиться, молодая ведь? Годом раньше или позже? Это ведь ничего не решает?***

В реальности это действительно ничего не решало для Лерки.

С одной стороны, она не чувствовала сильной мотивации к тому, чтобы посвятить свою жизнь науке. Ученый мир казался ей очень скучным. И в университете она осталась лишь потому, что не было выбора. Ну, не на завод же социологом? С другой – хорошо понимала власть партийного авторитета и где-то даже сочувствовала Доброву, загнанному в тупиковую ситуацию, исключающую саму возможность честного альтернативного отбора кандидата в аспирантуру.

Наконец, соперница в лице Ольги Вороновой ничего, кроме искренних симпатий, у Лерки не вызывала. Конечно, глубоко в душе она всегда сопротивлялась всякого рода протекциям, связям, блату. По жизни шла честно, как учили родители, под лозунгом «Я сама!». Но в ситуации с Ольгой Вороновой – это был тот редчайший случай, когда протекция носила вполне извинительный характер. Ольга была личностью активной, мотивированной и талантливой. И этим все оправдывалось, по крайней мере, в глазах Валерии. «Таланту надо помогать, любила она повторять, дерьмо само всплывет!»

Этот эпизод с аспирантурой освежился в памяти Лерки сегодня не случайно.

Ей показалось, что своим напором в отстаивании именно ее кандидатуры на поездку за рубеж Добров как бы брал реванш за вынужденный в далеком прошлом отказ в аспирантуре. И хотя разрешилась та проблема вполне успешно для обеих конкуренток, защитивших кандидатскую практически одновременно, порядочность Доброва не позволяла стереть в памяти чувство вины перед Леркой за несправедливость принятого когда-то им решения. Вечером Добров позвонил сам.

– Валерия!!! – Он всегда произносил ее полное имя, причем с подчеркнутым пафосом и следующей за этим артистической паузой. Это придавало какую-то особую значительность и обоим абонентам и самой сути разговора. ***– Приветствую тебя, Добров! Ну, что? Готова к бою? Едем на Запад представлять советскую социологическую школу! Очень на тебя рассчитываю!***

– Спасибо, Петр Георгиевич! Знаю, знаю, как отстаивали меня. Очень приятно.

– Уже донесли? Вот дают! Ведь разговор был тет-а-тет с ректором? Добров хмыкнул.

– Хотя понятно, пока приказ издадут, десятки глаз прочтут. Дело ведь необычное. Когда-то нас вот так напрямую Запад приглашает принять участие в международной школе социологов? Да еще позволяют самим решать, кто поедет! Времена какие пришли!

– А почему к бою, Петр Георгиевич? Что, кто-то наступать собирается?

– Не знаю, как наступать, но организаторы – люди солидные. Я их знаю лично. Руководитель с немецкой стороны – известный культуролог из Западной Германии профессор Рихард Таубер, с польской – не менее известная Антонина Ясинска. Будут представители из США, Канады и других капстран. Так что есть шанс выйти на мировой уровень. Давай, готовь текст на английском, страниц 5–6. Будешь презентировать отечественную социологическую школу. Английский не забыла?

– Не знаю, уверенности нет. Когда-то была лучшей ученицей! Но то когда было! Практики, сами знаете, никакой. Столько лет не востребовался! Если бы знать, что такой поворот в судьбе наметится! Надо попробовать! Там увидим. Главное в бой ввязаться. Надо же когда-то начинать.

– Давай, вспоминай! Назад дороги нет! У меня рабочих два – польский и немецкий. Русский там точно не пройдет! Предупредили! Так что готовься! Есть еще неделя. Встречаемся у поезда. Кстати, тебя ожидает сюрприз.

Оставшуюся неделю до отъезда Лерка провела в бешеном ритме. Мало того, что нужно было подготовить текст для выступления и освежить в памяти словарный запас английского. Масса времени была потрачена на беготню по магазинам в поисках приличного прикида. С учетом повсеместного потребительского дефицита в стране проблема эта встала перед Леркой со всей своей тошнотворной бесперспективностью. Легче было заново выучить английский за неделю, чем найти что-то приличное на задницу.

Позже именно обстоятельствами потребительского дефицита Валерия объясняла факт гипертрофированного отношения советских людей к форме (одежде, внешнему виду). Столько времени тратить на ерунду! Поневоле станешь ценить и возводить в абсолют жизненных ценностей. А иначе она не могла. В этом постоянном стремлении к гармонии внутреннего содержания и внешнего блеска был алгоритм ее успеха! Тем более там, за рубежом. Пусть знают наших!

ОЛЬГА

Уверенности в том, что она счастлива в своем решении сменить вид на жительство, у Ольги не было. Перелетая водное пространство между двумя континентами – Европой и Америкой, она скорее ощущала щемящее сердце чувство вины перед родителями, которых, по существу, бросала, и неопределенности перед будущим. Рядом сидел Олег. И только это придавало ей уверенность. Хотя и здесь все было крайне ненадежно. В Москве у Олега осталась жена, развестись с которой он так и не успел. **«А может, просто не хотел?»** – мучил Ольгу вопрос. Вот она же успела расставить все точки над «и» в отношениях с мужем, официально оформив развод. Ольга гнала эти навязчивые мысли, вспоминая минуты близости с Олегом и его жаркие, такие мужские, с хрипотцой в голосе, как у лишившегося в одночасье разума, откровения:

– Боже, я никого так не любил! Я даже не предполагал, что такое может быть. И что женщины такие бывают!

– Какие такие? – улыбалась Ольга.

– Такие, как ты. Знаешь, я даже жене признался в том, что встретил женщину, каких не бывает! И устоять перед которой невозможно. Красивая, стильная, умная, доктор наук, на английском говорит, читает Канта, Гегеля, была в Париже… Одним словом, – роковой вариант!

– Ну, да – «куда мне до нее, она была в Париже». Ты уверен, что тебе нужен именно роковой вариант?

– Абсолютно! Это, между прочим, меня оправдывает в глазах всего человечества!

Если бы не этот вдруг так неожиданно вспыхнувший роман! Роман, поработивший ее целиком, парализовавший, кажется, все, что у нее до встречи с Олегом было в норме: мозги, память, нервы, эмоции, тело. Все это теперь было во власти одного человека. Если бы не эта случайная встреча в аэропорту с лет-

чиком первого класса Олегом Лопатиным, то, возможно, ничего в ее жизни не изменилось бы.

Позади практически половина жизни. Надо признать, вполне благополучной жизни при социализме. Ольга была единственной дочерью своих родителей, принадлежала к элите советского общества и по статусу занимаемых родителями должностей, и по уровню материального благосостояния семьи, и по тому положению, которого добилась своей активностью, защитив кандидатскую и докторскую диссертации и заняв прочную позицию в верхних эшелонах научно-творческой интеллигенции страны.

И вот сейчас все это летело под откос! Ольга начинала новую жизнь. Ее решение оценивали по-разному. Одним оно казалось достаточно драматичным, другим, напротив, – комичным. Бросить все как раз в тот момент, когда нормальный человек начинает «плоды собирать». Все решено, социальные позиции завоеваны, личные планы реализованы, рядом любящий муж, взрослая дочь, заканчивающая школу. Что еще человеку надо? Кому сказать, не поверят – любви!

В этом она признавалась только себе. Как часто перед сном, закрывая глаза, она проигрывала про себя этот монолог:

– Господи! Сжалься надо мной! Я столько лет пахала, что почти согласилась с неизбежностью сублимации всех своих первородных инстинктов и женского начала на самые верхние этажи интеллектуальных эссенций. Но это не так, господи!

Я люблю! Я живая! Я хочу, чтобы меня любили! Все, чего я достигла, не сделало меня счастливой! Я полна решимости послать все к черту и начать сначала, с пустого листа, чтобы просто любить и быть любимой. Господи, пойми меня. Помоги мне! Прости меня, господи! Так бывает! Не у всех. Но у меня случилось, к счастью.

Ольга произносила этот монолог про себя, как бы обнажая перед самой собой потаенные островки собственной души. В слух же она всегда артикулировала то традиционно банальное, что могло найти понимание у окружения. О перспективах интересной работы в одном из престижных университетов США, о возможности заработать на безбедную старость, о судьбе дочери и расширении ее жизненных перспектив и многое другое, о чем сама имела очень смутные представления. И что было частично правдой, но не главной.

Даже Лерке она не решилась открыть истинные мотивы своего решения. Хотя душой понимала, что именно Валерия способна понять ее как никто другой.

Лерка обладала удивительным качеством – всегда оставалась женщиной. Яркая, привлекающая к себе внимание, особенно мужское, Валерия, несмотря на свою занятость, успешность научной карьеры и заботу о семье, всегда была выразительна своим женским началом. С появлением Лерки в любой аудитории ощущался запах женщины, что приводило в волнение всех присутствующих. Ольга с удовольствием вспоминала эпизоды, когда с приходом Валерии на кафедру мужчины вскакивали. Не потому, что были хорошо воспитаны и стремились не выходить за рамки этикета. Как объяснил один из них: ***«При ней сидеть как-то неудобно, надо что-то делать, такая энергетика у дамы, что просто стыдно сидеть, ничего не делая!»***

И вот теперь, когда Ольга чувствовала над собой торжество своей женской природы, именно Лерка должна была ее понять как никто. Почему же не сказала о главном тогда, при их последней встрече в универе? Потому что правда о причинах такого радикального поворота в жизни Ольги наносила сокрушительный удар по престижу легенды о том, что ее заметили, оценили, пригласили на работу, причем не куда-нибудь, а в США. Потому что амбициозность научного мира – это то болезненное состояние души, которым пропитаны все уровни формальных и неформальных связей, в том числе и дружеских. Амбициозность научного мира – фактор компенсационный, в особенности в гуманитаристике. Чем меньше науки, тем больше амбиций. И хотя Ольга принадлежала к числу наиболее талантливых молодых ученых и правильно расставляла акценты между истинными и ложными ценностями, нарушить устоявшиеся правила игры не решилась.

НАТАЛЬЯ

Уже на перроне при подходе к поезду «Минск – Варшава» Лерка поняла, о каком сюрпризе говорил Добров. Рядом с ним у вагона стояла студентка факультета Наталья Бельская.

– Что, удивлена? Вы знакомы? – обнимая Валерию, поинтересовался Добров.

– Мы не знакомы, но слышали друг о друге достаточно. Правда, Наташа?

– Да, Валерия Михайловна, лично я о вас слышала многое. Вот, например, от Петра Георгиевича, что Вы самая талантливая из его учениц. Беспрецедентный в истории универа случай – за три года, отпущенных на аспирантуру, Вы успели не только защититься, но и диплом ВАКа получить. Профессор всегда Вас в пример приводит. А еще говорят... Разное о Вас говорят!

– Главное, Наталья, что говорят! Значит, мы чего-то стоим! Хуже, если не говорят! А ты вот, слышала, на английском, как на русском. Правда это?

– Еще бы! У меня мама английский преподает в Вильнюсе, в средней школе. Я, можно сказать, с пеленок только этим и занималась.

– Здорово, потренируешь по ходу движения!

Валерия не имела отношения к преподаванию на родном факе, работала в исследовательской социологической лаборатории. Но о Наталье Бельской была наслышана. Преимущественно – о ее экзальтированности, граничащей, по мнению многих, с нахальством. Помнила, что родом она из Вильнюса. А вот поступать приехала в Беларусь. Впрочем, в последнем не было ничего особенного. Тогда в стенах родного факультета можно было встретить студентов из Узбекистана, Казахстана, Эстонии и других республик СССР.

Уже в купе Лерка попыталась перейти на английский. Наталья отреагировала с ходу, продемонстрировав широту своего словарного запаса и уверенность риторики. Чувствовалось, что девушка обладает не только знаниями, но и опытом общения. Лерка не любила проигрывать в сравнении с кем-либо, тем более со студенткой. Но вынуждена была признать, – это тот самый случай. Утешало лишь то, что теперь они выступают командой. И такое блестящее знание языка хотя бы одним ее членом – это уже девиденты в общую капилку.

«***Понятно, почему ее взял Добров. Не уверен в моем английском. Рассчитывает на ее помощь, если что. Доклад я прочту хорошо, потренировалась, произношение неплохое. А вот активность в дискуссии не гарантирую, нет оперативности, думаю по-русски, потом подбираю английские слова, не всегда удачно. Ладно, черт с ним, "подумаем об этом завтра", – как говорила любимая героиня Скарлет О'Хара».***

– Ну, Наташа, что там в разном?

– В смысле?

– Ты на перроне сказала, что говорят разное. Поведай нам с Петром Георгиевичем. Может, что интересное о себе узнаем?

– А-а-а! Вы про это… Говорят, что Вы дочь генерала, например. Поэтому держитесь слишком высокомерно, смотрите на людей свысока. За это Вас многие не любят. А еще, что за глаза Вас называют «Леди Гамельтон». Вы любите ходить в экзотических перьях. А студенты, которые на практике у Вас были, напротив, говорят, что Вы «отличная тетка, своя в доску». Наталья выложила все это без тени смущения фактически незнакомой взрослой женщине, да еще остепененной, лучшей ученице профессора Доброва! «***На такое не всякий студент отважится»***, – подумала Валерия. И тут же поймала себя на мысли, что ей это нравится. Из всех знакомых ей людей на такую «наглость» способна, пожалуй, только она сама.

– Да ты че? Неужели? Ей Богу, не предполагала. Действительно, интересно. Петр Георгиевич, что молчите, Вы такое слышали?

– Относительно «Леди Гамельтон» я даже знаю, кто придумал! Один из наших самых авторитетных профессоров. Ни за что не догадаешь-

ся! Так и сказал: «Она мне напоминает Леди Гамельтон, особенно в этой умопомрачительной кофточке с перьями и шляпе». Так что гордись! Не кто-нибудь, а Л э д и английская! Во как!

Шутили и смеялись от души еще долго. Однако ощущалось напряжение. По мере продвижения поезда к Варшаве оно росло. Впереди была волнующая неизвестность. Для каждого научные контакты в таком международном формате были в известной мере первым опытом. А потому хотелось расслабиться и просто поболтать, все равно о чем.

Поезд прибывает в Варшаву рано утром. Но пока добрались до Мадралина, что в 25 км от Варшавы, времени на раскачку и отдых практически не осталось.

– Наталья, в темпе, душ, переодеваемся и туда. Кофе будем пить в перерыве.

– Дресс-код обязателен? Официоз? Или как?

– Давай что-нибудь деловое, но торжественное. Открытие все же! Чтобы у всех отвал башки был. Запомни, девочка, – главное оружие против врага – наше обаяние!

– Понял! Будет сделано! Сколько даете времени? Вы зайдете?

– Минут 20, не более, надо еще за Добровым заскочить, а он на другом этаже. Я обещала. Мы должны все вместе туда ввалиться. И так опоздали.

Когда через 20 минут Лерка выскочила из своего номера и увидела идущую ей навстречу девушку, она не сразу узнала в ней Наташу. Та с точностью реализовала то, что Лерка ей сказала несколько минут назад. Перед ней стояла элегантная до безобразия девица в деловом синем твидовом костюме с белоснежной батистовой блузкой, как будто только что сошедшая со страниц французского журнала «ELLE». С простенькой кудлатой девицей в поезде ничего общего! Волосы подобраны и сколоты на затылке модным скрабом, на ногах туфли с высоченными каблуками, лицо выражает сосредоточенность, английская речь бьет ключом. Наташка включилась в процесс! Она играла роль и играла блестяще!

– Наталья, я просила организовать отвал башки, но не до такой же степени, девочка моя! Я сама тебя едва узнала.

– Я не могу Вас подвести! Я должна соответствовать! – четко определила Наталья основное кредо их дальнейших деловых отношений. И Валерия вновь подумала о том, как же это все ей нравится! Это настолько соответствовало ее личному восприятию процесса, в который они ввязались, что мелькнула мысль о родственности их духовного склада.

Добров, спускающийся с лестницы им навстречу, выглядел, надо признать, блестяще. Костюм, в тон рубашка и галстук, высокий, элегантный, уже немолодой, что придавало пикантности, особенно вкупе с молодыми эффектными женщинами. Они завороженно разглядывали друг друга, делая комплименты. Лерка про себя подумала: ***«Какая молодец жена Доброва, все продумала до мелочей».*** Ей всегда казалось, что мужчина сам не в состоянии так все со вкусом подобрать. И когда кто-то из мужиков (редко, но встречались) соответствовал, так сказать, стандартам современного стиля, она всегда думала хорошо о его жене. И наоборот, именно плохой женой объясняла небрежность внешнего вида советской профессуры в том числе.

И в таком вот отличном настроении, довольные сами собой и каждым в отдельности, они в буквальном смысле влетели на авансцену относительно небольшого зала с круглым столом и цветами в центре, обратив на себя внимание всех присутствующих.

РИХАРД

Председательствовал немецкий профессор Рихард Таубер. Без какого-либо официоза, бросив на них взгляд из-под очков, совершенно радушно, как давний хороший знакомый, обратился к вошедшим на английском:

– А это, видимо, наши коллеги из Минска? Просим, заждались, размещайтесь, пожалуйста. Мы как раз начали знакомиться.

Доброва пригласили занять место рядом с председательствующим, а Валерия и Наталья вынуждены были присесть на два свободных стула, расположенные на противоположных сторонах стола. Это было не совсем хорошо, либо лишало обеих возможности пошептаться, а Валерию к тому же – уточнить у На-

тальи вероятные «проколы» в восприятии английского. И потому она напряглась, сконцентрировав свое внимание только на английской речи. Когда до нее дошла очередь представиться перед собравшейся публикой, она от волнения встала.

– Вы можете продолжать сидеть, – удивился Таубер.

– Нет, я волнуюсь. Так легче сконцентрироваться, – ответила на английском, но достаточно уверенно Валерия.

– Волнуетесь? Почему? – опять удивился Таубер.

– Это первая в моей жизни попытка общения на английском, простите.

– Действительно? – улыбнулся Таубер. ***Никому не говорите об этом, и никто не поймет! Я не прав?*** – обратился он к присутствующим. Публика оживилась. И Лерке вдруг стало очевидно, что для подавляющего большинства присутствующих английский чужой. Наверняка многие из них ощущают такой же дискомфорт, как и она, в своих потугах думать на одном языке, а излагать на другом.

– OK! – уже более решительно продолжила Валерия. И почти скороговоркой отрапортовала на английском обязательные для каждого пункты своего представления. Сначала нужно было назвать свое имя и страну, далее место работы и занимаемую должность и, наконец, – научные интересы, разумеется, в социологии.

Вспоминая много позже это свое первое представление в международном формате, Валерия с грустью думала о том, что это был последний раз, когда она ассоциировалась с Великой Державой – СССР. Очень скоро СССР исчез как факт. И Лерка ощущала свою вину! Как будто между двумя этими событиями была какая-то магическая связь. Как будто что-то от нее зависело!

Основным докладчиком утренней части программы был Таубер. Смысл его выступления сводился к описанию научного проекта, которым он руководил на протяжении ряда лет и который имел простое и ясное название «Культурное наследие Европы». Как оказалось, подавляющая часть присутствующих в зале людей были участниками данного проекта и работали не один год вместе. Проект разворачивался в рамках феноменологической социологии, о которой отечественная социология имела очень смутное представление. Поэтому вопросы со стороны советских социологов, посыпавшиеся Тауберу после завершения доклада, никого не удивили.

Самую большую активность проявила Наталья. Представляя здесь студенческую аудиторию, она была лишена права выступления как докладчица. Зная это и стремясь обратить на себя внимание, она в буквальном смысле атаковала Таубера вопросами, при этом очень грамотно сопровождала его ответы отдельными уточнениями, комментариями, демонстрируя свою эрудицию. Валерия имела возможность опять оценить талантливость белорусской студентки. Было очевидно, что Наталья заблаговременно продумала стратегию поведения и реализовала ее блестяще, обратив на себя внимание окружающих.

Объявили перерыв. Взяв по чашке кофе, Валерия с Натальей уединились в дальнем углу с целью обменяться впечатлениями.

– Ты молодец, по-моему, твоя активность очень понравилась Тауберу, он удивлен.

– Все спланировано, Валерия Михайловна. Я хочу уехать за рубеж продолжать образование. Иного пути, как обратить на себя внимание, у меня просто нет. Он величина в Германии, возможно, поможет получить грант?

– А в нашу аспирантуру не думала поступать? Что, на кафедре не предлагали?

– Да предлагали. Только, что потом? Даже если оставят при кафедре преподавать, все одно неинтересно, серо, скучно, бесперспективно. В Вильнюс тоже не хочется возвращаться. Слышали? Вон они уже во всю качественными методами занимаются. А наши даже не слышали о таких. Все долбят эти массовые опросы и линейку с процентами считают.

Валерия не успела ничего ответить, так как в их сторону стремительно направлялся Таубер.

– Валери! – он произнес ее имя с акцентом на последней букве, как бы демонстрируя западное прочтение имени. ***– Хочу заметить, прекрасные студенты в белорусском университете, поздравляю. У вас все такие талантливые, как Натали?***

– Не все, к сожалению. Как и у Вас, видимо? Мы решили продемонстрировать западной школе лучших из лучших! Стараемся поддерживать таланты, – решительно заявила Валерия, пытаясь спровоцировать немецкого профессора на участие в судьбе Натали, как он сам ее «окрестил».

Таубер никак не отреагировал на слова Валерии и, взяв ее под руку, отвел в сторону.

– Хочу дать Вам совет, Валери. Никогда не извиняйтесь за свой английский. Я понимаю, конечно, славянская искренность подкупает. Это мило! Но Вы на Западе! Здесь не любят неуверенности. Если даже Вы говорите на английском впервые в жизни, Вы должны вести себя так, как будто говорите на нем с пеленок. Тем более, что Ваш английский вполне приличный. Я внимательно слушал и должен сказать, что Вы не сделали ни одной ошибки!

– Спасибо, профессор, я буду иметь в виду! По-английски это звучало как «I'll take it in considiration», дословно – «Я возьму это во внимание» или «Учту!». Лерке импонировала необязательность этой английской фразы. Типа – «Я возьму на вооружение Ваш совет, но это совсем не значит, что буду строго ему следовать».

– Ну, а как Вам наш проект? – поменял тему Таубер. – ***Я очень хочу, чтобы Вы в нем участвовали. Вам нравится, что мы делаем?***

– Конечно, все это очень интересно, но… наша социология еще очень далека от качественных методик. Мы продолжаем работать в рамках позитивизма, где научный факт определяется количественным выражением. Это совсем другое, Вы же понимаете?

– Вот и отлично! Будем осваивать новые подходы! Завтра Ваше выступление. Я буду внимательно слушать, имейте в виду!

– О, профессор! Вы лишаете меня еще одной ночи после той, что была в поезде! Я уже начинаю волноваться и не смогу заснуть. Лучше бы Вы этого не говорили. Валерия произнесла это нарочито кокетливо.

Таубер улыбался, было видно, что ему приятно «волновать» противоположный пол.

– У нас здесь такая камерная обстановка, просто встретились друзья и говорят о деле, которым занимаются. Зачем Вы все время волнуетесь? Это плохо, Валери! Такая женщина, как Вы, не должна волноваться. Успокойтесь! Все будут смотреть на Вас, и никто не будет слушать!

Валерия поняла двусмысленность данного комплимента. С одной стороны, он как бы делал реверанс ее внешнему виду. И ей как женщине это было приятно. Но с другой – предупреждал о возможном диссонансе формы и содержания. Если не по сути ее личности как таковой, то с точки зрения восприятия окружающих.

– Вот теперь я точно знаю, что передо мной феноменолог! Изучаете НОВЫЙ ФЕНОМЕН? Пока видите форму и сомневаетесь в содержании? Слишком тривиальное прочтение, профессор. А что, если содержание окажется еще более выразительным?

– Увидим! Буду только рад! Должен сказать, что в любом случае Вы как феномен научного мира очень интересный случай!

Валерия обожала умных задиристых мужиков. Интеллектуальная дуэль с противоположным полом вызывала у нее страстное желание доказать и победить. Это заводило ее эмоционально настолько сильно, что уже давно служило единственным поводом обратить внимание на оппонента как на мужчину. Но в случае с Таубером такой поворот событий оказался для нее неожиданным. Уже немолодой, авторитет в науке, аристократ в манерах, главный организатор дан-

ного мероприятия. **«Чего ему надо?** – думала Лерка. – **И как себя вести? Явно задирается!»** Параллельно она осознала актуализацию мотива достижения – то единственное, что стимулировало у нее интерес к делу и заставляло работать в полную меру сил. **«Завтра нам нужна победа!»** – решила про себя Валерия. Как оказалось, это был главный итог сегодняшнего дня.

ОЛЬГА

Первый год в Штатах был самым трудным и одновременно самым счастливым. Рядом были два дорогих ей человека – дочь и муж. Правда, брак этот не имел официальной основы, и отношения между ними тремя нельзя было назвать безупречными, но все же беспокойство и забота о близких людях отвлекали от мрачных мыслей, нет-нет да и накатывающих на Ольгу по поводу и без него. Когда вечером они возвращались в свою маленькую квартирку на Sunny Avenues 5, «снятую» по знакомству за небольшую по здешним меркам сумму, им было хорошо. Это был их и только их мир со свежими впечатлениями, каждодневными обсуждениями, спорами на русском вперемежку с английским, конкретными заботами, планами, надеждами и – любовью! Ночи вдвоем в тиши их спальни, где, боясь быть услышанными, они нашептывали друг другу нежные слова, казались еще более романтичными. Эти ночи физической и душевной близости с Олегом подпитывали ее энергией настолько, что с утра она вставала с четким намерением покорить Америку и сегодня же!

Остальной мир воспринимался как данность, не считаться с которой просто нельзя. Как, впрочем, и окружающему миру было абсолютно наплевать, что думает о нем Ольга, зачем она сюда приехала и что ищет в этом царстве изобилия и высоких стандартов бытия. Здесь вообще никого и ничто не интересовало, кроме личного благополучия. Толстый ты или тонкий, бедный или богатый, вышел в трусах на улицу или вообще без трусов – все это твое личное дело. Ольга поняла это быстро, но не сразу. Сначала, заметив толстую тетку в шортах с задницей на пятнадцать пивных кружек, да еще в центре города, Ольга не могла сдержать улыбку. ***«У нас бы точно в сумасшедший дом отправили. А тут даже внимания не обращают».*** Или типичное американское приветствие «How are you?» в переводе «Как дела?», оказалось, совсем не предполагает получение ответа. А Ольге на первых порах так искренне хотелось что-то ответить. Но спрашивающий ретировался раньше, чем она успевала открыть рот, оставив ее в недоумении: обижаться или не стоит?

Иногда, возвращаясь домой после попыток решения запланированных на день вопросов, ей так хотелось просто поболтать с кем-нибудь по-русски. Вот здесь, сейчас, прямо на улице, просто услышать русскую речь. Но и это было не просто. Русский не очень «жаловали», даже в среде здешних иммигрантов.

Однажды Ольга случайно обратила внимание на женщину средних лет в шляпке, гуляющую с маленькой собачкой по скверу. Дама кричала на английском, пытаясь урезонить отчаянно сопротивляющегося ее командам пса. Ольга каким-то внутренним чутьем угадала соотечественницу и обратилась к ней на русском. Дама даже для приличия не смогла завуалировать гнева, отразившегося на ее лице:

– Почему Вы обратились ко мне на русском? Я что, так похожа на русскую?

– Показалось, а почему Вас это так удивило? Вы же наша? – спросила Ольга робко.

– Боже мой, я уже десять лет здесь живу, на русском уже давно не говорю и все равно не избавилась от этого советского ярлыка. Если Вы сразу определили, – значит, есть во мне что-то такое, что не позволяет видеть во мне американку?

Ольга даже не нашлась, что ей ответить. Стыдясь за свой поступок, так расстроивший бедную даму, она извинилась и быстро ретировалась. А чуть позже поймала себя на мысли, что недавно в супермаркете на вопрос мужчины, уловившего ее акцент, откуда она, Ольга почему-то представилась полькой. Может быть, потому, что Польша – это последний известный американцам уголок цивилизации? Надежды на то, что они знают Беларусь, вообще никакой. Ответь

правду, придется еще битых полчаса объяснять географическую дислокацию белорусской территории либо определить ее четко, как бывшую окраину Российской империи?

Россию здесь, конечно, знали. И уважали как Монстра, много лет пытавшегося противостоять другому Монстру – США. И несмотря на очевидные потепления отношений между двумя империями, любому рядовому смертному совсем не хочется оказаться между жерновами этого извечного противостояния сильных мира сегодня. Тем более, если ты от одного Монстра только что вырвался, а к другому так и не пристал настолько основательно, чтобы не думать об этом вовсе. Лучше сформировать у окружающих убежденность в том, что ты принадлежишь к какой-нибудь маленькой, не претендующей на мировое господство стране, что намерения твои вполне дружелюбны. Ольга вынуждена была признаться хотя бы себе самой в том, что отождествление с полькой делает ее менее уязвимой. Опять же – более привлекательной, ибо придает некоторый шарм ее славянскому облику. Тем более что по маминой линии у них в родне, действительно, были поляки.

Так что, как ни крути, итогом почти сорокалетней социализации дочери секретаря ЦК стал факт, мягко выражаясь, нелицеприятный. От Родины пришлось дистанцироваться и физически, и, главным образом, – нравственно. Да разве можно было винить Ольгу в этом? По крайней мере, сегодня, когда СССР больше нет, когда Родину предали в первую очередь сами секретари обкомов, горкомов, ЦК? И разве можно гордиться страной, которую вот так волевым решением полутрезвого «партактива» можно запросто стереть с лица земли? Нет, после «Беловежского цирка» бравировать своей былой принадлежностью к СССР вообще как-то сродни заявке на умалишенную. У какого цивилизованного человека могут вызвать уважение все эти «шалости» советской партноменклатуры? От стыда забудешь о своем русском, белорусском, точнее – советском происхождении.

Поэтому, когда однажды случайно Ольга прочла в газете «Русская Америка» объявление одной соотечественницы из Минска, разыскивающей своих родственников в США, которые принадлежали к первой волне (начало прошлого века) иммиграции, то подумала с грустью:

– Никогда не найдет! Через газету нет никаких шансов. Прошло почти 100 лет, сейчас уже внуки тех дальних родственников взрослые люди. Это уже стопроцентные американцы. Наверняка гордятся этим фактом. Шансов, что они читают газету русской иммиграции, – никаких. Но еще менее вероятно, что они пожелают признаваться в своих русских корнях, даже если натолкнутся на это объявление. Наши об этом даже не догадываются. Грустно, но факт!

Грустного оказалось больше, нежели Ольга предполагала. Стереотипы советского образа жизни настолько прочно вошли в ее нутро, что приходилось «выдирать» их оттуда, болезненно переживая меру своей отсталости от темпов развития цивилизации. Ольга долго не могла забыть эпизода, когда она впервые неслась со своей тяжеленной сумкой на шпильках по аэропорту имени Кеннеди в Нью-Йорке в поисках своего терминала (21-го по счету!). Выдохлась настолько, что решила плюнуть на этот самолет и лететь очередным рейсом. Остановилась перевести дух, поставила сумку на пол и только потом заметила бегущую вдоль длинного терминального коридора дорожку, которая совершенно спокойно и без проблем доставляет пассажиров к нужному терминалу. Ольге тогда показалось, что все, кто сейчас стоял на этой движущейся дорожке, смотрели на нее как на чокнутую. Наверно, сделали вывод, что она спортсменка, иначе объяснить этот ее добровольный забег на столь длительную дистанцию было нельзя.

Или ее первая совершенно неадекватная реакция на вопрос о наличии кредитной карточки. На помощь тогда пришла дочь, которая, как всякий молодой, оказалась куда более продвинутой. Случилось это в огромном супермаркете, куда они с Анной зашли для покупки осенних курток. При оплате кассирша уточнила:

– Карточка? Наличные?

– Конечно, наличные! – с уверенностью ответила тогда Ольга. И, выйдя из магазина, поинтересовалась у Анны:

– Я что, выгляжу слишком несостоятельной, что она сомневается в наличии денег у меня?

– Мать, ну ты даешь. Как раз наоборот! Она удивлена, что такая дама респектабельная не имеет кредитной карточки, а, как нищая, деньги в карманах таскает! Может, насобирала у паперти и пришла за курткой. Наличие карточки – это счет в банке, финансовый респект, так сказать. Ну, ты мазер, точно с Урала! Ничего в финансовом мире не петришь. Социолог, одним словом. Что тут скажешь?

И уж точно никто из них тогда не предполагал, что жизнь-таки «сведет» Ольгу с финансовой системой США. Случилось это на четвертом году пребывания. Ольга зашла в банк для уточнения некоторых финансовых вопросов, связанных с пересылкой определенной суммы своим в Минск. Сделать это в начале 90-х было нелегко. Финансовые операции с Россией только начинались. И, заметив некоторые неточности в переводе отдельных пунктов обязательной формы, необходимой для заполнения, Ольга откорректировала содержание, обратив внимание служащих, что по-русски так не говорят. Служащие поблагодарили, и прецедент был исчерпан.

Каково же было удивление Ольги, когда через пару дней ей позвонил управляющий банка и попросил зайти для обсуждения перспектив сотрудничества. Ольга от растерянности даже не поняла, о чем он? Подумала, что с переводом получилась какая-то лажа. Что, наверно, до Минска деньги не дошли. А врубившись, наконец, что ей предлагают работу в банке, поняла, что дождалась своего часа. Это было первое приличное предложение за практически четырехлетнее проживание в Штатах. В Ольгины обязанности входила проверка переведенных текстов финансовых документов, опосредующих бизнес-операции между Россией и Штатами. Надо признать, что их поток к середине 90-х становился все более масштабным. Ольге светила не только гарантированная заработная плата, но и возможность через определенный временной интервал получения банковского кредита для покупки собственного дома! Эта перспектива не могла не радовать, прежде всего потому, что именно с наличием собственного дома ассоциировался статус настоящей американки!

Но все это ожидало Ольгу впереди. А сегодня она перебивалась незначительными заработками случайно «схваченного» рабочего места. Сначала пристроилась домработницей к одной из наших соотечественниц. Софья Зибель из Одессы проживала в США уже более двадцати лет и к моменту знакомства с Ольгой олицетворяла вполне успешно пристроившуюся за рубежом даму. Ольга даже радовалась тому обстоятельству, что работодатель оказался из числа «своих». Это все же давало очевидные преимущества: и понять друг друга легче, и поговорить по-русски реально, а возможно, – и по душам. Опять же, наверняка, поделится опытом, подскажет, что к чему, даст совет. И хотя Софья была из торгашей, все же Ольга очень рассчитывала на взаимопонимание, как ей казалось, основанное на духовной солидаризации двух иммигранток. «Отрезвление» не заставило себя долго ждать.

Однажды Софья вернулась с работы несколько раньше и застала Ольгу за работой. Поравнявшись с усердствующей над паркетом Ольгой, Софья раздраженно заметила:

– Милочка! От вас потом разит за версту. Ну, нельзя же так, в самом деле, вся квартира пропахла! Вы же, кажется, ученой дамой там у них числились? Софья сказала это с таким чувством нескрываемого превосходства, согласиться с которым Ольга не могла ни при каких обстоятельствах. ***«Это конец!*** – мелькнуло в сознании. – ***Даже если это последние деньги в моей жизни! Простить такое унижение? Кому? Торговке? Никогда!»***

Едва сдерживая накатывающиеся слезы, Ольга медленно сняла перчатки, умылась, оделась и, не попрощавшись, вышла. Только на улице, благо уже вечерело, она дала волю эмоциям. Дома она никому ничего не сказала, объяснив впоследствии домочадцам, что работа была краткосрочной до возвращения из отпуска постоянной домработницы. Когда же через пару дней позвонила сама

Софья, Ольга не стала вуалировать своей неприязни и решительно отказалась от работы.

– Боже! Какие мы гордые! – пролепетала на полутонах Софья. – ***Ты думаешь, здесь кому-то нужна твоя ученая степень? Какой наив! Здесь главное – деньги, милочка! И умение их заработать. Засунь свой социалистический маразм в ж..! Иначе совсем пропадешь, ученая ты моя!***

ВАЛЕРИЯ

К моменту прочтения своего доклада Валерия знала его наизусть. Это позволило ей отрываться от текста, делая основной акцент на артистической артикуляции смысловых нюансов с соответствующими интонациями. Драматизм последствий Чернобыльской катастрофы, которым была озабочена отечественная социология на протяжении последних лет, был передан Леркой с таким искренним чувством трагизма, что аудитория готова была разрыдаться от сопереживания. Бросив взгляд на присутствующих, Валерия невольно встретилась глазами с сидевшим напротив нее Добровым. В его взгляде было все – удивление, гордость, восхищение! Это придало Валерии уверенность. Сомнений не было: предложенная ею форма подачи материала не оставляет никого равнодушным. Дальше – больше. Она перешла к анализу социально-политической ситуации в стране и ее отражению на уровне социологического познания. Драматизм ситуации становился еще более очевидным. Заявленная правящей политической элитой перестройка в СССР, несмотря на оптимистичность перспектив, становилась все более непредсказуемой. Кризис, охватывающий все сферы жизнедеятельности советского государства, приближал его к очевидной катастрофе, отодвинувшей на задний план последствия Чернобыля. Социология, сфокусированная на закономерностях массового сознания, отражала в цифрах растущую озабоченность народа судьбой страны и неуверенность в завтрашнем дне. Завершив свой обзор остросюжетных тематических направлений в отечественной социологии, Валерия осталась довольна собой вполне.

«Что их качественная методика? С ее единичными вариациями смыслов? Все это от жизни хорошей. Разве может она сравниться с масштабами проблем отечественной социологии, которая, как в эпицентре атомного взрыва, от завалов экологической катастрофы шарахается к завалам надвигающейся катастрофы политической, экономической, социальной! И за всем этим стоят массы людей, судеб, трагедий, проблем. Тут успеть бы количественно "уловить" масштабы. А смыслы наши очевидны, они на поверхности – разрушить все до оснований! А затем?..» Впрочем, ответить на этот вопрос однозначно Лерка еще не могла, наивно полагая, что отечественная политическая элита знает, что делает.

В аудитории воцарилась тишина. Обозначенный Леркой водораздел между «нашей» и «вашей» социологией стал настолько осязаем, что немая сцена, подобно гоголевскому «Ревизору», казалось, станет заключительной в этом раунде.

И тут двери аудитории резко открылись, в зал буквально влетел Кшиштоф Вышинский – молодой представитель польской социологии. У него было такое выражение лица, словно новость, которую он намеревается сообщить, принадлежит к разряду мировых сенсаций. У Лерки мелькнула мысль: ***«Господа! Конец света, о котором говорят уже не первый год, наступает через 10 минут!»*** Странно, но эта мысль не испугала, напротив, развеселила Валерию. Она даже успела произнести ее вслух, повеселив заодно окружающих. Вышинский посмотрел рассеянно на Валерию и, согнувшись, прошептал что-то Тауберу на ухо. Профессор с минуту о чем-то думал, а потом произнес:

– Ну, вот, Валери, Вы совершенно правы в своих выводах. Катастрофа в вашей стране не заставила себя долго ждать. «Евроньюз» только что передали – в СССР политический переворот! КПСС берет реванш!

Все присутствующие обратили свои взоры на Доброва. Тот побледнел и, понимая, что от него хотят услышать мнение, не совсем уверенно произнес:

– Если это правда, то сегодняшний день войдет в историю как черный день календаря! Последние слова «черный день календаря» он повторил три раза, на польском, немецком и английском.

На этом, собственно, заседание завершилось, так как все кинулись в холл к телевизору. Далее последовало то, что вошло в историю как ГКЧП, точнее, его восприятие западной публикой за той стороной железного занавеса, заявившего о себе как реальность.

Валерия прильнула к экрану ненадолго. Удостоверившись, что все это правда, она окликнула Наталью и вместе с ней удалилась в свой номер.

– Ну, что, подруга, давай отметим очередную революцию! Тащи нашу водку, вон там в тумбочке. Она тут никому не нужна. Они, кроме своего виски, ничего не признают. Валерия глотнула отечественного продукта и продолжила:

– Теперь, может, и домой не пустят, границу на замок закроют... Что делать-то будем? Во вляпались! Это ж надо, как совпало! Первый раз за кордон и сразу ГКЧП! Ты что молчишь?

– Ты хорошо выступала, – почему-то на английском продолжила Наталья. В английском нет этих нюансов ты-вы. И Валерия ощутила гармоничность такого обращения, несмотря на практически двадцатилетнюю разницу в их возрасте.

– Послушай, давай, действительно, на ты. Не люблю я это наше выканье! Тем более, что я не твой препод. Выкайся там на кафедре. Идет?

– Тогда на брудершафт!

Валерия так и не услышала реакции Натальи на революционные события в родной стране, так как в дверь постучали. На пороге стояли Таубер и Добров. Оба были озабочены разворачивающимися в Москве событиями. Выразив соболезнование, Таубер сразу приступил к делу:

– Я уверен, что западные посольства здесь, в Варшаве, будут предлагать оперативное оформление виз советским гражданам. Эта ситуация, как нельзя лучше, способствует благосклонному расположению к советским со стороны западного мира. Может, попробуете?

– Зачем? – удивилась Валерия.

– Разве не понятно? Вы же не знаете, какая реакция последует там, у вас, в отношении тех, кто имел зарубежные контакты? История показала вполне однозначное развитие событий. Не думаю, что вам стоит рисковать.

– Вы имеете в виду, что посадят? Или расстреляют? – Лерка посмотрела растерянно на Доброва. Но Добров молчал!

– Кто знает? – ответил Таубер.

– Черт с ними, пусть расстреливают. На миру и смерть красна! Зато в историю войдем! Представляете? Социолог Валерия Волошина арестована и подвергнута смертной казни ввиду тесного сотрудничества с представителями западной социологии! Представляю, как обрадуются недруги! А какая слава! На весь БГУ! Нет, в этом определенно что-то есть! Я всегда восхищалась судьбой Жанны Д'Арк. – Лерка произнесла этот монолог пафосно и с нескрываемой иронией.

– А о родных подумали? Ведь у вас, кажется, двое детей?

– Тем более, я не имею права их бросить!

Тут в разговор встряла Наташка:

– Существует конвенция на воссоединение семьи. Не помню, как это точно формулируется.

– Наташка, а ты что, решила свалить? – спросила в лоб Валерия.

– А я никогда этого не скрывала. Тем более, обстоятельства складываются в нашу пользу. Почему нет? Меня ничто не держит. Только вот, куда? Не в Польше же оставаться?

– Да, уж если сваливать, то куда-нибудь радикально, в Канаду, например, или сразу в Штаты?! – с иронией заметила Валерия.

– Лучше в Канаду, там нет комплекса иммигранта, – со знанием дела парировала Наталья.

Двери открылись, и в комнату ввалилась польская команда в полном составе. Таубер и Добров вышли, предварительно напомнив о том, что за ужином будет представление прибывшего американского социолога. Кшиштоф Вышинский с порога сообщил новости:

– По польскому радио сейчас объявили, что канадское посольство в Варшаве оперативно предоставило визы десяти советским гражданам, обратившимся к ним за последние сутки. Так что надо действовать, а то потом раздумают.

Валерия бросила многозначительный взгляд на Наталью, подумав про себя: ***«Сбылась мечта и, к сожалению, не идиота!»*** Наталья резко встала и вышла из комнаты***. «Побежала к Доброву советоваться»***, – мелькнуло у Лерки. Поляки шумели, обсуждая московские события, делали прогнозы, в том числе и о судьбе Польши. Валерия по русской традиции разлила по стопкам отечественную водку и предложила всем выпить. Народ повеселел.

Но все это сейчас уплывало на периферию ее сознания. ***«Почему молчит Добров?*** – мучил Лерку вопрос. – ***Не может справиться с шоком? Боится чего-то? Понимает больше других? Опыт жизни большой, партизанил, входил в номенклатуру ЦК КПБ, занимал солидные должности в Академии наук, затем в университете, возглавлял обществоведческую кафедру***. ***Чего ему бояться, если что? Может, все это меркнет под фактом зарубежных связей последних лет? Неужели это возможно? Всю жизнь верой и правдой служить советской власти и не иметь гарантий своей благонадежности? А может быть правда без веры? Может! Это когда обстоятельства зажимают в такой степени, что ты вынужден им служить вполне искренне, но вера вне рамок долженствования. Она либо есть, либо ее нет!»***

На ужин Валерия вышла сознательно в красном. Она любила красный цвет. Прежде всего потому, что он ей просто шел, гармонируя с эпатажностью поведения. Но в этот вечер она вкладывала в красный совсем иной смысл. Как ни крути, красный – цвет ее Родины. Она сознательно раздражала аудиторию, так искренне агитирующую ее поменять вид на жительство перед угрозой вдруг напомнившей о себе советской диктатуры. Заметив Доброва, Валерия, схватив с подноса бокал с коньяком, дала знак, что хочет поговорить.

– Валерия! Ты так красиво на английском говоришь, что я, честно говоря, в шоке. Откуда? Жаль не обсудили доклад.

– Петр Георгиевич, что делать-то будем? С видом на жительство? Видите, как давят. Чего Вы молчите все время?

– А что тут скажешь? Время покажет, как там события развернутся. Посмотрим.

– Да нет, я о Наташке. Она всерьез думает остаться. В Канаду собралась.

– Рихард говорил со мной о вас. Даже спросил, не родственницы ли? Очень, говорит, похожи. Хочет пригласить вас к себе в Германию поработать. Я сразу сказал, что с тобой вопрос закрыт. Нечего обеднять белорусскую социологию. Она нам самим нужна. Хотя можно поехать на стажировку, скажем, на годик? Докторскую подготовишь!? Правда, он настаивает на культурологии. Ты как?

– Никак, Петр Георгиевич! Я завтра еду домой! Вопрос закрыт!

– Чего ты в самое пекло лезешь? У нас же билеты на послезавтра! Может, к этому моменту все уляжется.

– Не знаю, хочу домой, по родителям соскучилась.

– Во дает! Как дите малое. Три дня прошли, а она по маме соскучилась!

– Ладно, со мной все ясно. Что с Натальей делать будем? Уехали втроем, а вернемся вдвоем?

– Ну, с Натальей дело другое. Она молодая, у нее вся жизнь впереди. Что ей даст наш университет? Надо продолжать учиться. Хорошо, если грант какой выбьет. Но я ей посоветовал не спешить идти в нашу аспирантуру, а там, может, и решится что.

Лерка почувствовала на себе пристальный взгляд. Краем глаза уловила Вышинского, разговаривающего с только что прибывшим американцем. Интуитивно поняла, что разговор идет о ней. Но в холле стоял, хотя и приглушенный, но все же гул от разговаривающих между собой людей и звона бокалов.

Разговор между Вышинским и американцем Дэвидом Россом, действительно, касался Валерии.

– Кто эта дама в красном? – спросил американец.

– Социолог из Белоруссии**,** – ответил Кшиштоф.

– Там у них есть социология? – удивился американец. – ***Интересно, представь нас.***

Разговор с Добровым был прерван, хотя Лерка для себя уже все выяснила и потому с облегчением отпустила профессора, повернувшись к подошедшим коллегам. Вышинский, представив их друг другу, быстро ретировался, сославшись на дела. Диалог продолжился на английском.

– Леди в красном! Это так символично! Особенно сегодня! – «подколол» Дэвид, обозначив тем самым полную информированность ходом политических баталий в ее стране.

– Ну, это, как понимать. Каждый понимает в меру своей… ангажированности, – парировала Лерка, информированная о том, что перестройка, положившая конец холодной войне, открыла нишу для свободного притока американских социологов. Те уже на Красной площади проводят свои экзит-пулы.

– Намекаете на то, что смысл вашего платья совсем иной? Может, даже романтический, как в нашей песне с аналогичным названием?

– Возможно, как знать? Только леди та плохо кончила, насколько я знаю. Так что аналогии не очень оптимистичны, – парировала она, прекрасно понимая, что Дэвид имеет в виду сюжет популярной песни о несостоявшемся романе морского офицера Штатов с киноактрисой Мэрилин Монро, которая в вечер их случайной встречи была в красном платье. Песня так и называется: «Lady in red»! Лерка, к счастью, не только знала, но и любила эту песню, особенно припев. У американца с лица сразу спала завеса превосходства. А Валерия подумала о том, как хорошо, что их рокировка касалась данного сюжета. О Мэрилин Монро она знала все и могла, так сказать, блеснуть. Сменив апломб на удивление, Дэвид продолжил:

– Вот, кстати, что касается знания, меня тут польский коллега уверял, что у вас в Беларуси есть социология. Это правда?

– Надеюсь! А что, есть сомнения? Впрочем, меня это не удивляет. Американцы всегда искренне поражаются наличию других континентов мира. Видимо, вы из их числа. Не забывайте, что по миру анекдот ходит на эту тему.

– Вы мне определенно нравитесь, леди в красном! – Американец опять натянул на лицо маску апломба. ***– У меня есть один проект, социологический, очень хочется испытать вас в деле. Если докажете, что вы, действительно, социологи, – будем работать!***

– Возможно, не уверена, я, собственно, завтра уезжаю! – заметив Наташку, Валерия кинулась ей навстречу, показав американцу, что перспектива совместного проекта ее не очень интересует. Уже вдогонку Дэвид уточнил:

– Не уверены, в ком, в себе?

– Нет, в вашем проекте! Бай-бай! – кокетливо помахала рукой Валерия, абсолютно убежденная в том, что задела американца за живое. – ***Теперь проект наш!***

– Наталья! Идем со мной, хочу собраться. Я завтра уезжаю. Видела американца, что со мной беседовал? Его зовут Дэвид Росс. Предлагает какой-то проект. Сама не подходи, пусть помучается. Думаю, сам будет искать выходы на Беларусь. Возьмешь анкету, получишь инструктаж, будем работать.

– А если не подойдет? Что тогда?

– Думаю, что подойдет. Ну, а если нет, сделай все возможное, чтобы подошел. Поняла? Будем работать! А то все Канада, Запад! Лови случай!

– Ладно, оденусь в красное, если что! А чего ты сваливаешь раньше времени? У нас же билеты на послезавтра?

– Не знаю, хочу домой. Там сейчас такие события происходят! Интересно! Хочу быть свидетелем!

Это была третья ночь без сна. В мозгах прокручивались все события этого сумасшедшего дня. Доклад, американец, перспектива работы в международном проекте, ГКЧП, канадское посольство, проблема вида на жительство, возможность стажировки у Таубера.

По большому счету Лерке было абсолютно наплевать на ГКЧП, на исход развернувшихся событий. Она никогда не состояла в КПСС и по своему природному духу была скорее анархистской, нежели почитательницей какой-либо власти вообще. Но в чем она была абсолютно уверена – это в своей Родине. При слове Родина у Лерки возникали совершенно конкретные чувственные ассоциации: Чукотка и Камчатка, Байкал и Амур, Иркутск и Владивосток, Урал и Сибирь, Одесса и Крым, Калининград и Прибалтика, Ленинград, Москва, Киев, Минск. Будучи дочерью офицера Советской Армии, она была, кажется, везде! И все эти необъятные просторы, не имеющие аналога в мире ни с чем, – это и есть ее Родина – СССР.

Уже ночью в поезде Варшава – Москва, прислонившись к прохладному вагонному стеклу, с приближением очертаний Минска Валерия заплакала.

ЕВГЕНИЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ МАТУСЕВИЧ

(01.09.1949 – 20.07.2011)

После долгой продолжительной болезни ушел из жизни известный белорусский политический аналитик, доктор политических наук Евгений Вячеславович Матусевич.

Окончив философское отделение исторического факультета Белорусского государственного университета, он трудился в вузах столицы, защитил кандидатскую диссертацию. Со всей полнотой раскрылся его талант ученого и организатора в период работы (почти восемь лет) директором Института социально-политических исследований при Администрации Президента Республики Беларусь. Институт фактически создавался с нуля, и благодаря Е.В. Матусевичу за короткий срок он превратился в авторитетный, хорошо узнаваемый в республике, странах ближнего и дальнего зарубежья аналитический центр. На должности директора исследовательского института Академии управления при Президенте Республики Беларусь он также добился признания, успел многое сделать, наладить работу учреждения. Последние годы Евгений Вячеславович тяжело болел, но по-прежнему много работал уже в Центре социологических и политических исследований Белорусского государственного университета. Этот человек был как из стали, боролся до последней минуты… Не выдержало сердце… Ему исполнилось бы только 62 года.

Е.В. Матусевичу было свойственно работать в экстремальных условиях – время было переломное. Он никогда не боялся ответственности, всегда оставался самим собой. Был человеком не суетливым, надежным, верным товарищем. Ценил крепкую мужскую дружбу. Может, поэтому к нему тянулись и искренне уважали люди, сильные духом, талантливые, имеющие свою точку зрения и не боящиеся ее защищать в любой аудитории.

При его вечной занятости книга была для Евгения Вячеславовича предметом одушевленным. Из всех командировок он возвращался со стопкой новых книг, мог на это потратить последние деньги. Семья ему во всех делах была надежным тылом, и он это ценил превыше всего. Любил свой дом, семейные торжества, когда случалась свободная минута – с удовольствием возился с внуками. Был человеком хлебосольным, открытым и честным. Таким он навсегда останется в нашей памяти. Научная общественность, друзья, коллеги, ученики скорбят по случаю безвременной кончины Евгения Вячеславовича Матусевича и выражают искренние соболезнования его родным и близким.

Редколлегия

ПАМЯТКА АВТОРАМ

В редколлегию представляется оригинал статьи, набранный на компьютере через 1,5 интервала на бумаге формата А4 с полями с левой стороны не менее 40 мм в редакторе Word (размер шрифта – 12 кегль, гарнитура – Times New Roman), и дискета 3,5" с ее файлом (название файла – по фамилии автора). Объем статьи не должен превышать 16 страниц текста (включая таблицы, литературу и иллюстрации); краткие сообщения – не более 10 страниц; социологические опросы, рецензии, хроника, информация – не более 5 страниц текста.

Рисунки (черно-белые) должны быть четкими и качественными. Файлы рисунков необходимо подготовить в одном из следующих форматов: .cdr (CorelDRAW), .opj (Origin), .psd (Adobe Photoshop) (без склеивания слоев). Обозначения на рисунках должны быть набраны шрифтом Arial. Рисунки выполняются в едином масштабе, их максимальная ширина не должна превышать 100 мм, максимальная высота – 200 мм (с учетом подрисуночной подписи), небольшие рисунки – не более 60 мм по ширине. Минимально допустимое разрешение (для .psd) должно составлять 200 dpi.

Кривые на рисунках нумеруются проставленными на «полочках» курсивными арабскими цифрами, которые расшифровываются в подрисуночных подписях. К статье также прилагается распечатка рисунка.

Ссылки на литературные источники даются в порядке цитирования (упоминания), порядковый номер сноски пишется в верхнем индексе. Список использованной литературы прилагается в конце статьи и должен быть оформлен следующим образом:

а) для книг – фамилия и инициалы авторов, полное название книги, место и год издания, страница;

б) для журнальных статей (коллективных сборников и др.) – фамилия и инициалы авторов, после двух «косяков» – принятое сокращенное название издания, год, том, номер выпуска, страница.

Фамилия и инициалы автора, название статьи и резюме к ней представляются в журнал на русском и английском языках. К рукописи прилагаются полные сведения об авторе: место работы, занимаемая должность, ученая степень и звание, номера контактных телефонов.

При доработке статьи автор передает в редакцию окончательный текст и первоначальный вариант.

Корректура статьи должна быть возвращена в редакцию не позднее чем через три дня после получения ее автором. В корректуре допускается исправление только фактических ошибок.

Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил, редколлегией не принимаются.

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией в Перечень научных изданий Республики Беларусь для публикования результатов диссертационных исследований по политическим, социологическим и философским наукам.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Началась подписка на периодические издания на первое полугодие 2012 года.

Подписная цена на два номера журнала «Социология»:

74932 – для индивидуальных подписчиков – 48 080 руб.;

749322 – для предприятий и организаций – 111 460 руб.

Подписаться на журнал «Социология» можно во всех отделениях связи Республики Беларусь.

Индексы: для индивидуальных подписчиков – **74932**
для организаций – **749322**

CONTENTS

EDITORIAL-IN-CHIEF COLUMN

Danilov A.N. Vivat universitas! Belarus State University is 90! 3

UNIVERSITY ROSTRUM

Stepin V.S. New problems of philosophy of science 5

Henry Tune. Globalization and local democracy: challenge to democratic governance in urban world 13

Eazhy Vyatr. Poland – Russia: national interests or historical memory? 23

BIOGRAPHIES OF SCIENTISTS

Danilov A.N. A word about A.N. Elsukov 36

A.N. Elsukov: «…time has come to speak about Belarusian sociology as a separate scientific school…» (interview given by doctor of philosophy, professor A.N. Elsukov to professor A.N. Danilov, editor-in chief of the Sociology journal) 37

Elsukov A.N. Sociology in shade of theoretic prejudices 43

ARTICLES AND REPORTS

Titarenko L.G. Social theory after 1945: German versions 53

Lipai T.P., Mamedov A.K. Society of knowledge: paradoxes of development 65

Lastouski A.L. Transformation of concept «social mobility» in Post-soviet sociology 72

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

Zlotnikov A.G. Achievements of Belarusian Soviet demographic science 82

Antonina Ostrowska. Polish women at 50 and older: how do we grow older? 94

Shkurova E.V., Karassyova S.G. Religion in education: to the question of introducing the course of religion (religions) into the curriculum 108

SYNOPSIS OF A SOCIOLOGIST

Shavel S.A., Danilov A.N. Introduction to discipline «Sociology» 116

CHAPTER FROM A NEW BOOK

Alice Selezneva. Absinth Hour 127

IN MEMORY OF A SCIENTIST

Evgeny Vyacheslavovich Matusevich 144